

Х. Н. АРДАСЕНОВ

ОЧЕРК
РАЗВИТИЯ
ОСЕТИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ОРДЖОНИКИДЗЕ

1959

Отсканировано
27 апреля 2013 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бәрзәфцәг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд әрцәд
2013 азы 27 апрелы
сәрмагондәй паблик «Бәрзәфцәг»-ы
чиныгдонән.

<http://vk.com/barzafcag>

Х. Н. АРДАСЕНОВ

ОЧЕРК
РАЗВИТИЯ
ОСЕТИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ДООКТЯБРЬСКИЙ
ПЕРИОД

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОРДЖОНИКИДЗЕ • 1959

В В Е Д Е Н И Е

Постановка вопроса. Краткий обзор русско-осетинских отношений с древнейших времен до начала XIX века. Зарождение осетинской письменности. Первые печатные книги.

I

Написание «Очерка развития осетинской литературы» (дооктябрьский период) было затруднено тем, что многие проблемы истории нашей литературы еще не решены и ждут своей разработки. Творчество ряда дореволюционных осетинских писателей не изучено и не оценено по достоинству, суждения литературоведов об их наследии разноречивы. Почти ни об одном писателе рассматриваемого периода нет монографической работы. Исключение составляет лишь Коста Хетагуров, о жизни и творчестве которого издано в последнее время несколько специальных исследований. Что же касается остальных осетинских писателей, то, в лучшем случае, о них имеются только небольшие газетные и журнальные статьи. Изучение истории осетинской литературы осложняется еще и тем, что не все наследие писателей собрано и издано.

Слабо изучен и осетинский фольклор. Почти совсем не разработаны проблемы жанров осетинского фольклора, их специфики, художественно-изобразительных средств.

Наибольшее количество исследований посвящено нартскому эпосу, и среди них наиболее значительной

является работа В. И. Абаева¹. Однако и в нартском эпосе многое остается неизученным, особенно вопросы художественной структуры сказаний.

Все это не могло не затруднить осуществления стоявшей перед автором задачи — рассмотреть осетинскую литературу дооктябрьского периода в ее историческом развитии, создать научную периодизацию истории осетинской литературы, обобщить литературные факты и явления, проанализировать творчество целого ряда писателей, обобщить итоги изучения осетинского народного творчества, рассмотреть его виды, раскрыть, хотя бы в общих чертах, его идейные и художественные достоинства, его связи с письменной литературой.

Но это не говорит о том, что нельзя было приступить к написанию «Очерка развития осетинской литературы» (дооктябрьский период). Такое утверждение было бы ошибочным.

Если до Октябрьской революции действительно не было реальной возможности для написания исторического очерка осетинской литературы ввиду абсолютной неизученности жизни и творчества писателей и, тем более, процесса развития литературы, неразработанности общей истории Осетии, то в годы Советской власти положение резко изменилось. Были созданы все необходимые условия для издания произведений художественной литературы и устного народного творчества. В Северо-Осетинском и Юго-Осетинском научно-исследовательских институтах развернулась работа по изучению творческого наследия осетинских писателей. На страницах газет, журналов и «Известий» институтов стали печататься статьи Ц. Гадиева, А. Тибилова, Б. Алборова, Г. Цаголова, А. Кубалова, Г. Баракова и других, посвященные вопросам литературы и искусства. В развитии осетинского литературоведения положительную роль сыграли статьи Цо-

¹ Абаев В., Нартовский эпос, Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (в дальнейшем сокращенно СОНИИ), т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945.

мака Гадиева о творчестве Темирболата Мамсурова¹, Коста Хетагурова², Сека Гадиева³, Созура Баграева⁴. В двадцатых годах Цомак Гадиев намеревался написать историю осетинской литературы, в его архиве сохранились наброски плана под названием «Вехи осетинской литературы»⁵, однако осуществить свое намерение ему не удалось. Смерть прервала кипучую деятельность писателя.

Литературному наследию Коста Хетагурова, Е. Бригаева и других писателей несколько статей посвятил Александр Тибилев. В своих статьях проф. Б. А. Алборов осветил отдельные вопросы осетинской письменности.

Но несмотря на некоторое оживление, осетинское литературоведение и критика в 20-х и 30-х годах оставались еще на низком уровне. Перечисленные статьи содержали серьезные политические и методологические ошибки; при том они освещали только отдельные вопросы истории литературы.

Осетинская литература в ее историческом развитии рассматривается лишь в статье Губади Дзагурти,⁶ но она содержит грубые ошибки, в ней искаженно характеризуется процесс развития литературы, в творчестве абсолютного большинства писателей автор статьи ничего положительного не находит. По его ошибочному мнению, творчество Инала Канукова «насквозь проникнуто тоской о «великом прошлом» осетинского алдарства», а Сека Гадиев — «националист, активный миссионер православия». Основными мотивами творчества Блашка Гуржибекова Дзагурти счи-

¹ Гадиев Ц., Мамсуров Темирболат — первый осетинский поэт, Известия СОНИИ, вып. II, Владикавказ, 1926.

² Гадиев Ц., Коста Хетагуров — певец осетинской горской бедноты, там же.

³ Гадиев Ц., Сека Гадиев — осетинский поэт-самоучка, Известия горского педагогического института, т. V, Владикавказ, 1929.

⁴ Гадиев Ц., Созур Баграев — осетинский поэт-революционер, ж. «Революция и горец», 1926, № 6, Ростов-на-Дону.

⁵ «Вехи осетинской литературы», литархив СОНИИ, ф. Ц. Гадиева, 17 — 58, п. 4.

⁶ Дзагурти Губади, Осетинская литература, Литературная энциклопедия, т. VIII, 1934.

тает «монархизм (?), верность царской колониальной политике на Кавказе, православию и осетинским народным верованиям и традициям». Не остановился Дзагурти и перед фальсификацией наследия Коста Хетагурова. Он заявляет, что Коста—«выходец из феодально-дворянской среды», «религиозно настроенный пессимист», у него, дескать, и национализм и религиозные верования.

Разумеется, фальсификаторская статья Дзагурти, кроме вреда, никакой пользы не могла принести.

Проведение в 1939 году праздника 80-летия со дня рождения Коста Хетагурова сыграло большую роль в росте литературоведения, в частности, в марксистской оценке творчества и общественной деятельности самого Коста Хетагурова, а также всей осетинской литературы в целом, отдельных осетинских писателей и поэтического народного творчества. Это было началом серьезного изучения творчества Коста Хетагурова, началом подготовки научного академического издания полного собрания его произведений и нартского эпоса.

На заседаниях расширенного президиума Союза писателей СССР, посвященных восьмидесятилетию со дня рождения Коста Хетагурова, по-новому, более глубоко и разносторонне было оценено творчество многих осетинских писателей. В своем докладе о жизни и творчестве Коста А. Малинкин правильно отмечает, что до К. Хетагурова у осетин были свои поэты (И. Ялгузидзе, Т. Мамсуров, И. Кануков и другие). Не зачеркивая значения их творчества в истории осетинской литературы, как это делается в отмеченной выше статье Дзагурти, помещенной в Литературной энциклопедии, А. Малинкин говорит, что это были одинокие таланты, островки, не имевшие творческой связи между собой, не сумевшие создать традиций и не оставившие последователей. Зачинателем осетинской литературы был Коста Хетагуров¹.

В своем выступлении на юбилейной сессии видный

¹ См. сб. «Юбилей Коста Хетагурова», Орджоникидзе, 1941, стр. 110.

русский писатель А. Фадеев, подчеркивая большое значение преемственной связи литературы прошлого с современной литературой, дал высокую оценку творчеству Арсена Коцоева, Нигера и других писателей¹. Писатель Дабе Мамсуров в докладе «Коста Хетагуров и осетинская литература», прослеживая путь развития осетинской литературы после К. Хетагурова, дает, правда, далеко не полное, но в основном правильное освещение наследия С. Гадиева, Б. Гуржибекова, Ц. Гадиева, А. Коцоева и других².

Но эти работы ни в какой мере не могли претендовать на решение всех проблем истории осетинской литературы. Их значение состоит в том, что они отражали новое, научное отношение к культурному наследию прошлого и широко ставили задачи исследования осетинской литературы.

Но в годы войны по известным причинам эти задачи не могли быть решены. Только в послевоенный период в Осетии развернулась большая работа по изданию произведений осетинских писателей (академическое издание сочинений Коста Хетагурова³, книги избранных сочинений С. Гадиева, А. Коцоева, Ц. Гадиева, Нигера и других) и нартского эпоса, а также по исследованию творчества отдельных писателей. Жизни и творчеству Коста Хетагурова посвящено несколько книг⁴.

Нашими историками в значительной мере разработаны вопросы истории Осетии. Проф. Б. В. Скит-

¹ См. сб. «Юбилей Коста Хетагурова», Орджоникидзе, 1941, стр. 93.

² Там же, стр. 120 — 152.

³ К. Хетагуров, Собр. соч. в трех томах, АН СССР, М., 1951; Собр. соч. в трех томах, Дзауджикау, 1951; Собр. соч. в трех томах (на осетинском языке), Орджоникидзе, 1956.

⁴ Семенов Л. П., К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре, Орджоникидзе, 1955; А. А. Хадарцева, Творческая история «Осетинской лиры», Орджоникидзе, 1955; Н. Джусоев, Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, Сталининр, 1955; Р. С. Кабисов, Этические воззрения Коста Хетагурова, «Труды Сталининского государственного пединститута», т. IV, стр. 33, Сталининр, 1957; В. Корзун, Коста Хетагуров, М., 1957; К. Е. Гагкаев, Язык и стиль произведений Коста Хетагурова, Орджоникидзе, 1957.

ский¹ подготовил и издал хрестоматию по истории Осетии, проф. М. С. Тотоев² завершил большое исследование по истории культуры осетинского народа, коллектив научных сотрудников СОНИИ написал первую часть истории Осетии, которая издана АН СССР. Пишутся монографии об отдельных писателях.

Все это создает необходимые условия для написания истории осетинской литературы. Но это — дело завтрашнего дня. Мы же перед собой ставим более скромную задачу — написание очерка развития осетинской литературы с момента ее зарождения до Октября. Но и в данной работе нельзя было обойти общие вопросы истории осетинской литературы, ее периодизации.

Изучая историю осетинской литературы, необходимо отметить, что многие осетинские писатели в силу определенных исторических условий творили на русском языке, а Ялгузидзе написал свою поэму на грузинском языке. Разумеется, произведения, созданные не на родном, осетинском, а на других языках, не играли той большой роли в развитии осетинской литературы, и особенно литературного языка, которая принадлежит писателям, создавшим свои творения на осетинском языке. Безусловно, Коста без знаменитого «Ирон фандыра» («Осетинская лира»), не мог быть основоположником осетинской литературы и литературного языка, хотя его произведения на русском языке имеют громадное значение в развитии культуры и общественной мысли Осетии. Однако мы не разделяем точку зрения тех литературоведов, которые думают, что произведения, написанные осетинскими писателями на каком-либо другом языке, не являются произведениями осетинской литературы. Мы придерживаемся того мнения, что если писатель, будучи по национальности осетином, изображает жизнь осетинского народа, если он кровно связан с ним и в своих

¹ Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, ч. I, Орджоникидзе, 1956.

² Тотоев М. С., Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период, Орджоникидзе, 1957.

произведениях раскрывает характер, психологию своего народа, он безусловно является осетинским писателем. Смешно было бы не считать И. Канукова осетинским писателем только потому, что в начале 70-х гг., когда книги гражданского характера на осетинском языке почти не печатались, он написал свои очерки на русском языке.

Аналогичные явления встречаются и в литературах других народов. Украинские писатели Тарас Шевченко, Марко Вовчок, Гребенка и другие написали на русском языке много произведений, и они считаются произведениями украинской литературы. Такие факты можно привести также и из истории, скажем, таджикской и узбекской литератур.

Затронув широкий круг вопросов, автор, разумеется, не ставит перед собой задачу разрешить в одном очерке все проблемы истории осетинской литературы и не претендует на полную и исчерпывающую характеристику и анализ как литературных явлений, так и творчества отдельных писателей.

Предлагаемый вниманию читателя «Очерк» является первой попыткой освещения истории осетинской литературы. И если читатель получит, хотя бы в общих чертах, правильное представление о развитии осетинской литературы, творчестве отдельных осетинских писателей, то автор будет считать свою задачу выполненной.

II

Осетины живут на северных и южных склонах центральной части Главного Кавказского хребта и составляют две автономные единицы: Северо-Осетинскую АССР, входящую в состав РСФСР, и Юго-Осетинскую автономную область, входящую в состав Грузинской ССР.

Предками нынешних осетин являются северокавказские аланы, которые в свою очередь корнями уходят в скифо-сарматский мир. Об этом говорит тот факт, что язык скифо-сарматов «сохранился лишь в горах Северного Кавказа в языке осетин, которые не

только в языке, но и в своем замечательном нартском эпосе сохранили черты скифской старины»¹.

Однако было бы ошибочным утверждать, что осетины являются единственными наследниками скифо-сарматской, а также аланской культуры. Отдельные черты этой культуры унаследовали, кроме осетин, некоторые другие народы, предки которых входили в конгломерат скифо-сарматских племен.

По языку осетины-аланы относятся к иранской группе индоевропейских языков, в которую входили языки скифов и сарматов, согдийцев и хорезмийцев, саков, персов и других народов.

Принадлежность осетинского языка к иранской группе индоевропейской системы языков доказывается такими убедительными языковыми фактами, как общность корневых слов, обозначающих категории числительных и местоимений, терминов родства, названий частей тела, космических и природных явлений. Она доказывается и грамматическим строем осетинского языка.

Как известно, скифо-сарматские племена, в состав которых входили и аланы, в древнейшие времена населяли южнорусские степи, а оттуда пришли на Кавказ. Аланы на Кавказе смешались с местными племенами, издавна населявшими районы Центрального и Западного Кавказа. Это смешение нашло свое отражение в языке алан-осетин, который в своей основе, по своему происхождению, является иранским, но с определенным отпечатком кавказского элемента. Влияние кавказского элемента выразилось в том, что в звуковую систему осетинского языка проникли типично кавказские смычно-гортанные звуки, склонение приняло некоторые кавказские черты, много «кавказских» слов вошло в лексику.

Победителем при встрече двух языков вышел иранский, который в основном сохранил свой грамматический строй, свой основной словарный фонд и продолжал развиваться по своим внутренним законам.

¹ Третьяков П., Некоторые вопросы происхождения народов, «Вопросы истории», 1950, № 10.

Установлено, что предки осетин — аланы, в грузинских летописях называемые осами (отсюда название осетины), в русских летописях — яссами, а в других (греческих, латинских, византийских, арабских, персидских, армянских) источниках — аланами, так же, как и другие народы Кавказа, имели сношение со славянскими народами издавна, еще во времена древнерусского государства. В частности, в X — XII веках аланы уже общались с русскими, жившими в районе Приазовья, где было расположено русское Тмутараканское княжество. К востоку от этого княжества, как явствует из русских летописей, жили касоги (кабардинцы) и аланы (осетины).

Первые встречи древних русов с яссами (аланами-осетинами) произошли в 965 году во время похода Святослава на Хазарию.

Между русскими и яссами, как пишет проф. М. С. Тотоев,¹ существовали мирные отношения. При дворе владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского (1157 — 1174) ключником состоял яс Амбал. Тот же князь был женат на сестре Амбала. На ясских же княжнах были женаты: киевский князь Ярополк Владимирович (1132 — 1139), владими́ро-суздальский князь Всеволод III Большое Гнездо, черниговский князь Мстислав Святославович².

О культурном влиянии Руси на ясов в X — XII веках говорит тот факт, что в склепах Харха (Восточная Осетия) найдены крестики, являющиеся изделием русских, проживавших на юге России. Аланы и касоги, а также и другие народы Северного Кавказа до монгольского нашествия имели политические и культурные связи с древнерусским населением.

Эти связи были на длительный период прерваны монголо-татарским нашествием и стали вновь возобновляться лишь с конца XV и начала XVI века, после того, как русский народ в героической борьбе осво-

¹ Тотоев М. С., К истории дореформенной Северной Осетии, Орджоникидзе, 1955, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

бодился от власти монголо-татар и изгнал их со своей земли.

В результате монголо-татарского нашествия предки осетин — аланы были частично уничтожены, а частично оттеснены с плоскости в горы и заперты в четырех ущельях Центрального Кавказа. Таким образом, часть Алании была покорена монголами, причем некоторые лица из феодальной верхушки приняли власть завоевателей и служили монголам. Другая же часть Алании (видимо, те аланские племена, которые скрылись в ущельях) не покорилась захватчикам и продолжала бороться против них. Путешественник Плано Карпини, побывавший в 1246 году в Золотой Орде, говоря о непокорившихся монголо-татарскому владычеству аланах-горцах, пишет:

«В нынешнее время осаждали татары, кажется, двенадцать лет в Аланской земле одну гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро, и многие татары и вельможи их под нею погибли»¹.

Грузинский историк Вахушти, живший в XVIII веке, сообщает, что во время нашествия чингисхановых татар Батохакан разбил овсов и опустошил их страну и овсы скрылись в горах Кавказа².

Начиная со времен монголо-татарского нашествия и вплоть до начала XIX века, т. е. до укрепления русского владычества на Кавказе, осетины жили в горах центральной части Кавказского хребта в нескольких ущельях, мало общаясь друг с другом. Каждое ущелье жило своей замкнутой жизнью. Такая раздробленность, безусловно, отрицательно повлияла на экономическое и культурное развитие осетин.

Во всех осетинских ущельях установились более или менее четко выраженные феодальные отношения. Наибольшего развития феодализм достиг в Дигории (Западная Осетия), где население делилось на феодалов-бадият и подвластный им трудовой народ,

¹ Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, ч. I, 1956, стр. 32.

² Вахушти, География Грузии, Тифлис, 1904, стр. 138.

который в свою очередь распадался на ряд социальных групп. Тагаурское общество делилось на феодалов-тагиатов, независимых фарсаглагов и подневольных кавдасардов. В Нарской котловине, по характеристике К. Хетагурова, существовали следующие сословия: тыхджын мыггаг — сильная фамилия, фарсаги — независимые, кавдасарды — дети наложниц (буквально «рожденные в яслях») и цагайраги — рабы¹.

Хотя общение даже между ущельями, как сказано выше, было затруднено, они, конечно, не были совсем отрезаны от окружающего мира. Через Дарьял проходил большой торговый путь, ныне — Военно-Грузинская дорога. По Алагирскому ущелью шла дорога к верховьям р. Рион, связывавшая северные склоны Кавказского хребта с южными склонами, с Грузией. Кроме этих транзитных путей были еще дороги менее удобные, связывавшие между собой отдельные ущелья. Осетины имели торговые связи с русскими, грузинами, кабардинцами и другими народами Кавказа.

Однако эти связи не могли избавить Осетию от экономического и культурного застоя. Феодалный гнет и безземелье, межфеодалные распри и набеги разоряли трудовой народ.

Борьба народа против феодального гнета нашла яркое отражение в исторических песнях. В них поется о тяжелом положении крестьянства, о его ненависти к поработителям, восхваляются герои, боровшиеся за свободу. В одной из песен говорится о том, как распоясавшийся феодал Сари Асланбек стал нагло требовать дани девочками и мальчиками. Но народ восстал против него, и, насильник был изгнан. Борьбу возглавил Есе Кануков, который и прославляется в песне. В «Песне о Таймуразе» воспевается храбрость и отвага охотника Таймураза, убившего феодала-поработителя. Правдиво показана борьба крестьянской бедноты против социальных верхов, за свободу, за право на человеческую жизнь в «Песне о сыновьях

¹ Коста Хетагуров, Собр. соч., т. III, М., 1952, стр. 210.

Бата», «Песне о Чермене» и «Песне о Хамицати Царае».

Находясь в крайне тяжелом экономическом положении, страдая от тяжелого гнета местных феодалов и, еще больше, от хищнических набегов феодалов соседних племен, осетинский народ постоянно тяготел к русскому государству. Это стремление ясно проявилось при встречах осетин с представителями русского государства. В середине XVII века Толочанов, возглавлявший русское посольство, доносил, что, как только русский царь построит близ гор свой город и поставит там воинских людей, дигорцы и другие горцы станут подданными московского государства¹.

Если осетинский народ был кровно заинтересован в сближении с Россией, видя в этом спасение от экономической нищеты и гнета, от агрессии со стороны Турции и Персии, то и царская Россия была также заинтересована в присоединении Осетии к России. Здесь играли роль и экономические и политические соображения. В центральной части Кавказских гор на территории Осетии были обнаружены богатые рудные месторождения, и это не могло не привлекать внимания русских правительственных кругов. Кроме того, через Осетию проходила главная магистраль, соединявшая Россию с Закавказьем, народы которого задолго до этого уже были связаны с Россией узами дружбы.

Стремясь присоединиться к России, осетины надеялись, что русское правительство разрешит им переселиться с гор, где они жили в условиях тесноты и безземелья, на плодородные земли предгорной равнины.

Тяготение осетин к России особенно усилилось с середины XVII века. Россия тогда была уже крупным централизованным государством и установила дипломатические и дружественные отношения с некоторыми народами Кавказа, в частности, с Кабардой. Эти отношения не могли не способствовать тяготению осе-

¹ Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, ч. I, 1956, стр. 162.

тии к России. О желании осетин принять русское подданство, как уже говорилось выше, сообщал глава русского посольства Толочанов. Об этом же заявили первые осетинские послы, направленные в Петербург (1749 — 1752 гг.).

Это и другие посольства, которые отправлялись в Петербург от осетинских обществ с просьбой разрешить им принять русское подданство, и их переговоры с представителями Русского государства завершились в 1774 году актом присоединения Осетии к России¹. С этого времени развитие общественно-политической жизни Осетии неразрывно связано с историей Русского государства, русского народа.

Присоединение Осетии к России было единственно правильным путем экономического, политического и культурного развития осетинского народа. Несмотря на реакционную политику царизма по отношению к нерусским национальностям, в то же время под воздействием России быстрее стала развиваться хозяйственная и общественно-политическая жизнь Осетии. Появление первых осетинских школ и первых печатных книг непосредственно связано с присоединением Осетии к России.

Правда, имеется ряд исторических памятников, говорящих о том, что аланы-осетины имели свою письменность еще в XI — XIII веках. Таким древнейшим памятником является надпись на надмогильной плите, обнаруженной в Северном Причерноморье, в ущелье реки Большой Зеленчук и известная под названием «Зеленчукская надпись». Надпись эта сделана греческими буквами.

Византия, желая укрепить связи с другими народами и странами и тем самым усилить свое влияние, стала распространять христианство среди кавказских аланов. В первой половине X века была создана самостоятельная аланская архиепископия, а позднее — митрополия. Митрополитами назначались греки.

¹ Тотоев М. С., К истории дореформенной Северной Осетии, Орджоникидзе, 1955, стр. 25.

Митрополия в Алании официально существовала до конца XIII века.

Принятие христианства имело для аланов некоторое прогрессивное значение. Первые письменные памятники на осетинском-аланском языке связаны с принятием христианства. Путешественник XIII века Вильгельм де Рубрук писал: «...Пришли к нам некие аланы, которые именуются там асс, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников»¹.

«Зеленчукскую надпись» впервые прочитал и расшифровал акад. В. Ф. Миллер². Эта расшифровка, уточненная В. И. Абаевым³, читается так: «Иисус Христос, Уа...е Никола (со), Сахари фурт (X)...р, (X)...ри фурт Багатар, Багатари фурт Анбалан, Анбалани фурт Лак, — ани чирта», что переводится так: «Иисус Христос, святой (?) Николай, Сахара сын (X)...р, (X)...ра сын Багатар, Багатара сын Амбалан, Амбалана сын Лак, — их памятник».⁴

Значительное количество памятников осетинской письменности сохранилось на грузинском алфавите. Это и понятно. Грузины издревле были соседями осетин. С XIV века христианская вера среди осетин распространялась, главным образом, грузинскими церковнослужителями. На многих колоколах осетинских церквей, надмогильных каменных плитах (в селениях Тли, Дзивгис, Нар, Зруг, Калак) и на стенах неко-

¹ Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, Орджоникидзе, 1956, стр. 32.

² Миллер В. Ф., Древнеосетинский памятник из Кубанской области, Материалы по археологии Кавказа, вып. III, 1893, стр. 110.

³ Абаев В. И., Поправка к чтению древнеосетинской зеленчукской надписи, Сообщения АН Грузинской ССР, т. V, № 2, 1944, стр. 217.

Экспедиция под руководством Е. Г. Пчелиной, организованная Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, нашла в 1946 году в районе реки Зеленчук еще несколько осколков надмогильных плит с осетинскими словами — «фурт» (сын) и др.

⁴ Новую расшифровку «Зеленчукской надписи» дает проф. Б. А. Алборов. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите. Ученые записки Сев.-Осетинского гос. пединститута, том XXI, вып. II, 1956.

торых жилых построек сохранились надписи, исполненные грузинскими буквами.

Одна из таких надписей на стене древней Нузальской часовни¹ XIII века гласила: «Нас было 9 братьев Чараджоновы и Сахиловы: Ос-Багатыр, Давид-Сослан, с 4 царствами боровшиеся, Фидарос, Жадарос, Сокури и Георгий, для врагов страшный. Наши братья: Исаак, Роман и Василий сделались верными рабами Христу. Мы имеем с 4-х сторон пути охранные: в Касарском ущелье замок, где брали плату с прохожих, мостовые ворота, я в ожидании будущего века жил здесь... Кто эти стихи будет читать, пусть помянет меня».²

Сообщение это представляет интерес не только как свидетельство о существовании осетинской письменности, но и как фольклорный памятник, связанный с народными сказаниями об Ос-Багатаре.

Указанные памятники подтверждают факт существования письменности у осетин в средние века, однако широкого распространения она не получила и не имела преемственности.

Создание алфавита и появление первых печатных книг на осетинском языке, как говорилось выше, стало возможным лишь во второй половине XVIII века в связи с присоединением Осетии к России.

Приведем некоторые сведения из истории осетинской письменности.

Правительствующий сенат на специальном заседании 1 ноября 1744 года рассмотрел и одобрил проект создания православных миссий в Осетии. К началу 1745 года группа духовных лиц из грузин³ во главе с архимандритом Пахомием прибыла в Осетию,

¹ Достоверность «Нузальской надписи» некоторыми учеными отрицается. На наш взгляд, эта надпись скорее устное предание, позже увязанное с Нузальской часовней.

² Головин А., Топографические и статистические заметки об Осетии, Кавказский календарь на 1854 г., 1853, стр. 494.

³ По Белградскому договору 1739 года Турция и Россия признали Кабарду независимой, нейтральной страной. А так как Осетия считалась вассально зависимой от Кабарды, то посылка сюда русских духовных лиц могла быть расценена Турцией как нарушение договора.

и на реке Фиагдон, у входа в ущелье, была учреждена «Осетинская духовная комиссия».

В конце 60-х годов XVIII столетия руководящий состав миссионерства пересматривается: грузинское духовенство заменяется русским; деятельность «Осетинской духовной комиссии» непосредственно подчиняется кизлярскому коменданту. Новый глава комиссии протопоп Болгарский большое внимание уделяет подготовке из самих осетин священников, которые бы могли стать активными проводниками христианства среди своего народа. С этой целью используется открытая в Моздоке в 1764 году осетинская духовная школа, которая была рассчитана в основном на детей представителей привилегированных сословий.

Школа не имела большого успеха, охотников отдавать своих детей было немного, в чем немало повинна мусульманская знать, распространявшая слухи, что русские используют их детей в качестве аманатов. В моздокской школе изучались церковные молитвы, катехизис на родном и русском языках, русский и осетинский языки. Она просуществовала до 1792 года. Кроме этой школы, в 1777 году, по настоянию протопопа Болгарского, в Астрахани создается духовная семинария, в которой уже в первые же годы училось до десятка осетинских юношей.

Появление этих учебных заведений, несмотря на их духовно-религиозный характер, сыграло прогрессивную роль. Окончившие школу и семинарию, помимо христианско-проповеднической деятельности, занимались распространением среди осетин грамоты, и это, несомненно, способствовало усилению их культурного общения с русскими.

В 1793 году деятельность «Осетинской духовной комиссии» прекращается, вместо нее организуется Моздокская епархия. Во главе епархии был поставлен епископ Моздокский и Мажарский Гай (Токаов, 1746 — 1821 гг.), человек, знавший осетинский язык. С его именем связано появление первой осетинской печатной книги на основе церковнославянской азбуки. Эта книга, включавшая в себя параллельно с цер-

ковнославянским текстом и его перевод на осетинский язык, называлась «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания». Она была напечатана в 1798 году в московской синодальной типографии в количестве 1000 экземпляров¹.

В работе по переводу названной книги Гаю помогал священник Павел Генцауров (Кесаев), осетин, выходец из Закинского прихода, Алагирского ущелья, с 1777 по 1794 год служивший в моздокской духовной комиссии.

Перевод текста буквальный, без учета особенностей осетинского языка, построение предложений сложно и трудно для понимания, азбука примитивна и неточна. Все это снижает ценность книги, не говоря уже о ее христианско-проповедническом содержании. Тем не менее она небезынтересна и имеет известное историческое значение как первая печатная книга, как первый камень в фундаменте осетинской письменности, созданной на основе русской графики. Она является как бы порогом, через который должен был перешагнуть и перешагнул осетинский народ из бесписьменного, по существу, периода в письменный период развития своей культуры.

Первая осетинская книга имеет также и историко-лингвистическое значение. Она отражает некоторые фонетические особенности осетинского языка того времени. С точки зрения историко-сравнительного изучения небезынтересен ее словарный фонд, терминология.

¹ По некоторым сведениям, на осетинском языке существовали и другие печатные книги. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. XXII, 1897) говорится, что в царствование Ираклия II стали появляться богослужебные книги на осетинском языке, печатавшиеся в царской типографии грузинскими церковными буквами с добавлением некоторых знаков, свойственных осетинскому (стр. 64). К этому Джанашвили дает примечание: «Первая такая книга, которую мы видели, вышла из печати в 1753 г.» (там же).

Нам до сих пор не удалось обнаружить указанную Джанашвили осетинскую книгу, поэтому более определенно сказать что-либо о ней невозможно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСЕТИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЕГО СВЯЗИ С ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Осетинская письменная литература сравнительно молода. Первые печатные книги на осетинском языке появились в конце XVIII столетия, а художественная литература зародилась еще позже. Письменной литературе предшествовало устное народное творчество, которое явилось источником осетинской художественной литературы. Оно продолжало и в дальнейшем влиять, как и у других народов, на формирование и развитие письменной литературы Осетии. Максим Горький подчеркивал, что народное творчество непрерывно и определенно влияло на создание крупнейших произведений книжной литературы, что «лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа».¹

В произведениях фольклора нашли отражение многие исторические события, тяжелое положение народа, его борьба против угнетателей и иноземных захватчиков, против социального гнета. Поэтому историко-познавательное значение фольклора велико. «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории», — говорил М. Горький с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей.²

¹ Горький М., О литературе, М., 1953, стр. 54.

² Там же, стр. 703.

О фольклоре как об историческом источнике неоднократно говорил и Поль Лафарг. Он писал, что народные песни имеют историческое значение, что при отсутствии других источников по ним можно восстановить обычаи, чувства и мысли народа, создавшего их¹.

Все это справедливо и в отношении осетинского фольклора. Не имея письменности, осетинский народ свои думы и чаяния в течение многих веков выражал в устном творчестве: в героическом нартском эпосе, в даредзановских сказаниях, в трудовых и обрядовых песнях, в исторических преданиях и сказках.

Произведения устного народного творчества имеют не только историко-познавательное значение. Они и сейчас доставляют нам подлинно-эстетическое наслаждение и, кроме того, являются своеобразной поэтической школой для современных писателей.

Фольклорные произведения отражали и определенно влияли на формирование мировоззрения народа. Герои нартского эпоса и исторических песен, храбро защищавшие отечество, выступавшие в защиту трудового народа, боровшиеся за правду и справедливость, были предметом подражания. Справедливо замечание В. Абаева о том, что для народа, не имевшего в прошлом письменности и писанной истории, устный эпос заменял все: и литературу, и историю, и школу житейской мудрости.²

Осетинская фольклористика зародилась в первой половине XIX века, когда немногочисленные энтузиасты начали собирать и публиковать произведения осетинского народного творчества. Первыми собирателями фольклора в Осетии были Берзенов, Жускаев и другие. Живой интерес к нему проявили Василий Цораев, Джантемир и Гацыр Шанаевы, известный грузинский писатель Даниил Чонкадзе. Они записали на осетинском языке значительное количество фольклорных

¹ Лафарг Поль, Очерки по истории культуры, «Московский рабочий», 1926, стр. 53.

² Абаев В., Нартовский эпос, Известия СОНИИ, т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 10.

текстов, которые в 1868 году были изданы академиком А. Шифнером отдельным сборником под названием «Осетинские тексты». Записи братьев Шанаевых в переводе на русский язык опубликованы в «Сборнике сведений о кавказских горцах»¹. Несколько текстов записал и опубликовал в том же сборнике доктор В. Пфаф.²

Большое внимание осетинскому фольклору уделял крупный русский ученый академик В. Миллер. Свои записи текстов осетинского народного творчества он публиковал на осетинском и русском языках с подробными комментариями.³ Миллер не ограничивался публикацией текстов осетинского фольклора. Он является ученым, который первым приступил к изучению сюжетов и мотивов нартского эпоса. Не все положения его исследований верны, не все в них одинаково ценно, но их значение, помимо всего прочего, заключается в том, что они возбудили большой интерес к дальнейшему изучению осетинского языка и фольклора. Многие из интеллигентных осетин вслед за ним стали собирать и публиковать произведения устного творчества. Так А. Кайтмазов записал и опубликовал несколько осетинских сказок и нартских сказаний.⁴ Произведения устного народного творчества записали и обработали М. Туганов⁵, А. Кубалов.⁶

Значение этих трудов трудно переоценить, но изучение фольклора на научную основу поставлено только при Советской власти, когда произведения устного творчества начали издаваться систематически, а их исследованием занялись целые коллективы специалистов. В печати появились научные работы, посвящен-

¹ См. в Сборнике сведений о кавказских горцах, вып. III, 1870; вып. V, 1871; вып. VII, 1873; вып. IX, 1876.

² Там же, вып. IV, 1870.

³ См. Осетинские этюды, 1881; Сборник материалов по этнографии, ч. I, 1885; Труды по востоковедению, издававшиеся Лазаревским институтом восточных языков, вып. XI, 1902.

⁴ См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. VII, 1889.

⁵ Дигурон кадæнгитæ (Дигорские сказания), Владикавказ, 1911.

⁶ Герои-нарти, Владикавказ, 1906.

ные разработке проблем нартского эпоса и других вопросов осетинского фольклора.

* * *

Осетинское устное поэтическое творчество богато и разнообразно и в тематическом и в жанровом отношении. При этом в нем, особенно в нартском эпосе, выработались свои художественно-выразительные средства, свои традиции в описании событий, пейзажа, в показе образа, в раскрытии характера героя. Фольклорные традиции оказывали благоприятное влияние на осетинскую литературу со дня ее зарождения. Об этом будет сказано ниже. Здесь же мы считаем необходимым коротко охарактеризовать жанры осетинского фольклора, получившие наибольшее развитие.

Многочисленны и содержательны осетинские народные песни. Начиная от лирических и кончая эпическими, они на протяжении веков отражали помыслы и стремления народа. В устном творчестве осетин широко представлены трудовые, обрядовые, колыбельные, любовные, застольные, героические, исторические и другие песни.

Осетинские трудовые песни, дошедшие до нас в записях и публикациях, показывают в основном труд женщины. Большинство их объединено одним названием «Песни валяльщиц войлока для бурки» или просто «Онай». Другие же посвящены сельскохозяйственным работам.

В этих песнях главным, организующим моментом является ритм. Стих отличается музыкальностью, строгой ритмической организованностью. Песня непосредственно сопровождала трудовой процесс, скажем, работу женщин, валявших войлок. Поэтому ритм, соответствовавший движениям валяльщиц, был необходим для песни, ибо она призвана облегчать их труд, подбадривать их.¹ Перед каждым стихом повторяются

¹ Валяние войлока проходит так. На ровном месте кладется плетень из очищенного хвороста. На нем стелят грубошерстную ткань, а на ткань ровным слоем накладывают прочесанную шерсть, затем ее опрыскивают горячей водой. Потом

возгласы: «Йа, она, йе» или «Онай, йа, онай», при-
близительно означающие: «Ну-ка, проворнее».

Трудовые песни появились еще в глубокой древности, но некоторые из них носят на себе отпечаток времен возникновения классового общества. Так, например, в одном варианте песни «Онай» говорится о том, чтобы женщины валяли бурку для богатого человека и что он зарежет барана, чтобы угостить их.

Валяние войлока — коллективный труд. Одна или две женщины не в состоянии были бы выполнить эту тяжелую работу, поэтому они собирались более или менее большой группой. Эти сборы имели и другую цель: они были своеобразными смотринами. В одной из песен «Онай»,¹ например, говорится, что нартская Шатана собрала девяносто девять девушек из разных фамилий, вручила им по одному мотку шерсти, сама села посередине и стала рассказывать разные прибаутки, поглядывая на них. Девушки все время шушукались между собой. И ни одна из них не понравилась Шатане. И она приглашает еще единственную дочь Алибега — красавицу Айсану, вручает ей сотый моток шерсти и снова заводит речь о разных разно-
стях, поет песни. Айсана даже рта не раскрыла и быстрее всех закончила работу. Девушка понравилась Шатане, и она засватала ее своему сыну.

В песнях, связанных с сельскохозяйственным трудом, часто встречаются образы мифических героев-небожителей. Они наделяются человеческими чертами, общаются с крестьянами, занимаются земледелием, собирают урожай. Земледельцы в своих песнях

шерсть вместе с тканью сворачивают трубой. Несколько женщин становятся у плетня в ряд и засученными до локтей руками, ровными рывками начинают валять шерсть, то скручивая ее в трубу, то снова расстилая ее. При этом валяльщицам в первый такт приходится нагибаться и подаваться вперед, руками нажимая на шерсть (на войлок), а в следующий такт выпрямляться, с тем чтобы потом опять повторить эти движения. В такт движениям женщины поют песню «Онай».

¹ «Уонаи зар» — песня, записанная со слов Елмарзы Калухти (см. Осетинский фольклор, хрестоматия для вузов, составленная К. Казбековым и Г. Калоевым, Дзауджикау, 1949, стр. 24).

просят их ниспослать им хороший урожай («Песня о Хор-алдаре»).

Новогодние обрядовые песни также связаны с хозяйственными заботами людей, с их мечтаниями. В них обычно высказываются пожелания: чтобы домоладцы были счастливы, чтобы глава семьи убил оленя, а хозяйка родила сына и т. д. При этом, как правило, содержание их меняется в соответствии с условиями жизни, с той или иной конкретной обстановкой. Мастерски обработав одну из таких новогодних народных песен, Коста Хетагуров создал стихотворение «Новогодняя песня».¹

В осетинском фольклоре много песен, сопровождавших свадебные обряды. Обычно они содержат добрые пожелания невесте и жениху, чаще всего им желают здоровья и счастья. Песни очень поэтичны, метафоричны, сравнения всегда точны и метки. В одной из них высказываются пожелания, чтобы родство между двумя породнившимися фамилиями было вечным, чтобы невеста родила много детей, столько, сколько у курицы цыплят, чтобы ее дети были всегда здоровы, как у медведицы медвежата, чтобы она пустила глубокие корни, как дерево, чтобы она в семье жениха была любима и уважаема. Среди свадебных песен много юмористических и сатирических.

Заплачки (хъарджыта) отражают древнейшие верования и представления осетин. «Кажется, ничто так сильно не укоренилось в понятиях осетина, как вера в загробную жизнь», — писал Коста Хетагуров.² Осетины считали, что мертвые не только живут своей жизнью в «стране мертвых», но продолжают принимать участие и в семейных делах на земле. Своеобразно отразились религиозные убеждения их и в нартских сказаниях «Сослан в стране мертвых» и «Безымянный сын Урызмага». Живые и мертвые часто общаются, совместно решают мирские дела, помогают друг другу, советуются друг с другом. Сослан отправился в страну мерт-

¹ Хетагуров Коста, Собр. соч. в трех томах, т. I, М., 1951, стр. 255.

² Хетагуров Коста, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1951, стр. 249.

вых и советуется со своей покойной женой Бедухой. Ответив на вопросы Сослана, Бедуха выпросила для него у повелителя страны мертвых Барастыра листья Аза-дерева и указала путь возвращения в страну живых. Как гласит сказание, она и в пути оберегала мужа от всяких неприятностей. А безымянный сын Урызмага, выехав из страны мертвых, показывает чудеса храбрости в борьбе с врагами нартов на земле, потом напоминает отцу о невыполненном им обряде и возвращается в страну мертвых.

Древние осетины верили, что покойник и на том свете нуждается в пище, одежде, в орудиях производства. Эта вера запечатлена в обычае посвящения коня покойнику (бæхфæлдисын), описанном Коста Хетагуровым в поэме «На кладбище». Коста не просто описывает верования и предрассудки народа, он раскрывает его мировоззрение в историческом прошлом, показывая отправление религиозного обряда, поэт изображает противоречия реальной действительности. Коста бичует социальное неравноправие, проделки судей, осуждает зло, жадность, аморальные поступки.

В заплачках обычно говорится о жизни и деяниях покойного, о горестной участи его семьи. Слагались они согласно определенным традициям и исполнялись женщинами. Талантливые плакальщицы импровизировали. Заплачки эмоционально насыщены, художественно выразительны. Плакальщица подбирала самые яркие эпитеты и сравнения, чтобы вызвать сочувствие и слезы, воздать должное усопшему. Вот что говорится в одной заплачке о доле сирот, оставшихся без кормильца. Плакальщица, обращаясь к покойнику, речитативом произносит:

Для твоих маленьких детей солнце будет рубашкой,
а земля — обувью.

При раздаче пищи они будут последними,

А при посылке куда-нибудь — первыми.

(Подстрочный перевод).

Часто употребляются в заплачках такие метафоры, как:

«Мæ лæугæ хох, мæ цæугæ мæсыг» (Моя стоящая гора, моя ходячая башня).

Плакальщицы старались усилить чувство горечи у людей, собравшихся у гроба покойника. Для этого некоторые из них прибегали к такому приему, как упоминание ранее умерших людей возможно, родственников присутствующих на похоронах. Интересна заплачка, записанная писателем Д. Мамсуровым со слов (вернее, с голоса) Басылкыз Кантемировой.¹ Плакальщица обращается к людям, хоронящим покойника, и, стараясь воздействовать на эмоции слушателей, причитает: «Почему не плачет тот, кто потерял своего единственного кормильца и остался без близкого, без потомства; почему не плачет мать, чей маленький сын, будущий кормилец, утопая в реке, был в таком горестном положении, что песок для него служил матрацем, вода — одеялом, а оплакивали его одни лишь рыбы». Так перечисляются все возможные случаи смерти знакомых и незнакомых людей.

Следует отметить, что в некоторых заплачках говорится не только о достоинствах покойника, но и критикуются его пороки.

Народные песни (трудовые, свадебные, любовные, колыбельные и другие) отличаются друг от друга и по ритму, и по количеству слогов в строке, и по способу рифмования, словом, по всему комплексу художественно-изобразительных средств. Колыбельные песни имеют большое познавательное значение: в них в доступной для детского восприятия форме повествуется о жизни, характеризуются повадки разных животных и т. д. По строгой ритмичности они близко стоят к трудовым песням, однако по форме они более яркие. Сюжетная линия, в отличие от трудовых песен, в них бывает более занимательной, рифма более точной, ритмика более гибкой.

Интересна поэтика любовно-лирических песен. Организующим началом в произведениях является не только определенный ритм, но и рифма, при этом она встречается и в конце, и внутри стиха. Иногда рифмуются все слова внутри стиха (панторифма). Широко

¹ Хрестоматия по осетинской литературе для шестого класса, Дзауджикау, 1948, стр. 14.

используется принцип параллелизма, когда первая часть строфы не имеет смысловой связи со второй и привлекается лишь для рифмовки и усиления музыкальной окраски песни.

Вот одна строфа из девичьей песни «Думки»:

Æхсæрыл сыфтæр нал хæцы, —
Уый, дам, уазалы тыххæй у.
Æхсæв мыл хуыссæг нал хæцы, —
Уый, дам, уарзыны тыххæй у.¹

Здесь два первых стиха по содержанию никак не связаны с двумя последующими, только рифмуются с ними. Приведем еще один пример параллелизма с панторифмами — двустишие, взятое нами из письма К. Хетагурова.²

«Ой, Сосе! Хæрисæй, дам, цæвæджы хъæр нал хъуысы...
«Ой, Сосе! Фæдисæй, дам, дæ лæджы хъæр нал хъуысы.»³

В некоторых осетинских народных песнях (героических, застольных и других) не сохраняется равное количество слогов. Они напоминают рифмованные вольные стихи, причем рифмуются или же бывают созвучны несколько слов, начиная с конца.

Возьмем для примера две рифмованные фразы из героической «Песни об Акиме»:

Уырысы аргъуанæн бурæй, дам, дзæнгæрæг.
Ныр мын чи фæцæудзæни уæлладжыры коммæ хурай,
дам, хъæргæнæг?⁴

¹ На орешнике листья уже не держатся, —
Это, говорят, от холода.
Ночью сон его уже не берет,
Это, говорят, от любви.

(Подстрочный перевод.)

² Хетагуров Коста, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1951, стр. 316 (В дальнейшем ссылки на данное издание будут отмечаться в тексте сокращенно цифрами, указывающими том и страницу (III, 316).)

³ Ой, Сосе! Говорят, из Хариса уже не слышен звон косы.
Ой, Сосе! Говорят, во время тревоги уже не слышен
твой мужественный голос...

(Подстрочный перевод.)

⁴ У русской церкви, говорят, колокол из меди.
Кто же теперь отправится в Алагирское ущелье засветло
вестником о моей смерти?

(Подстрочный перевод.)

Исполнитель песни не придерживается постоянного количества слогов. И в первом и втором случае мы имеем что-то вроде параллелизмов. Фразы логически не связаны между собой, их связывают рифмующиеся слова.

Осетинские сказки (аргъæуттæ) широко распространены, исключительно разнообразны по содержанию и по форме. Как и в сказках других народов, в них преобладает элемент фантастики. Этим особенно отличаются сказки, созданные в глубокой древности. Но большинство сказок, сохраняя отдельные черты древности, в то же время отражают явления позднейших эпох и даже современности. Так, например, в некоторых сказках, созданных на мифической основе и рисующих древний быт, упоминаются телефон и радио.

В большинстве сказок сильны социальные мотивы. Героями в них выступают, с одной стороны, бедняк, батрак, а с другой стороны, алдар (феодал, землевладелец). Бедняк или же младший среди братьев поначалу кажется никчемным, трусливым, а в дальнейшем, в борьбе с насильниками, с великанами-людоедами, со всякого рода темными силами, выходит победителем. Положительные герои наделены такой силой и мудростью, на какие способен только народ, коллективным творчеством которого созданы их образы.

Алдары, попы и купцы, как правило, изображаются жестокими, жадными, вероломными, а представители трудового народа — смышленными, сильными, честными.

Как по своим идейным мотивам, так и по художественным достоинствам весьма интересна сказка «Близнецы». В ней фантастика сочетается с реальными событиями. Главные герои, братья-близнецы Сауи и Будзи, происходят из бедной семьи. Чарами колдуньи они превращаются в камни, потом оживают и совершают подвиги в борьбе с насильниками. Братья храбры, великодушны, они убивают алдара, помогают людям избавиться от чудовища, пожиравшего их. Много теплоты и подлинно народной мудрости в сказке «Деревянный голубь», в которой дан образ искусного столяра. Он сделал деревянного голубя и вложил в свой труд

столько любви и вдохновения, что птица — дело его рук — могла летать. Наблюдательность, умение создавать живые образы чувствуется и в сказках о животных, полных живых картин природы, остроумия и глубоких мыслей.

Устное народное творчество осетин невозможно представить без пословиц и загадок (æмбисæндтæ æмæ уыци-уыцитæ), остроумных и назидательных, проблематичных и социально заостренных, вечных спутников людей в беде и счастье, в труде и празднествах. Они запечатлели жизненный опыт многих поколений. Поэтому многие из пословиц и загадок, созданных в отдаленные времена, и сейчас не утратили своего познавательного и воспитательного значения. В этих жанрах фольклора неизменно прославляются труд и ум, находчивость, героизм и сила народа, высмеиваются различные пороки людей. Приведем несколько осетинских пословиц: «Воля народа всеильна», «Труд — источник жизни», «У работы начало — колючка, а конец — масло», «Сто умов решают лучше, чем один ум», «Храбрость проявляется в дни опасности», «День идет и несет с собой благодать», «Излишняя еда и волку не впрок».

Народными поговорками насыщены стихи великого осетинского поэта К. Хетагурова, ряд своих замечательных произведений он написал на основе пословиц и поговорок. Широко пользуются ими и современные осетинские писатели.

Своеобразными новеллами являются миниатюрные веселые сказы (хъæлдзæг ныхæстæ), близкие по содержанию и форме русским анекдотам. Они очень популярны, рождаются в гуще народной. Мудрые и остроумные, они то с мягким юмором, то с разящей сатирой говорят о значительном и будничном, учат хорошему, доброму. Веселые сказы имеют несложные сюжеты. Дидактический характер их часто выступает явно. Содержание одного такого сказа таково: некий молодой человек позавидовал «легким заработкам» конокрадов и отправился с ними на «промысел». Конокрады забрались в чужой двор, хозяин заметил их и выстрелил в них из ружья. Пуля попала в голову молодого челове-

ка, прельстившегося «легким заработком». Товарищи унесли его в поле, и один из них говорит другому:

— Интересно знать, задела пуля его мозг или нет?

— Нет, — ответил сам раненый, — в моей голове мозга нет; если бы там мозг был, я бы не пошел с вами красть лошадей.

* *

*

Вершиной осетинского народного устного творчества являются нартские сказания («Нарты кадджытæ»).

Нартский эпос — это памятник духовной культуры осетинского народа. В нем глубже и ярче, чем в других жанрах фольклора, нашли отражение его думы и чаяния, его исторические судьбы.

Как известно, нартский эпос распространен также среди кабардинцев, адыгейцев, абхазцев и некоторых других народов Кавказа. Каждый народ вносил в нартские сказания что-то свое, специфическое. В них легко обнаружить художественные особенности, мотивы, собственные имена героев, характерные для сказаний, созданных тем или иным народом. Задача специальных исследований по нартскому эпосу состоит в том, чтобы выявить эти самобытные черты, определить, что общего и что сугубо национального в эпосах. Мы же в этом небольшом разделе ограничимся рассмотрением мотивов осетинского нартского эпоса.

Нартские сказания возникли в глубокой древности. Многие сюжеты и мотивы их восходят к древним скифским мифам. Некоторые ученые, в том числе и В. И. Абаев, определяя период складывания эпоса, указывают время примерно между VIII — VII вв. до н. э. и XIII — XIV вв. н. э. В сказаниях отразились различные общественные формации, вплоть до феодального строя, но в своей основе это эпос родового строя.

В нем легко прослеживаются также черты матриархата. Ярким свидетельством этого является образ Шатаны, один из центральных женских образов эпоса. Это прекрасная и мудрая женщина, признанная хозяйка рода — æфсин. Она наделена чудодейственной силой: по своему желанию может вызвать снег, бурю,

осушить море, принять облик старухи или молодой девушки и даже животного. Шатана понимает язык птиц, общается с небожителями. Своим небесным зеркалом (арвы айдаен) она может обнаружить и увидеть все, что происходит на свете. В трудные моменты нарты обращаются за советом к ней. Шатана — мать и воспитательница знаменитого героя эпоса Сослана, родившегося из камня. Отец Сослана (по одним вариантам — пастух, по другим — небожитель Уастырджи) никакой роли не играет в жизни и воспитании своего сына, о нем даже не упоминается. Шатана кормит сына, постоянно заботится о нем и растит его. Сослан мстит не за отца, как это делает нартский герой Батрадз, а за свою мать. Шатана родила и вырастила множество детей (по некоторым вариантам их было 17 мальчиков) от мужчин, которых выбирала она сама. И эти «отцы» в судьбе своих «детей» в дальнейшем никакой роли не играют.

Мудрая Шатана помогает нартам не только советами. Она спасает их от голодной смерти, когда наступает неурожайный год. Как щедрая хозяйка, собрала она всех нартов и накормила их вдоволь, даровав им жизнь.

Черты матриархата прослеживаются и в эпизодах «Женитьба Батрадза» и «Женитьба Сослана на Кошер». И здесь девушки сами выбирают себе женихов.

В нартском эпосе отразились также черты переходного от матриархата к патриархату периода, который, как писал Поль Лафарг, означал социальную революцию. «Мужчина грабительски отнял у женщины ее имущество, ее освященные древностью преимущества. Этот переворот не всегда совершался мирным путем».¹

Лафарг доказывает это на основе анализа древних легенд и драмы Эсхила «Орестея». Об этой же драме Ф. Энгельс пишет: «Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским и возникающим в героиче-

¹ Лафарг Поль, Очерки по истории культуры, «Московский рабочий», 1928, стр. 31.

скую эпоху и одерживающим победу отцовским правом».¹ Ф. Энгельс подчеркивает правильность этого положения.

И если процесс перехода от матриархата к патриархату в осетинском нартском эпосе выступает не так отчетливо, как в «Орестее» Эсхила, то он все-таки достаточно ясен и очевиден.

Шатана пользовалась всеобщей любовью и уважением нартов, однако в некоторых эпизодах не видно ни этой любви, ни уважения. Более того, нартские юноши живьем бросают ее в озеро Адá, отправляют в страну мертвых. Оттуда Шатану возвращает родившийся из камня Сослан, который мстит за мать, сурово наказывая юношей («Как Сослан спас Шатану из озера Адá»). В другом сказании юноши избивают старуху Кармагон за то, что она называет Шатану лучшей среди женщин, а Урызмага — лучшим среди мужчин («Урызмаг и кривой Уаиг»).

Сослан, воспитанный Шатаной, всегда пользуется ее советами; своих могущественных врагов он одолевает благодаря ее помощи.

Иначе рисуется образ другого нартского героя Батрадза. Его рождение тоже необычно. Перед смертью Бценон, жена Хамыца, решила посредством своего дыхания передать своего будущего младенца мужу. Подставил Хамыц жене спину, дохнула Бценон, и между лопаток ее мужа появилось небольшое вздутие. Когда наступило время появиться ребенку на свет, Шатана осторожно разрежала вздутие, и оттуда выпрыгнул раскаленный мальчик.

Рождение героя необычным путем, т. е. без участия матери, имело место в фольклоре и мифологии многих народов. В греческой мифологии Афина рождается из головы Зевса, а маленького Диониса Зевс после смерти его матери Семеллы донашивал в своем бедре. «Акт рождения, — писал по этому поводу Поль Лафарг, — возвещал более значительные права женщин в семье. Мужчина разыгрывал этот акт, чтобы добить-

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 164.

ся признания, что ребенок обязан своей жизнью преимущественно отцу».¹

Батрадза Хамыц донашивает между своими лопатками. Это не что иное, как разыгрывание акта рождения. В этом нельзя не видеть начала утверждения отцовского права, патриархата. И в самом деле, Батрадз, в отличие от Сослана, выступает в защиту своего отца, жестоко мстит всем тем, кто принял участие в его убийстве. В образе Батрадза значительно больше патриархальных черт, чем матриархальных.

Процесс укрепления патриархата запечатлен и в образе Уастырджи. В осетинской мифологии он олицетворяет начало, утверждающее отцовское право, право мужчины. Уастырджи — покровитель мужчин, своими похождениями он всегда унижает женщин.

Нартский эпос отразил также древнейшие формы труда. Весьма примечательно, что для нартов охота — один из способов добывания средств к жизни. Нарты любят и умеют охотиться. Охотятся они, главным образом, на оленей, туров, лисиц. В сказаниях много интересных сюжетов, связанных с охотой («Сослан и гумский человек», «Как Хамыц женился», «Кому досталась чернобурая лисица» и другие). Оружие нартов — лук и стрела, копьё и меч.

Широко распространено у нартов скотоводство. Они имели большие табуны, главным образом, крупного рогатого скота и лошадей. Земледелие у них менее распространено. Характерно, что они чаще всего борются с врагами за пастбища, а не за пахотные земли. Но с течением времени и земледелие все больше привлекает их внимание. В эпизоде «Чем небожители одарили Сослана» Сослан просит у повелителя громов и урожая Уацилла зерен для людей, живущих на земле. «Пусть будет так, — отвечает Уацилла, — вы получите эти зерна. Весной, как только станет согреваться земля, вы будете их сеять на южных склонах гор и холмов. И зернами, которые вы соберете осенью, будете кормиться целый год».

¹ Лафарг Поль, цитированное издание, стр. 52.

Небесный кузнец Курдалагон дарит людям соху, чтобы они каждой весной вспахивали ею свои пашни. А повелитель рек и морей Донбеттыр учит нартов строить мельницы.

Трудолюбие в высокой степени свойственно нартам.

В замечательных образах эпоса воплощен трудовой опыт народа. Искусен кузнец Курдалагон, нет ему равных в умении и ловкости, никому не победить закаленного им в огне человека, выкованное им оружие верно служит воину. В образе Курдалагона народ воплотил свое искусство трудиться, свой опыт в кузнечном деле.

Нартский эпос близок нам потому, что он выражает думы и чаяния народа, его стремление к свободе. Его герои полны решимости бороться против поработителей, против алдаров-насильников.

Нарты никогда не унывают, они всегда жизнерадостны; оптимизм — характернейшая черта всего эпоса. Любя жизнь, нарты бесстрашно умирали за нее. У них гордый и свободолюбивый дух, они не преклонялись даже перед богом. Строя дом, они делали высокие двери, чтобы, входя или выходя из него, не нужно было нагибать голову. Иначе, — говорили нарты, — бог подумает, что мы ему кланяемся. Герои эпоса предпочитали смерть со славой бесславной жизни.

Любовь к свободе, чувство дружбы и товарищества, бесстрашие и находчивость в бою с врагами родины — всем этим нартский эпос близок нам. Именно эти побуждения и черты нартов, облеченные в художественные образы, определяют историко-познавательное, эстетическое и определенное воспитательное значение эпоса. Поэтому народ веками бережно хранит его, как свое духовное сокровище.

Советский патриотизм не может быть оторван от прошлой истории народа. «Ведь советский патриотизм, — писал М. И. Калинин, — является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа». «Значит, — говорит далее М. И. Калинин, — советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное на-

родом, и считает величайшей честью беречь все его достижения».¹

Осетинские нартские сказания, группируясь вокруг основных героев, связанных родственными узами и определенными событиями, образуют несколько циклов, из которых наиболее завершенными являются: 1) цикл Уархага и его сыновей, 2) цикл Шатаны и Урызмага, 3) цикл Сослана, 4) цикл Хамыца и Батрадза.

Кроме этих циклов, в эпосе имеются еще небольшие по объему, но важные по содержанию и художественным качествам циклы о хитроумном Сырдоне, о чудесном певце Ацамазе, а также отдельные сказания, в которых действуют менее популярные герои. Они составляют так называемые «малые циклы».

Нартский эпос изобилует сюжетами. Каждый из центральных циклов объединяется как бы единой сюжетной линией, содержит в то же время множество сюжетных единиц. Каждый отдельный эпизод в цикле составляет сюжет, иногда вполне самостоятельный, а иногда композиционно связанный с другими эпизодами. Далеко не все эпизоды нартского эпоса собраны и, тем более, не все изучены. Но даже опубликованные в сводном тексте осетинского нартского эпоса эпизоды говорят об его сюжетном богатстве и разнообразии.

Юмор и сатира неотъемлемы от нартского эпоса. Главным носителем юмористического и сатирического начала является Сырдон, постоянный участник почти всех нартских походов и собраний. Элемент юмора и сатиры в эпос не вносится извне — в каждом данном случае органически входит в него, вернее исходит из развития самого сюжета. Например, в эпизоде «Сослан ищет того, кто сильнее его» Сослан, превзойдя нартских юношей в различных состязаниях, возомнил себя самым сильным человеком в мире и отправился в дальний путь, чтобы окончательно убедиться в этом самому. Наш герой попадает в крайне незавидное положение. Сослана спасает мать великанов, которая прячет его от своих сыновей под ситом. Злоключения нар-

¹ Калинин М. И., О коммунистическом воспитании и обучении, М., 1948, стр. 63 — 64.

та на этом не закончились, и он вынужден спрятаться во рту одноглазого великана. Когда же понадобилось, Сослан своим мечом не смог отрезать даже волос на бедре великана.

Так посмеялся народ над любимым, но не в меру загордившимся своей силой, героем Сосланом.

Полон юмора и эпизод «Как Урызмаг разводился с Шатаной». Разгневался Урызмаг на свою жену и говорит ей: «Именем бога прошу тебя, возвратись в свой родительский дом. Возьми с собой любое сокровище, которое по сердцу тебе». Шатана согласилась и просит устроить прощальное пиршество, чтобы последний раз угостить нартов. Урызмаг устроил пир. На пиру Урызмага так сильно напоили, что он погрузился в хмельной беспмятный сон. Когда гости разошлись по домам, Шатана запрягла откормленных быков в большую повозку, уложила на нее своего сонного мужа и выехала со двора. В пути Урызмаг проснулся и не без удивления спросил жену: — «Куда ты меня везешь?» «Прогоняя меня, — ответила Шатана, — ты сказал: возьми из нашего дома сокровище, которое больше всего тебе по сердцу. Для меня нет сокровища дороже тебя. Вот я и везу тебя». Что мог сказать после этого Урызмаг! Помирился с женой, и они вернулись домой.

Нартские сказания отличаются композиционной стройностью и законченностью. Герой на пути к цели встречает трудно преодолимые препятствия. Преодолев одно препятствие, он наталкивается на другое, которое в свою очередь неизменно преодолевается им. Присущая сказаниям динамичность, напряженность развития действия имеет основой отмеченную уже сюжетность.

Основной конфликт, развиваясь, обогащается новыми ситуациями. В результате глубже раскрывается характер героя. Возьмем, к примеру, упоминавшийся ранее эпизод «Как Сослан спас Шатану из озера Ада́». Сослан отправился в дальний поход. В его отсутствие группа нартских юношей, не влюбившая Шатану, решила живьем бросить ее в озеро Ада́. Они сообщили об этом Шатане и дали ей недельный срок, чтобы она очистилась от грехов. Загоревала Шатана и думает о том, кого бы послать вестником к Сослану. Она про-

сит ястреба сообщить ее сыну о намерении нартских юношей. Ястреб отказался и пожелал Сослану самых худших несчастий. Потом Шатана обращается к вору. И она отказалась выполнить ее просьбу, потому что Сослан всегда во время охоты бил много дичи, но для нее ничего не оставлял. Так же поступает и сорока. Горько плачет Шатана. Вдруг появляется ласточка. Она согласилась полететь к Сослану и сообщить ему о злом намерении нартских юношей. Встревоженный Сослан поскакал на своем быстром, как облако, коне спасать мать. Скачет он и видит: лежит человек на дороге и подняться не может.

— Нарт Сослан, я погибаю, спаси меня, — говорит он Сослану.

Сослан придержал коня и спрашивает бедняка:

— Что с тобой, чего тебе нужно?

— С голоду умираю и только от тебя жду спасения.

Сослану нужно торопиться домой, спасать мать. Но как оставить человека, умирающего с голоду? Поскакал он в лес, стал охотиться и вернулся с тушей оленя. Быстро развел костер, насадил мясо на вертел, изжарил шашлык, отдал его бедняку и только после этого помчался дальше. Но опять случилась беда: летит орел и в когтях своих несет ребенка. Сослан пустил в орла стрелу. Хищник с ребенком упал в большую реку. Подскакал нарт к берегу, соскочил с коня, кинулся в реку и спас ребенка. Скачет Сослан с ребенком на руках. На околице одного селения встречает его плачущая женщина — это мать спасенного им мальчика. Отдал ей Сослан сына и снова пустился в путь. Освободил Шатану, наказал бесчинствовавших юношей.

Композиционные элементы как бы нагнетаются, и нам открываются все новые грани характера героя. В данном случае в результате сложного и в то же время стройного композиционного построения эпизода становится очевидной гуманность Сослана, его образ предстает более полным. Нам известно, что Сослан силен и в борьбе с соперниками неразборчив в средствах, но в отношении к беспомощным, больным, нуж-

дающимся, детям, как видно, он добр, чуток и отзывчив.

Высокая художественность эпоса с давних времен привлекала к нему внимание ценителей и знатоков фольклора. Мечты и чаяния народа, создавшего нартские сказания, воплощены в художественные образы непреходящей свежести и яркости. Главные герои сказаний индивидуализированы, у каждого из них свой облик, свой характер, свои привычки, манера думать и говорить. Каждый из них имеет свою поэтическую биографию, каждый из них охарактеризован с самого рождения до самой смерти, за исключением Урызмага, Шатаны и некоторых других, которые вообще не умирают, будучи фантазией и волей народа наделены бессмертием.

Урызмаг — мудрый, белобородый старец, к советам которого нарты прибегают постоянно, один из популярнейших нартских героев. С ним мы встречаемся почти во всех циклах и эпизодах эпоса. Он участник всех походов нартов, удачливый охотник, часто общается с небожителями. Урызмаг показан не только в походах, на охоте и в пиршествах. Показана и его личная жизнь. Мы узнаем, что он женат на своей сестре Шатане, с которой живет в добром согласии, узнаем много любопытных подробностей, частных, связанных с ним и в той или иной мере углубляющих его образ.

Хамыц, брат Урызмага — стальноусый нарт. Он — отважный охотник, наделенный недюжинной силой, но, в отличие от Урызмага и других нартов, не лишен пороков, «снижающих» его образ. Обладая чудодейственным зубом Аркиза (Архъызы дæндаг), который помогал ему соблазнять женщин, он стал известен как прелюбодей, чем вызывал нередко неприязнь своих братьев.

В ряду наиболее именитых нартов стоит Сослан. Он родился из камня, оплодотворенного пастухом (или, по другим вариантам, небожителем Уастырджи). Сослан — могучий богатырь, но это не стальногрудый Батрадз, благородный и бескорыстный. Сослан хитер и коварен. Тем не менее он завоевывает симпатии своей

храбростью. Это ему удалось дважды побывать в стране мертвых и с честью вернуться на землю. Подлинного трагизма исполнен эпизод «Смерть Сослана», в котором проявились его мужество и негибаемая воля.

Сын Хамыца Батрадз, пожалуй, самый любимый герой нартского эпоса. Народ щедро наделил его идеальными чертами: он безгранично храбр и отважен, честен и прямолинеен. Батрадз защищает нартов от насильников, убивает пестробородого уаига — великана, пожиравшего их скот, расправляется с великаном Мукара, сыном Тыха, который во время отсутствия Батрадза и других сильнейших нартов угнал в плен лучших нартских девушек и женщин. Много беспримерных подвигов совершено Батрадзом, много побед одержано им. Но ему чужды чванливость и бахвальство, хитрость и корыстолюбие. Он оберегает родину, борется за справедливость и правду. Защищая нартов от насильников, он истребил множество великанов, небожителей и кази (злых духов). Батрадз гуманен, человеколюбив. Его храброе сердце преисполнено нежных чувств и благородных побуждений. В сказании «Собрание нартов, или кто из нартов самый лучший» рассказывается о том, как нарты вручали свои драгоценности лучшему из лучших. Их мог получить самый безупречный человек, тот, кто проявляет отвагу и воинское искусство в бою, отличается воздержанностью в пище и питье, благородством в отношении к женщине. Все три драгоценности с общего согласия были отданы Батрадзу.

Создавая образ эпического героя, народ воплощал в нем лучшие человеческие черты и, как писал М. Горький, «любуюсь и гордюсь его мощью и красотой... необходимо должен был внести его в среду богов».¹ Батрадз волей творцов эпоса вводится в круг богов.

Оригинален и самобытен образ Сырдона, живого олицетворения хитрости, зла и коварства. Он очень популярен, фигурирует в большинстве циклов эпоса. Отличаясь неиссякаемым остроумием и находчивостью,

¹ Горький М., О литературе, М., 1953, стр. 50.

Сырдон часто враждует с нартами, особенно с Сосланом, вносит в их жизнь дух тревожного беспокойства своими кознями и интригами, нарушая покой соотечественников.

Ацамаз — осетинский Орфей. Его чудесные песни оживляют природу, под звуки его свирели тают вечные ледники, выходят из берегов реки, на склонах гор начинает зеленеть трава, собираются звери и птицы, пробуждаются медведи от зимней спячки и начинают танцевать.

Образ Шатаны — изумительное создание художественного гения народа, это героиня, по праву занимающая центральное место в эпосе. «Можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, — писал В. Абаев, — но нельзя их мыслить без Шатаны».¹

Шатана — идеал женщины, мудрой наставницы, щедрой хозяйки, красивой, любящей, добродетельной жены. И до сих пор сравнение какой-либо хозяйки с Шатаной звучит как лучшая похвала для нее.

К имени каждого героя сказаний дается постоянный эпитет, ярко характеризующий его. Но такие эпитеты употребляются не часто и совсем редко встречаются в прозаических текстах сказаний. Иную картину мы наблюдаем в кабардинских нартских сказаниях. В них заметно увлечение эпитетами. На эту их особенность обратил внимание еще в 1906 году осетинский писатель А. Кубалов, который в предисловии к своей книге «Герои-нарты» писал, что в кабардинских сказаниях поразительно меткие эпитеты украшают имена героев и героинь.²

Язык сказаний осетинского нартского эпоса емок, выразителен и лаконичен. Живость описаний гармонирует со «скупостью» подлинного художника, щедрого на яркие, впечатляющие образы, по-хозяйски, с тонким чувством слова использующего богатства языка.

Синтаксис языка сказаний несложен, преобладает короткая фраза, избегаются сложноподчиненные кон-

¹ Абаев В., Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 112.

² Кубалов А., Герои-нарты, Владикавказ, 1906, стр. 5.

струкции. Тем не менее описываемое всегда представляется зримо, что говорит о высоких художественных качествах эпоса.

«Язык нартского эпоса, — писал В. Абаев, — как бы стянутый, но в то же время богатый, упругий, полновесный и меткий».¹

Приведем ряд примеров, свидетельствующих о точности и безупречной образности языка, описаний, картин и сцен, которыми так изобилуют нартские сказания. Вот описание нартского дома:

«Стены дома — из перламутра, полы — из голубого хрусталя, и утренняя звезда светит с потолка».²

Природа живет согласно с переживающей великое горе Дзерассой в описании ее плача:

«В голос плачет, рыдает Дзерасса, эхом разносятся по горам ее причитания, и даже звери лесные затихли, слушая плач ее... И горе ее черною тучей низко нависло над телами братьев, и, подобно дождю, льются горькие слезы Дзерассы».³

Не менее жива и впечатляюща картина природы:

«Небо заволочло, опустились тучи, пошел дождь. Всю ночь валил снег — такого снега никогда не видели люди. Вековые льды двинулись с гор, вихрь закружился над землей (поднялся крутящийся вихрь и кутающая выюга) и слепил всякого, кто пытался пройти из дома в дом».⁴

Нартскому эпосу в значительной мере присуща гиперболность. Она заметна и в тексте сказаний, и в лепке образов, и в восприятии окружающего мира героями. Гиперболичны сравнения и другие средства изображения. Так, например, о великане Мукара говорится: «Конь под всадником с гору, сам всадник на коне, как стог на горе. От дыхания всадника и коня его туман поднимается над степью, стелется по степи».

Излюбленными для творцов нартских сказаний являются парные сочетания образов, эпитетов, сравнений, имен и т. п. Часто встречаются сочетания: «залты

¹ Абаев В., Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 112.

² Осетинские нартские сказания, Дзауджикау, 1948, стр. 8.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 14.

мит æмæ æнусы цъйти» (заловский снег и вечный ледник); «зилгæ дымгæ æмæ тухгæ уад» (крутящийся ветер и кутающая выюга); «цæргæсы уаст æмæ уарийы ахст» (крик орла и вопль сокола); «сауцæст æмæ сауæрфыг» (черноглазая и чернобровая); «кад æмæ радæй» (с почетом и уважением); «астæунараг æмæ гуырвидауц» (с тонкой талией и стройным станом).

Сказания исполнялись в сопровождении национального музыкального инструмента — двенадцатиструнной арфы или двуструнной скрипки. Это свидетельствует о том, что они имели определенную поэтическую форму. Однако большинство эпизодов записано в прозаическом изложении. Это вина, по справедливому замечанию В. Абаева, собирателей фольклора, которые, по-видимому, просили сказителей не петь, а рассказывать, чтобы удобнее было записывать тексты. Но имеющиеся стихотворные записи нартских сказаний, а также записи музыкальных мелодий нартских «кадæгов» дают возможность определить форму и характер стиха нартского эпоса.

Число слогов в стихе колеблется в пределах от 10 до 12, реже — от 9 до 13. После 5-го или 6-го слога обязательна цезура. Каждое полустиише имеет одно главное ударение, которое тяготеет к начальным словам — к первому или второму, редко к третьему или четвертому. Певцы-сказители часто прибегают к повторам: второе полустиише стиха повторяется в первой половине следующего. Рифма для стиха сказаний не характерна.

Нартский эпос по своей идейной глубине и высоким художественным качествам может быть поставлен в один ряд с лучшими памятниками духовной культуры народов мира.

* * *

Кроме нартских сказаний, в Осетии, особенно в Южной, бытуют даредзановские сказания (Даредзанты кадджытæ æмæ таурæгътæ). Они восходят, пишет В. Абаев, к нескольким отдельным, хорошо известным эпическим циклам, из которых можно указать следующие:

1) средневековая грузинская героическая повесть «Амиран — Дареджаниани»;

2) иранские сказания о Ростоме, Зорабе и Бежане, получившие широкую известность благодаря «Шах-Наме» Фирдоуси и проникшие через посредство Грузии в Осетию;

3) северокавказский нартский эпос;

4) миф о богборце Прометее, имеющий мировое распространение.¹

Однако даредзановские сказания на осетинской национальной почве настолько «акклиматизировались», что трудно говорить об их заимствовании. Осетины по своему переработали сюжеты даредзановского эпоса, ввели в них новые сюжеты и новых героев, по своей психологии и характеру неотделимых от их национального облика. Переходя из уст в уста, отдельные сюжеты даредзановского эпоса настолько сплелись с сюжетами нартского эпоса, что порой невозможно бывает отличить их друг от друга. Очень много в этих эпосах сходных мотивов, сюжетных линий и ситуаций. Но в даредзановских сказаниях сказочный элемент преобладает, в отличие от нартского эпоса.

Главным героем осетинского даредзановского эпоса является Амран Даредзан. Он во многом схож с нартом Батрадзом, много общего в описаниях их рождения. Интересно отметить такие детали. Мать Батрадза, Бценон, умирая, говорит своему мужу Хамыцу: «Должна была я родить тебе сына, и если бы он был вскормлен моей грудью, то во всем мире не было бы равного ему. Меч не брал бы его, и не вонзалась бы стрела в его тело».² Когда мать Амрана, Мария, умирает, она говорит почти то же самое своему мужу Иамону: «От тебя в моей утробе зародился сын. Если бы он хоть раз глотнул молока из моей груди, тогда бы уже никакой великан не одолел его».³

¹ Амран, Перевод, обработка и комментарии Дз. Гатуева, АН СССР, М.-Л., 1932, стр. 13.

² Осетинские нартские сказания, перевод с осетинского Ю. Либедицкого, Дзауджикау, 1948, стр. 237.

³ Памятники народного творчества осетин, вып. V (на осетинском языке), Орджоникидзе, 1941, стр. 192.

Заслуживает внимания и то, что и Батрадза и Амрана после их «рождения» бросают в море, и они живут там до тех пор, пока их не выводят на сушу. И происходит это при одинаковых обстоятельствах. К ним прикасаются бритвой, и море не принимает их более.

В даредзановском эпосе, так же, как и в нартском, встречаются многоголовые уаигы-великаны, с которыми приходится бороться героям сказаний.

Свободолюбие, борьба против насильников-угнетателей и другие мотивы в даредзановском эпосе занимают значительное место, как и мотив богоборчества. Врагами Амрана являются великаны-людоеды, чудовищные змеи, небожители. Амран превосходит своих противников умом и силой и одолевает их.

Даредзановский эпос, так же, как и нартский эпос, является духовным сокровищем осетинского народа, не потерявшим с прошествием столетий своего художественного и познавательного значения.

* * *

Специального рассмотрения заслуживают исторические предания (таурæгътæ) и исторические или героические песни (тохы зарджытæ). Предания передавались в прозаической форме, а песни — в стихотворной.

Предания и песни неразрывно связаны с определенными событиями, отражают конкретные явления и факты и в большей мере, чем другие жанры осетинского народного творчества, могут служить историческим источником. Бытуют они в народе издавна. Одно из первых, по времени создания, исторических преданий, сохранившееся в надписях на стене Нузальской часовни, датируется XIII веком.

В отличие от эпоса эти жанры фольклора более чутки к жизни, непрерывно обогащаются новым содержанием, откликаясь иногда даже на злобу дня. Новые героические песни слагались о людях, которые в борьбе за свободу проявили храбрость и отвагу, в них

воспевались борцы против социального неравенства и несправедливости.

Народ создал хвалебные песни об Есе Канукуати, Таймуразе Козырты, Чермене Тулати, о сыновьях Бата, о Царае Хамицати и других. В первых двух песнях отразилась борьба трудящихся против кабардинских князей, безжалостно угнетавших кабардинский народ и стремившихся поработить осетин.

Есе и Таймураз — отважные борцы за человеческие права против угнетения и унижения. Ни тот, ни другой не подняли народные массы на борьбу, они выступали в одиночку, проявляя личную храбрость и отвагу. Но их борьба была выражением народного гнева, и беднота симпатизировала им, сохранила их светлые имена в своей памяти, обессмертила героев в песнях.

В песне о Чермене («Чермены зарæг») говорится о борьбе осетинского трудового народа против помещиков-землевладельцев Тулатовых в конце XVIII века. Социальное неравноправие, унижение человеческого достоинства вызвали к жизни протестантов — сыновей Бата — Асланбека и Будзи. Храбрый Царай Хамицати, отстаивая права бедняков, смело вступил в бой с землевладельцами, убил их предводителя Хаджимуссу Кубатиева и удостоился чести быть воспетым в народной песне.

Создавались песни и о тех, кто, защищая свою честь, вступал в неравную борьбу с бандитами-грабителями и одерживал победу. Симпатии народа всегда на стороне трудящегося. «Песня о Цалкости Гуймане» проникнута глубоким лиризмом и юмором, гордостью за трудового человека. Бедный старик Гуйман везет на быках хлеб, заработанный тяжелым трудом у кулаков. Он погоняет быков, торопясь скорее добраться домой и накормить голодающих детей. Но вот на дороге из засады выскочили бандиты и отняли у него быков. Старик просил пожалеть его детей, кормильцами которых были быки. Бандиты отвечали: «Коровы, от которых родились эти быки, снова родят тебе быков» — и исчезли. Гуйман остался возле арбы. Когда разбойники удалились, он вытащил из арбы спря-

танное ружье и по горным тропинкам пересек им дорогу. Бандиты стали умолять старика пожалеть их семьи. Он ответил им их же словами: «Матери, которые родили вас, еще родят таких же, как вы!», — и уничтожил их всех.

В «Песне о надменном Иуане» рисуется образ бедного трудового человека, тихого и молчаливого. Надменный Иуане издевается над ним, будучи уверен, что тот неспособен постоять за себя. Но терпение бедняка иссякло, и он убил злого и надменного Иуане.

Осетинская песня дидактична. Она или возвеличивает человека, воспевая его доблесть и храбрость, его высокие моральные качества, его свободолюбие — и тогда герой песни является примером подражания; или же песня высмеивает человека, говорит о его трусости и аморальности, о его недостойных поступках — и тогда «герой» являет собой олицетворение всего худшего, вызывающее чувство ненависти. И в том и в другом случае песня учит добру, высокой морали, благородным чувствам и стремлениям.

Песня обладает громадной силой воздействия. Еще в недалеком прошлом сильным оружием в борьбе против пороков людей были сатирические или так называемые позорящие песни. Они слагались по какому-нибудь конкретному поводу, когда нарушались нормы и правила поведения — проявлялась трусость, совершался аморальный поступок, нарушалась супружеская верность. Не случайно в осетинском языке бытовало идиоматическое выражение «зарæггаг фæу» («чтобы о тебе сложили песню»). Это было ужасным проклятием, поскольку имелась в виду песня сатирическая, зло высмеивающая позорные поступки и явления.

О разящей силе песенной сатиры говорит и такой факт. Осетинский народ создал замечательную песню о великом поэте и общественном деятеле Коста Хетагурове. В народном воображении он является парящим в облаках орлом, для алдаров он — гроза, а для бедных — защитник. В то время сам Коста находился в ссылке, и когда ему сообщили о песне, сложенной о нем, он ответил в шутливой форме: «Если владикавказская молодежь составила обо мне такую песню,

какую я составил о Хоранове,¹ то я убегу к Каханову² в Туркестан или же останусь в Херсоне» (III, 415).

Осетинский народ с любовью пел песни славы и борьбы (кад æмæ тохы зарджытæ) о достойных людях, храбрых защитниках интересов трудящихся. До сих пор поются песни об активных участниках первой русской революции («Песня об Антоне Дриати» и другие). В советское время созданы замечательные песни о великом Ленине, о Коммунистической партии, о героях гражданской и Великой Отечественной войн.

Мы охарактеризовали осетинский фольклор только в общих чертах и коротко остановились на его наиболее развитых жанрах. Но и по этому беглому обзору можно судить о том, насколько богат и разнообразен он, как велико его историко-познавательное и художественное значение.

Осетинское народное творчество явилось арсеналом и почвой для развития письменной художественной литературы. Творчество почти всех осетинских писателей так или иначе связано с фольклором: одни из них с любовью собирали и записывали произведения фольклора, другие использовали в своих произведениях отдельные сюжеты, третьи разрабатывали фольклорные мотивы, творчески используя художественно-образительные средства, поэтику, традиции народного творчества.

Один из первых деятелей культуры Осетии конца XVIII и начала XIX века И. Ялгузидзе свою поэму «Алгузиани» написал на основе народных легенд и преданий. Аксо Колиев, выступивший в шестидесятых годах XIX века, для своих стихотворений использовал ритм и размер осетинских народных песен и нартских сказаний. Писатель Инал Кануков живо интересовался этнографией, в частности, похоронными, свадебными и другими обрядами осетин и описал их в очерке «В осетинском ауле», опубликованном в 1875 году.³ И. Ка-

¹ Имеется в виду стихотворение «Прислужник» (I, 121).

² Каханов — бывший начальник Терской области, царский прислужник и реакционер, систематически преследовавший К. Хетагурова.

³ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, Тифлис.

нуков записал и опубликовал также сказку «Старик и его сын» и народную шуточную песню «Уæлæ халон фæтæхы» («Вон летит ворона»).

Основоположник осетинской художественной литературы Коста Хетагуров на сюжеты и по мотивам народного творчества написал целый ряд замечательных произведений («На кладбище», «Фсати», «Хетаг», «Плачущая скала», «Пастух-батрак», «Постник», «Привычка», «Редька и мед», «Упрек», «Новогодняя песня» и другие).¹

Современник Коста Хетагурова Александр Кубалов обработал народное сказание и на его сюжет написал поэму «Æфхæрдты Хæсанæ», собрал и изложил нартические сказания на русском и осетинском языках в стихотворной форме.²

Поэт Блашка Гуржибеков по мотивам народного творчества написал поэму «Очаровательная красавица».³

Творчески использовал народно-художественные мотивы драматург Е. Бритаев в драме «Амран».⁴ В «Амране» сказочные элементы переплетаются с реальной действительностью. Е. Бритаев умело использовал народную речь, ее богатство и лаконичность.

Влияние фольклора на литературу, использование в литературе традиций и поэтики фольклора, словом, их взаимосвязь легко можно проследить в творчестве Сека Гадиева. Он создал целый ряд произведений как прозаических, так и поэтических, в которых широко пользовался поэтикой народного творчества; здесь черпал он сравнения и эпитеты, метафоры и афоризмы. Предпочтение, отданное писателем простым предложениям, лаконичный диалог, преобладание динамического действия над описанием, сжатое, но яркое изо-

¹ Хетагуров Коста, Собр. соч. в трех томах, т. I и II, М., 1951.

² Кубалов Александр, Афхардты Хасана, Дзауджикау, 1898 (на осетинском языке); Кубалов А., Герои-нарти, Дзауджикау, 1906 (на русском языке).

³ Гуржибеков Б., Очаровательная красавица, Дзауджикау, 1904 (на осетинском языке).

⁴ Бритаев Е., Амран, Альманах «Зиу», № 2, 1927.

бражение картины, пейзажа, портрета, почти полное отсутствие глубокого психологизма в поступках действующих лиц, использование гиперболы, метких сравнений и эпитетов, т. е. все, что характерно для фольклора, свойственно в известной мере и творчеству Сека Гадиева.

Выше приводилось описание дождя и снегопада в нартском эпосе. Сравним это описание с описанием дождя у Сека Гадиева.

«В горах... поднялась снежная буря. Такой наступил мрак, что на шаг ничего не разглядишь. Небо рыдало. Земля стонала. Северный порывистый ветер огромными хлопьями снега засыпал сытое стадо. Вьюга билась об утесы и выла в ущельях».¹

Также сходны описания плача. «...Принесли печальную весть, что Дзанаспи погиб под снежным обвалом. Сразу послышались рыдания, причитания. Горы растаяли бы от плача Дыса, превратились бы в слезы, но и гор уже не видно было от снежного обвала».²

Влияние традиций нартских сказаний чувствуется во всем творчестве Сека Гадиева. Оно ощущается и в разработке образов, и в лаконичном диалоге, и в широком использовании пословиц и поговорок. Не случайно и герои Сека Гадиева свободолюбивы, борются против угнетателей. Бесславной долгой жизни нарты предпочитали смерть со славой. Так поступают и многие герои Сека Гадиева — Чермен (из одноименного стихотворения), Туган (рассказ «Мать и сын»), Джиргол (рассказ «Вдова»).

На сюжеты и по мотивам осетинского народного творчества написаны также пьеса «Земля — моя свидетельница, солнце — мой мститель» Розы Кочисовой, рассказ «Баран и козел» А. Коцоева, ряд поэтических произведений Георгия Цаголова и Давида Короева, поэма «Симд нартов» Георгия Малиева, поэма «Двуглавый» Мисоста Камбердиева, поэма «Сын Уахатага удалой Гуйман» Нигера, поэма «Бечир» А. Гу-

¹ Рассказ «Азау», Осетинская литература, М., 1952, стр. 127.

² Рассказ «Дыса» (подстрочный перевод), см. Гадиев Сека, Сб. произведений на осетинском языке, Дзауджикау, 1947, стр. 86.

луева, драмы «Вождь-Багатар» и «Сыновья Бата» Д. Мамсурова, трагедия «Чермен» Гр. Плиева, пьесы «Желание Паша» и «Сказка» Д. Туаева, «Сказание о победе» Х. Плиева и многие другие произведения.

Все это говорит о том, что фольклор действительно является, как утверждает М. Горький, началом искусства слова, что он действительно дает большой материал и прозаикам, и поэтам, и драматургам, что осетинское устное народное творчество непрерывно и определенно влияло на создание многих произведений осетинской художественной литературы.

Связи фольклора и литературы не были односторонними. Мы являемся свидетелями и обратного процесса. Поэтические произведения многих осетинских писателей стали подлинно народными, поются как созданные им самим песни. Так случилось со стихотворением Коста Хетагурова «Фсати», с песней Сека Гадиева «Чермен» и другими. Интересно отметить также, что великое создание грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в Осетии имело широкое распространение и воспринималось как произведение народного творчества.

* * *

Фольклор по своей природе не однороден. Надо иметь в виду, что в фольклор, создававшийся в классовом обществе, проникали идеи, не отражающие интересов трудового народа. Руководящим принципом для исследователя всегда должно быть учение В. И. Ленина о том, что в каждой национальной культуре есть, хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры, порождаемые условиями жизни трудящихся и эксплуатируемых масс, но в то же время в каждой национальной культуре есть буржуазные элементы, порождаемые условиями жизни господствующих классов. Руководствуясь этим указанием В. И. Ленина, мы должны брать из осетинского фольклора ценное и нужное, только то, что отражает интересы трудового народа.

Хорошо понимал это Коста Хетагуров. Глубоко любя осетинское народное творчество, он никогда рабски не преклонялся перед всем тем, что выдавалось за фольклор, и критически относился к его произведениям. Он брал лишь те сюжеты, которые отражали прогрессивные и демократические идеалы народа, причем, в целях усиления идейного звучания произведения, подвигал их глубокой творческой обработке.

В одном своем письме к Ю. А. Цаликовой Коста, говоря о мытарствах, которые пришлось испытать ему в редакции газеты «Северный Кавказ», писал: «...Есть и по-осетински меткое выражение народной мудрости: хорз ма ракаæ æмæ фыд ма ссарай.¹ Хотя, надо заметить, — продолжает он, — я сам это выражение мудростью не считаю, так как оно может оправдывать всякое преступление...» (III, 437).

В нартском эпосе Коста различал положительные и отрицательные стороны. Приводя слова В. Пфафа о том, что сказания о нартах «осетины слушают до сих пор с таким же благоговением, как мы слушаем евангелие» (III, 13), Коста пишет: «Все отрицательные и положительные стороны этого эпоса, нет сомнения, глубоко вкоренились в народную жизнь, и изменить их не так легко, как думают многие» (III, 13).

И действительно, нартский эпос не лишен недостатков, чуждых напластований, в нем не все приемлемо. Такие обычаи и явления, как скальпирование, кровная месть, набеги на соседей, нашедшие отражение в сказаниях, могут иметь только научно-познавательное значение, но публикация их без соответствующей критической оценки могла бы принести вред, ибо некритический подход к любому эпосу неизбежно ведет к идеализации прошлого, старины.

Серьезные ошибки были допущены в оценке и толковании нартского эпоса некоторыми историками и литературоведами Осетии. Суть ошибок сводилась к тому, что непомерно преувеличивалось воспитательное и историческое значение эпоса, идеализировались его

¹ Не делай добра, чтобы не нажить зла.

герои, раздавались даже призывы «учиться у нартов героизму и культуре».¹

В отношении к устному творчеству народа нужно чувство историзма, чувство времени и эпохи. Слепое следование традициям приводит к срывам и творческим неудачам, к идеологическим ошибкам, к искаженному изображению жизни. А. Кубалов, с искренней любовью занимавшийся народным творчеством, на основе одной сказки-загадки написал басню «Еж». Утратив чувство меры, идейную зоркость, он в басне всех бедняков, которые в лютую зиму не имеют теплых шуб, хорошей обуви, не могут сытно есть, причислил к мертвецам. Драматург Е. Бритаев в период первой русской буржуазно-демократической революции в качестве основы для своей драмы «Хазби» использовал песню о Хазби. Но писатель не смог правильно оценить исторические факты, сущность реакционного восстания тагаурских алдаров в 1830 году. Обойдя молчанием классовый характер этого движения, он не понял, какие задачи ставили перед собой социальные верхи и чего ожидало крестьянство. Присоединение Осетии к России Е. Бритаев рассматривает с позиций буржуазного национализма.

Факты неправильного, неумелого использования фольклорного материала встречаются и у некоторых других писателей. Но в этом повинен не фольклор, а сами писатели. Фольклор же как коллективное творчество народа в своей основе демократичен, и отражает думы и чаяния народные.

Как уже было сказано, осетинская литература со времени своего зарождения была органически связана с фольклором, питалась его соками, часто обращалась к его истокам. Осетинские писатели в своем творчестве использовали прогрессивные идеи фольклора, его художественно-образительные средства, его богатый язык. Устное народное творчество и теперь продолжает служить для них неисчерпаемым источником поэтического вдохновения.

¹ См. газету «Социалистическая Осетия», 1949, № 137, 13 июля.

**КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ОСЕТИНСКОГО
НАРОДА С КОНЦА XVIII ВЕКА ДО 80-х ГОДОВ
XIX ВЕКА**

После присоединения Осетии к России одним из важных событий в жизни края было переселение части осетин из тесных горных ущелий, куда они были загнаны монголо-татарами, на равнину. В конце XVIII века (1792 год) в Моздоке поселилось около 200 осетин. Несколькими годами позже в районе Моздока из переселенцев образовались осетинские селения Черноярское (1802 год) и Новоосетинское (1813 год). А еще позднее, в 20-х и 30-х годах, образовалось несколько селений на Владикавказской равнине (Заманкул, Эльхотово, Батакоюрт, Кардиу и другие).

На плоскостных плодородных землях экономическое положение осетин стало улучшаться. Кроме того, они испытывали теперь благотворное влияние расположенных по соседству русских казачьих поселений. Переселение осетин на равнину было выгодно и для русского правительства, намеревавшегося использовать их для охраны Военно-Грузинской дороги. Оно считало, что поселение горцев на равнине «чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношениях для успокоения всего края».¹

Переселяя осетин на плоскость, царское правительство наделяло крупных феодалов большими земельными участками. Так, например, феодалам Тугановым в 1837 году было выделено 18 790 десятин, а Дударовым в 1854 году — 5 496 десятин земли. Крупные землевладельцы, сдавая свои земли в аренду бедноте, безжалостно эксплуатировали ее. Казачьим верхушкам также выделялись большие массивы лучшей земли.

Осетинские феодалы, которых царское правительство щедро одаривало землей и разными чинами в це-

¹ Материалы по истории Осетии, т. II, Орджоникидзе, 1942, стр. 298.

лях привлечения их на свою сторону, в своем большинстве приносили ему присягу на верность. Но часть тагаурских феодалов, защищая свои узкоклассовые интересы, выступала против мероприятий русской администрации. Основной причиной недовольства небольшой части тагаурских феодалов русскими было опасение лишиться своих привилегий, главным образом, права брать пошлины с проезжавших по Дарьяльскому ущелью купцов и других лиц. Нельзя забывать и то, что ирано-турецкие агенты всячески подстрекали горские народы против России. Путем подкупов и угроз они настраивали тагаурских феодалов против русских.

В своем антирусском реакционном движении тагаурские алдары-старшины использовали возмущение трудящихся масс, вызванное произволом и притеснениями, чинимыми царскими чиновниками и военным начальством по Военно-Грузинской дороге.¹

Наиболее крупное реакционное выступление части тагаурских старшин произошло в 30-х годах XIX столетия и было подавлено генералом Абхазовым.

Восстание 30-х годов было чуждо интересам осетинского народа, противоречило его давнему, исторически сложившемуся стремлению к дружбе с Россией. Это стремление нашло отражение в деятельности лучших сынов народа.

В общественно-культурной жизни Осетии конца XVIII и первой четверти XIX века видное место занимает просветитель и поэт Иван Георгиевич Ялгузидзе.²

Он родился в 1775 году в Южной Осетии, по происхождению был из осетинской социальной верхушки (уæздан). Маленьким мальчиком попав в Тбилиси, во двор грузинского царя Ираклия II., Ялгузидзе был отдан в монастырь для обучения грузинской словесности.

По другим сведениям И. Ялгузидзе окончил духов-

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии, т. II, стр. 615.

² Некоторые биографические сведения взяты из статьи Дз. А. Гугкаева «О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе» (Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, вып. VII, 1955 г.)

ную семинарию и получил по тогдашнему времени хорошее образование.¹

Работал сперва в Душетской школе, а потом в Тифлисской семинарии, преподавал осетинский, грузинский и русский языки. С момента присоединения Грузии к России И. Ялгузидзе служил при русском военно-гражданском начальстве в разных должностях и часто участвовал в переговорах с осетинскими обществами. Начиная с 1801 года, он в составе экспедиции гренадерского полка Симоновича неоднократно направлялся в ущелья Южной и Северной Осетии для «вразумления, успокоения и приведения к присяге осетин».²

В осетинских обществах И. Ялгузидзе пользовался доверием, которое завоевал своим сочувственным отношением к трудовому крестьянству.

Часто общаясь с народом, И. Ялгузидзе не мог не видеть, каким жестоким унижениям и оскорблениям подвергался он со стороны князей Мачабели и Эристовых, которые грабили осетинских крестьян, отнимали у них скот. И. Ялгузидзе обо всех несправедливостях сообщал полковнику Симоновичу. «Причиной возникновения вражды между осетинами и грузинами и тогда и теперь были Мачабели и Эристовы», — писал он, передавая в подробностях жалобы крестьян.

И. Ялгузидзе смог убедить и привел к присяге на верность России крестьян Джавского ущелья. Принося присягу Российскому государству, они надеялись, что избавятся от притеснений и произвола князей Мачабели и Эристовых и называли русских своими попечителями.

Глубоко сочувствуя крестьянам, И. Ялгузидзе в меру сил и возможностей защищал их от незаконных действий и грабежа, старался просветить осетин, приблизить и приобщить их к русской культуре. Это характеризует его как прогрессивного деятеля и гуманного человека. Но И. Ялгузидзе никогда не выступал

¹ Чочишвили Григорий, «Осетинский букварь» (см. грузинскую газету «Дроеба», 1883 г., № 199.)

² Акты Кавказской археографической комиссии, т. I, стр. 582 — 587.

против основ крепостничества, против царизма. Зная настроения крестьянства, сочувствуя ему, он стремился облегчить его тяжелую участь в рамках крепостного строя, старался смягчить жестокость князей.

Неизмеримо значительней просветительская деятельность И. Ялгузидзе. В 1820 году он составил два алфавита осетинского языка: один на основе грузинской церковной азбуки «хуцури», другой на основе грузинской светской графики. Пользуясь вторым алфавитом И. Ялгузидзе составил осетинский букварь и издал его в 1821 году в г. Тифлисе. Это была первая попытка составить учебник-букварь на осетинском языке. Кроме того, он перевел с русского и грузинского на родной язык ряд церковных книг. Из них одновременно в Москве и Тифлисе издано шесть книг. Некоторые его переводы остались в рукописи.

Переводя церковные книги на осетинский язык, И. Ялгузидзе не только и не столько старался распространять христианскую религию, сколько заботился о распространении письменности, грамоты среди своих соотечественников. Об этом свидетельствует предисловие, написанное им к своему переводу евангелия, где он говорит, что всегда мечтал создать книгу на осетинском языке.¹

* * *

Из поэтических произведений И. Ялгузидзе до нас дошло только одно — поэма «Алгузиани», написанная на грузинском языке. Она впервые опубликована в 1885 году Н. Гамрекели. По сообщению Н. Гамрекели, поэма «Алгузиани» найдена священником И. Русиёвым в Нузальской церкви. Нузальский оригинал был иллюстрирован портретами царей Осетии, а в начале рукописи имелось раскрашенное изображение Алгуза. Как сообщает Самагаблоели, опубликованный текст «Алгузиани» составляет лишь десятую часть всей поэмы, которая была озаглавлена: «Агустиан—Алгузиан—Русиан — Сарагон — Цахилон».²

¹ См. журнал «Фиднуаг», 1928, № 2, стр. 98.

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII, 1897, отд. I, стр. 190.

Как указывают историк М. Джанашвили и историк грузинской литературы А. Хаханов,¹ текст, опубликованный М. Гамрекели, содержит грубые опечатки и искажения.

В 1887 году М. Джанашвили вновь издал поэму «Алгузиани» с подстрочным переводом на русский язык.² Текст снабжен указаниями и примечаниями самого М. Джанашвили, к нему приложена также «Заметка» Лопатинского.

* * *

Содержание поэмы «Алгузиани», состоящей из пяти глав, таково. Алгуз (или Алгузон) влюбляется в дочь черкесского царя Кайрана Эстерь и похищает ее. Склонив нонского царя на свою сторону, Кайран напал на Алгуза, чтобы отнять свою дочь. В жестокой битве Алгуз одержал победу и установил свою власть в Черкессии. Однажды к Алгузу явился Аслан Гамрекели и попросил приютить его. Он рассказал Алгузу, что несправедливо преследуется амосарским царем Ал-Искантером. Алгуз приютил юношу. Узнав об этом, амосарский царь потребовал, чтобы он выдал ему Аслана. Когда Алгуз отказался выполнить это требование, тот объявил ему войну. В единоборстве царь Амосарии был убит. Но Алгуз великодушно отказался от завоеванного трона, сказав вдове Ал-Искантера: «Царствуйте вы сами, царица!» и в помощники ей оставил своего брата Куртагона. Аслана Гамрекели Алгуз сделал князем Горанды. С большими почестями Алгуз возвратился в свою страну. После семи лет пребывания в своем тронном городе царь пожелал обозреть подвластные ему государства и княжества. Как повелителя, торжественно встречают его вдова Ал-Искантера — царица Амосарии, его брат Куртагон, милакарская царица Джанкала, сестра Ал-Искантера. Не вышел навстречу Алгузу только Аслан Гамрекели.

¹ Очерки по истории грузинской словесности, вып. III, стр. 54.

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII, 1897, стр. 1 — 196.

Алгузу рассказали, что Гамрекели очень притесняет своих подвластных, плохо относится и к царице Амосарии и Куртагону. Алгуз решил сурово наказать Гамрекели. Но тот опередил его и подослал наемного убийцу, который умертвил Алгуза.

Автор намеревался продолжить поэму, что видно из следующих стихов: «Чархилон, четырнадцать лет, наследник отца своего. Его историю мы узнаем впоследствии по деяниям его» (подстрочный перевод).

В начале поэмы мы находим традиционное обращение автора к богу с просьбой дать ему достаточно умения выполнить начатый большой труд. Поэт обещает быть правдивым и объективным в изображении описываемых событий. Однако уже из вводной части произведения видно, что И. Ялгузидзе тенденциозно возвеличивает подвиги царя Алгуза.

Кроме исторических легенд и преданий о народах Северного Кавказа, в поэме действительно «нет ничего исторического».¹ Наряду с реально существовавшими народами в ней представлены вымышленные автором народы, события более давних времен переплетаются с событиями более поздними и т. д. Поэтому поэма имеет значение лишь как первое художественное произведение осетинской литературы, в котором автор, движимый патриотическими чувствами, пытается показать прошлое Осетии, чтобы тем самым разбудить и укрепить национальное самосознание своего народа.

Большая часть поэмы посвящена описанию жестоких боев. Картинам мирной жизни в ней уделено очень мало места. Главные герои проводят свою жизнь в походах и битвах, следующих одна за другой, остальное время они пируют.

Характеры действующих лиц в поэме раскрываются недостаточно глубоко. Наиболее полно разработан образ главного героя Алгуза. Это прежде всего храбрый воин. В ожесточенных схватках он непременно одерживает победу. Но сам Алгуз не жестокий человек. Он рыцарски вежлив даже с врагами, никогда не бы-

¹ Кекеладзе, История грузинской литературы, Известия СОНИИ, вып. II, 1926, стр. 468.

вает зачинщиком войны, в единоборстве не наносит удара первым. Алгуз верен своему слову. Его любовь сильна и постоянна. Из-за чистосердечной любви к Эстерь он отрекся даже от отца и вынужден был вступить в кровопролитные битвы.

Устами Алгуза автор выражает свои собственные взгляды на жизнь. Его «философские» воззрения выражены в конце первой части поэмы в следующих стихах:

«Если кто на дороге роет яму другим,
Забывает всех своих и идет углублять ту яму,
Тот, наверняка, сам, заблудившись, попадает в эту пропасть,
И душа его отправится в ад, а тело останется на съедение
зверям».

(Подстрочный перевод)

Автор проповедует «хорошее поведение, приличную благовоспитанность». Человек с этими качествами, говорит он, будет счастлив. Эти высказывания дорисовывают моральный облик героя поэмы «Алгузиани». Автор, между прочим, не мыслит жизни без борьбы. «У кого бьется живое сердце в груди, тому остается вечная борьба», — говорит он.

Таков Алгуз, главный герой поэмы «Алгузиани».

В поэме выведен также тип хитрого, жестокого человека — Аслана Гамрекели. Гамрекели поклялся Алгузу в своей преданности, а потом предательски убил его. Насколько сильна любовь автора к Алгузу, настолько велика его ненависть к Гамрекели, как к неблагодарной и вероломной личности.

Другие действующие лица представлены однобоко, о них трудно сказать что-либо определенное как о художественных образах.

Еще меньше уделено внимания образам женщин, в поэме они не играют большой роли, характеры их не индивидуализированы, и подчас их трудно отличить друг от друга. Однако нельзя не отметить, что автору удалось убедительно обрисовать красоту Эстерь — супруги Алгуза, человека с нежным, любящим сердцем.

Национальный характер поэмы наиболее ярко про-

ступает в похоронных обрядах, особенно в заплачках, которые часто приводятся. Трогательно звучат слова одной из них:

Ты, солнце, отинуло от нас луч свой и закатилось.
Еще раз соблаговоли и отзовись на наш зов.
Потускнел для нас день светлый, потускнела вселенная.
(Слова жены Кайрана)

Супруга Алгуза Эстерь, встречая людей, привезших его труп, причитает:

Проснись, мой господин,
Зачем ты плаваешь по Черному морю!
Дай мне еще раз услышать твой голос...
Без тебя мне не жить, душа оставляет меня...

Эти и ряд других сцен и картин придают поэме «Алгузиани», между прочим, характер произведения, насыщенного этнографическим материалом и проливающего свет на быт и нравы древних осетин.

Поэма написана 16-сложным руставелиевским стихом.

* * *

В заключение этого небольшого раздела следует еще раз отметить, что, начиная с X — XII веков, осетины имели тесные связи с русскими. Эти связи еще более укрепились в XVII — XVIII веках, в результате чего Осетия в конце XVIII века присоединилась к России. Этому историческому акту в значительной мере способствовали установившиеся ранее дружественные отношения России с Грузией и Кабардой. Первые осетинские школы, первые осетинские книги появились под воздействием русской культуры.

Просветительские мероприятия, проводимые в Осетии русскими и грузинскими миссионерами, носили религиозный характер. Открывая школы для осетин и для других горцев, царизм руководствовался колониальными интересами. Но появление школ и зарождение письменности объективно играли прогрессивную роль в истории Осетии.

Осетины с древнейших времен были в дружественных отношениях с Грузией. Грузины оказали значительное влияние на развитие осетинской культуры и письменности. Характерно, что осетинская письменность в конце XVIII и в начале XIX вв. развивалась на основе русской и грузинской график. Царизм до определенного времени допускал это. Но после окончательного упрочения колониального административного управления царизма в Осетии, в 1836 году смотритель Владикавказского духовного училища получил категорическое предписание: «Обучение детей горцев грузинским буквам, как вовсе ненужное, совершенно отменить».¹

В том же предписании предлагается переписать русскими буквами катехизис, переведенный на осетинский язык и напечатанный на грузинском алфавите. Осетинский алфавит на основе русской графики окончательно был закреплен после выхода в свет «Осетинской грамматики» академика А. Шегрена (1844 г.).

Надо отметить, однако, что культурный уровень Осетии в конце XVIII и в начале XIX века оставался очень низким. Единственная миссионерская школа, а позже духовная семинария большого влияния на развитие осетинской культуры не оказывали. Образованные люди в то время насчитывались единицами.

Но процесс приобщения осетин к русской культуре все углублялся, экономические и культурные связи расширялись.

* * *

После подавления реакционного восстания тагаурских алдаров в Осетии было создано централизованное административное управление (приставство). Пристав управлял всей Осетией через своих помощников по ущельям и старшин по селам. Они назначались из лиц привилегированных сословий. Был учрежден также и суд, в его обязанности вменялось решение, главным образом, дел, связанных с кровомщением.

¹ Материалы по истории Осетии, т. V, стр. 80.

При всей реакционности и несовершенности этой системы управления она была шагом вперед по сравнению с теми феодальными беспорядками (феодальная раздробленность, междоусобицы, набеги на соседние племена и пр.), которые царили до нее. Русское правительство обеспечивало регулярное и безопасное движение по Военно-Грузинской дороге, осетины, особенно плоскостные, имели возможность общаться с поселенцами-казаками, вести с ними торговлю. Это не могло не оказать положительного влияния на экономику и культуру края. Многие осетины завязали дружеские, так называемые куначеские отношения с русскими, перенимали у них опыт возделывания земли, строительства жилищ. Во многих саклях появилась русская печь и т. д. Все это позже описал Коста Хетагуров в своей поэме «Фатима»:

...Изменился аул, —
Вместо сакли турлучная хата...
И обои и печи... висят зеркала
Вместо шашки, ружья, пистолета.
(II, 156)

Культурное влияние русских на осетин осуществлялось, в основном, через миссионерские и военные школы. Обучаясь в этих школах и общаясь с русскими, осетинские юноши знакомились с культурой Руси. Число грамотных людей, прошедших курс духовных и военных училищ, начало расти. В 40 — 50-х годах стала зарождаться осетинская национальная интеллигенция.

В распространении грамотности среди местного населения известную роль сыграло Владикавказское осетинское духовное училище, открытое в 1836 году. В нем учились такие просветители, как А. Колиев, В. Цораев, Д. Чонкадзе. Обучение велось на русском и осетинском языках. Владикавказское училище имело явно выраженный проповеднический характер. Родной язык в программу училища вводился для пропаганды идей православного христианства среди осетин. С этой же целью осетинский язык изучался также в духовных семинариях Ставрополя и Тифлиса. И все же это спо-

собствовало сближению осетин с русской культурой, как и военные школы, где обучалось много осетин.

Большой вклад в развитие осетинской культуры внес русский ученый академик Андрей Михайлович Шегрен (1794 — 1855 гг.). Шегрен справедливо считается основоположником научного изучения осетинского языка. Его капитальная работа «Осетинская грамматика» с кратким осетинско-русским и русско-осетинским словарями, вышедшая в свет в 1844 году, заложила основу осетинского языкознания. Благодаря его труду, ученые всего мира впервые смогли ознакомиться со строем и особенностями осетинского языка, определить его место среди других языков. Шегрен был также, как утверждает В. Абаев, основоположником осетинской письменности.¹ Существовавшие до него алфавиты Гая (на основе церковнославянской графики) и Ялгузидзе (на основе грузинской графики) не были удовлетворительны и не прививались в народе. Шегрен утверждал, что будущая судьба осетин связана с Россией, с русским народом, поэтому предпочел создать осетинский алфавит на русской основе.

На алфавите академика Шегрена, впоследствии усовершенствованном другим русским ученым, академиком В. Ф. Миллером, развивалась в дальнейшем осетинская письменность. Им пользовался великий поэт и общественный деятель Коста Хетагуров, чьи бессмертные произведения окончательно укрепили осетинскую письменность на основе русской графики. Зарождение языкознания в Осетии — явление знаменательное, но особым предметом изучения в школах и вузах осетинский язык стал только после Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ленинской национальной политике.

* * *

В 50-е и 60-е годы XIX века в Осетии намечается рост книжной литературы, расширяется сеть миссио-

¹ Абаев В. И., Состояние и задачи изучения осетинского языка, Известия СОНИИ, т. XX, стр. 245.

нерских школ, увеличиваются ряды интеллигенции, появляются первые стихотворения на родном языке. Именно в этот период появились первые собиратели устного народного творчества осетин.

Из стен Владикавказского осетинского духовного училища за время его существования вышли десятки священников и учителей для церковноприходских школ. Они были призваны стать проповедниками христианской религии среди осетинского народа, верными слугами царизма и, действительно, таковыми являлись в своем большинстве. Но среди них были и люди, тесно связанные с трудовым народом, отдававшие свои знания делу его просвещения, придерживавшиеся прогрессивных взглядов. Мировоззрение этой части осетинской интеллигенции формировалось под воздействием борьбы трудящихся с феодалами-землевладельцами, которая особенно усилилась в период крестьянской реформы (1861 — 1867 гг.).

Аксо Колиев (1823 — 1866 гг.) относится к числу передовых просветителей Осетии середины XIX века. Он хорошо знал родной осетинский язык, переводил церковные книги с русского языка, состоял в комиссии по рецензированию и редактированию переводов духовных книг.

В 1862 году А. Колиев открыл в своем доме начальную школу для осетинских девочек. В ней обучалось до 20 человек. Школа А. Колиева пользовалась большим успехом среди населения. Позже, в 1866 году, она была преобразована в осетинскую женскую трехклассную школу и принята на содержание «Обществом по восстановлению православного христианства на Кавказе».

Школа А. Колиева явилась первым очагом распространения грамотности и образования среди осетинок. «Школа эта, — писал Коста Хетагуров, — находясь в городе Владикавказе, умственном и административном центре осетин, оказала самое благотворное влияние на положение женщины в Осетии. Из стен этого заведения... вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц — матерей семейств и народных учительниц» (III, 168 — 169).

Оценивая деятельность просветителей 50 — 60-х годов, нельзя не сказать о борьбе, которую вела наиболее прогрессивная их часть с туркофилами и со всеми теми, кто, проповедуя мусульманскую религию, хотел оторвать осетинский народ против его желания от великого русского народа. Передовые просветители во главе с А. Колиевым и И. Чепиговским, выражая волю осетинского трудового народа, который еще в конце XVIII века отдал себя под покровительство России, старались еще больше приобщить его к русской культуре.

Отношение к вопросу присоединения Осетии к России разделило осетинскую интеллигенцию тех лет на два лагеря. В 1858 году генерал-майор М. Кундухов, реакционер и туркофил, настаивал на выселении осетин из Владикавказа, чтобы тем самым изолировать их от русского влияния и русской культуры. А. Колиев повел борьбу против провокационной пропаганды М. Кундухова. Его поддержал И. Чепиговский, и часть осетин была оставлена во Владикавказе. Вскоре после этого борьба опять обострилась по вновь представившемуся поводу. М. Кундухов с падением Шамиля начал агитировать кавказских горцев-мусульман переселиться в «единоверную» султанскую Турцию. Представители прогрессивного лагеря выступили и против этой провокации. М. Кундухов и другие турецкие агенты не имели большого успеха в Осетии, население которой в своем большинстве исповедывало христианскую веру. Только незначительная часть осетинских мусульман, преимущественно из высших сословий, почувствовавших неизбежность крестьянской реформы, ушла в Турцию. Но горцы-переселенцы сразу же по прибытии в Турцию увидели, что это не обещанная земля, какой ее рисовали турецкие агенты. Они поняли, какую роковую ошибку совершили, покинув родину, и многие из них, несмотря на невероятные трудности, испытанные на пути в Турцию, пустились в далекий обратный путь.

А. Колиев помимо культурно-просветительской деятельности занимался литературным творчеством. Он написал несколько духовно-проповеднических стихот-

ворений на осетинском языке («Хвалебная песня о святой Марии», «О, наш отец», «Воскресение Христа»). Для своих произведений А. Колиев использовал народные формы стиха. Стиль его — торжественно-приподнятый, язык богат сравнениями и эпитетами. Однако стихотворения А. Колиева не были популярны и никакой роли в развитии осетинской поэзии не сыграли. Значение их состоит только в том, что они являются первыми по времени написания стихотворениями на осетинском языке. Лишь некоторый интерес представляют их язык, художественные средства и приемы.

Видным деятелем начала второй половины XIX века был И. И. Чепиговский (Иосиф, епископ Владикавказский, соратник А. Колиева, по национальности украинец — 1821 — 1880 гг.). После окончания Киевской духовной академии он долгое время служил в Осетии в должности управляющего осетинскими приходами, приютами и духовными учебными заведениями во Владикавказском Военно-Осетинском округе. Будучи сторонником обучения детей на родном языке, И. И. Чепиговский сам изучил осетинский язык, переводил духовные книги, составлял учебники. Им было переведено и написано около 15 книг. Среди них выделяются «Русско-осетинский словарь», о котором академик В. Ф. Миллер в свое время говорил как о значительной для того времени книге, а также букварь-учебник осетинского языка.

И. И. Чепиговский стремился перевести обучение в осетинских школах на родной язык. В 1860 году, обосновывая возможность обучения грамоте на осетинском языке, он писал: «...Первые материалы в основу дела почти готовы (имеется в виду «Осетинская грамматика» Шегрена и букварь самого Чепиговского — Х. А.); есть между осетинами и лица, получившие достаточное образование и знающие грамматически как свой, так и русский язык, готовые потрудиться на пользу своих соотечественников в деле распространения между ними национальной грамотности. Таковы из духовных лиц: священник Колиев, священник Сохнев, дьякон Аладжиков, учитель Жускаев, учитель

Караев, учитель Кантемиров, секретарь грузино-име-ретинской синодальной конторы Мжедлов, учитель тифлисской семинарии Чонкадзе и некоторые другие... Таким образом, и в отношении числа деятелей есть полная возможность скоро и правильно двинуть национальное образование осетин...»¹

Оценивая деятельность И. И. Чепиговского, надо иметь в виду, что он руководствовался, в основном, религиозными побуждениями, что и его русско-осетинский словарь был пронизан духом православной церкви. Но объективно его деятельность по изданию осетинских книг, по организации типографии, расширению школ, которые способствовали развитию образования и грамотности в Осетии, заслуживает положительной оценки.

К 50 — 60-м годам относится также просветительская деятельность Василия Цораева (1827 — 1884 гг.) и Даниила Чонкадзе (1830 — 1860 гг.), являющихся одними из первых собирателей осетинского народного творчества.

В. Цораев, знаток осетинского языка, получивший хорошее образование, участник Крымской войны 1853 — 1856 годов, позже учительствовал в тифлисской духовной семинарии. Будучи учителем осетинского языка, он уделял большое внимание устному народному творчеству. Он записал множество пословиц, сказок, преданий, несколько сказаний о нартах. Тексты их опубликованы на осетинском и русском языках с комментариями самого В. Цораева в сборнике «Осетинские тексты» (1868 г.) академика Шифнера. Записи народных сказаний, сделанные В. Цораевым, отражают диалектологические особенности осетинского языка.

Д. Чонкадзе, известный грузинский прогрессивный писатель, автор исторической повести «Сурамская крепость», с детства был знаком с осетинским языком. Впоследствии он стал учителем осетинского языка,

¹ Письмо архиепископа Иосифа к Святополк-Мирскому от 22 февраля 1860 г., Материалы по истории Осетии, т. V, Орджоникидзе, 1942, стр. 85.

сперва в ставропольской, потом в тифлисской духовной семинариях. Тогда же начал собирать произведения осетинского фольклора. Из собранного материала ему удалось опубликовать только часть,¹ остальные записи, о которых он упоминал в письмах к друзьям, пропали. Д. Чонкадзе намеревался составить словарь осетинского языка, для чего проделал большую подготовительную работу по сбору слов-карточек.

Сборник «Осетинские тексты» акад. Шифнера, куда вошли собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым тексты произведений осетинского фольклора, является весьма ценной книгой, которая и по сей день не утратила своего значения. Она является самой весомой по содержанию из книг, изданных в 60-х годах.

* * *

Крестьянская реформа 1861 года расчистила путь для развития капитализма не только в центральной России, но и на ее окраинах, в том числе и на Северном Кавказе. Развиваясь вглубь и вширь, капитализм проникал и в натуральное хозяйство горцев, приобщал их, в том числе и осетин, к более передовым формам хозяйствования. В налаживании более тесных экономических и культурных связей Северного Кавказа с промышленными и культурными центрами России большую роль сыграло проведение железнодорожной линии Ростов — Владикавказ (1875 г.), а затем линии Владикавказ — Петровск-Порт (Махачкала). Железная дорога дала мощный толчок развитию производительных сил всего Кавказа. Быстро росло городское население.

В 70-е годы XIX столетия в Осетии еще заметнее стало благотворное влияние русской культуры. Знание русского языка становилось все более необходимым. Многие осетины отдавали своих детей на обучение русскому языку («æвзаг зонымæ») к русским зна-

¹ См. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым, издал академик А. Шифнер, Спб, 1868.

комым-кунакам. Коста Хетагуров, характеризуя впоследствии 70 — 80-е годы, отмечал, что «потребность в образовании стала заметно прогрессировать и охватила все население Осетии. Явились сотни приговоров с просьбой открыть школу, оказать помощь на постройку школьного здания...» (III, 126).

Рост города Владикавказа, ставшего к тому времени «умственным и административным центром Осетии» (III, 168), способствовал дальнейшему развитию образования среди осетин, приобщению их к русской культуре. В Осетии зарождается гражданская интеллигенция, которая начинает вытеснять с общественной и культурной арены духовенство. Осетинская общественная мысль начинает охватывать более широкие вопросы народной жизни. Она стала освобождаться от религиозной оболочки и выходить за рамки чисто культурно-просветительной деятельности.

В 70-х годах на арену общественной деятельности вышли такие деятели, как А. Ардасенов, И. Шанаев, Др. Сохиев, Дж. Шанаев, Б. Гатиев, А. Гассиев и другие, получившие образование в высших учебных заведениях России и испытавшие влияние прогрессивных и революционных идей лучших представителей русского народа. Некоторые из них принимали активное участие в борьбе против самодержавия, идя по пути, которым шли русские народники 70-х годов.

В 1874 году во Владикавказе был организован тайный революционный кружок, в который входили А. Ардасенов, И. Шанаев, М. Кипиани и другие. Члены кружка развернули революционную пропаганду, распространяли и расклеивали листовки с революционными призывами. Некоторые из них (А. Ардасенов и другие) были арестованы и сосланы в Сибирь.¹

Многие осетинские семидесятники выступали с

¹ В сибирской ссылке А. Г. Ардасенов близко познакомился с известным русским писателем В. Г. Короленко. В четвертой книге «История моего современника» В. Г. Короленко писал: «Компания наша составила следующим образом: во-первых, профессор Багданович, я, Кобылянский, кавказец Ардасенов...» (В. Г. Короленко, Собр. соч., т. VII, Изд. художественной литературы, М., 1955, стр. 399).

публицистическими и этнографическими очерками. Заслуживают внимания этнографические очерки Дж. Шанаева «Свадьба у северных осетин»¹ и «Присяга по обычному праву осетин»², Б. Гатиева «Суеврия и предрассудки в Осетии»,³ Тхостова «Верования осетин»⁴ и другие. Братья Шанаевы собрали и опубликовали на русском языке произведения народного творчества.⁵

Публицистические и этнографические статьи и очерки семидесятников несомненно имели большое культурное и политическое значение. Они будили общественную мысль, поднимали и развивали общественное самосознание, готовили почву для развития художественной литературы. Собрание и публикация фольклорных текстов в период, когда еще по существу не было художественной литературы, которая отражала бы интересы народных масс, когда осетинская письменная литература была представлена только церковнопроповедническими книгами с чуждой интересам трудящихся идеологией, было также исключительно важным делом. Эти публикации обращали внимание интеллигенции — и русской и осетинской — на духовную культуру народа, которая выражалась в лучших произведениях народной поэзии.

Это было крайне необходимо, ибо нередко находились публицисты, чернившие горцев.

Не случайно уже в начале 70-х годов отдельные представители передовой интеллигенции (Кануков, Гатиев) подняли голос протеста против тех, кто намеренно рисовал горцев ворами и головорезами. Объектом резкой критики явился Надеждин, который в своей книге «Природа и люди на Кавказе и за Кавказом» извращенно показывал жизнь местного населения, представлял горцев дикарями и абреками.

Высмеивая надеждиных, называя их «литератур-

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IV, 1870.

² Там же, вып. VII, 1873.

³ Там же, вып. IX, 1876.

⁴ Газета «Терские ведомости», 1878, № 12.

⁵ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V, 1871; вып. VII, 1873 и др.

ными промышленниками», Инал Кануков писал, что и раньше Кавказ представляли каким-то пугалом для мирных обитателей России. Если, говорили, попал на Кавказ, то не воротись. Песня даже есть, где Кавказ называется «гибельным Кавказом». «И не возмутительно ли, — пишет далее И. Кануков, — если подобные устарелые уже понятия распространяются еще в наше время с воспитательною целью».¹

И. Кануков констатирует, что «теперь пора уже понять, что времена Казбичей и т. п. людей ушли в область мифов и надо их забыть».²

С резкой критикой книги Надеждина выступил и Афанасий Абрамович Гассиев. В своей пространной рецензии «По части книжных древностей»³ А. Гассиев доказал, что книга Надеждина и в научном отношении несостоятельна, и с точки зрения подбора фактического материала не выдерживает никакой критики. «Никакой народ, — пишет Гассиев, — в отношении бытовом, социальном, моральном и религиозном в этнографии не может быть предметом только одного описания, но должен быть в то же время и предметом исследования, анализирующего и объясняющего».

Прогрессивная осетинская интеллигенция 70-х годов высоко ценила культуру русского народа, стремилась приобщить к ней свой народ, боролась против реакционных деятелей науки и литературы, которые намеренно сеяли вражду между горцами и русскими. Она понимала, что в России есть две культуры — одна передовая, прогрессивная, другая — реакционная, шовинистическая.

В дальнейшем, в 80 — 90-х годах XIX века, Коста Хетагуров еще выше поднял знамя дружбы и братства с великим русским народом, будучи убежден, что русская национальная культура по своему содержанию не едина. И он четко разграничивал в ней куль-

¹ Кануков И., Записки горца, литархив СОНИИ, ф. 5, д. 4, п. 1.

² Там же.

³ Газета «Кавказ», 1873, № 33.

туру, созданную такими великими сынами народа, как Пушкин и Грибоедов, Лермонтов и Островский, Чернышевский и Добролюбов, Чехов и Максим Горький, и культуру монархистов и великодержавных шовинистов, культуру «господствующих каннибалов» и «охранителей основ и устоев существующего порядка».

Это было началом пробуждения передовой осетинской интеллигенции к широкой творческой и политической деятельности, пробуждения самосознания народа.

В конце 60-х и в 70-х годах в Осетии появились художественные произведения, которые отражали некоторые явления жизни народа. Авторами этих произведений были поэты Темирболат Мамсуров и Инал Кануков. Первый писал свои стихотворения на осетинском языке, второй — на русском.

Жизнь и творчество Темирболата Османовича Мамсурова (1843 — 1899 гг.) до сих пор не изучены. Судьба его сложилась так, что он в 1865 году оказался в числе горцев, переселившихся в Турцию, и остался до конца своей жизни за пределами родины. Творчество и имя Т. Мамсурова долгое время (до 1920 года) осетинскому народу не были известны. Отдельные его стихотворения — «Сагъæстæ» («Думки») и другие — передавались устно или пелись в народе и приписывались или народной поэзии или же генералу Мусса Кундухову, инициатору переселения части кавказских горцев в Турцию. В. Ф. Миллер, публикуя песню «Сагъæстæ», в своих «Осетинских этюдах»,¹ писал, что она принадлежит Мусса Кундухову. И позже, когда некоторые стихотворения Т. Мамсурова появились в периодической печати,² они связывались с именем Мусса Кундухова.

Принадлежность стихотворений «Думки», «Колыбельная песня» и других перу Темирболата Мамсурова

¹ Миллер В. Ф., Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 105.

² Газета «Ног цард», 1907, № 16. Эти же «Сагъæстæ» («Думки») были опубликованы в 1920 году в той же газете «Ног цард», № 8 и приписывались Иналу Канукову.

ва стала известной в 1920 году, когда глава турецкой миссии в Советском Союзе передал осетинскому историко-филологическому обществу тетрадь с одиннадцатью стихотворениями.¹ Они и составляют литературное наследие поэта. Позже выяснилось, что литературное наследие Т. Мамсурова гораздо богаче, что им написано множество произведений, часть которых пропала, а часть до сих пор хранится у сестры поэта.²

Мы располагаем весьма скудными и к тому же не очень достоверными биографическими сведениями о Т. Мамсурове. Он родился в селении «Мамсырата» на р. Гизельдон в Северной Осетии, потом его семья переселилась в селение Брут. Учился в Петербургском кадетском корпусе. В 1860 году был выпущен корнетом и до 1865 года служил в Чугуевском уланском полку. В 1865 году под давлением своего дяди по матери Мусса Кундухова Т. Мамсуров уехал в Турцию.

Т. Мамсуров в своем творчестве отразил тяжелые переживания горцев-переселенцев. Тоска по покинутой отчизне — основной мотив его стихов. Стихотворение «Думки» представляет собой плач скорбящего поэта, оторванного от любимой родины.

Будучи очевидцем невероятных трудностей, которые пришлось испытать переселенцам в пути, Т. Мамсуров правдиво показал их в стихотворении «Два товарища». Произведение имеет форму диалога двух лиц. Старший рассказывает младшему о страданиях, пережитых горцами, устремившимися на чужбину в поисках счастья. В его рассказе столько горечи, что читатель испытывает боль за обманутых туркофилами людей.

Для поэта Т. Мамсурова султанская Турция — не обетованная страна, какой та рисовалась туркофилами, ему ненавистны фанатические нравы и обычаи. В

¹ См. Алборов Б., Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров (отгиск из Известий Горского педагогического института, т. III, Владикавказ, 1926, стр. 1).

Стих. «Думки» не было в этой тетради, оно было опубликовано до этого.

² См. вышеуказанную брошюру Б. Алборова.

стихотворении «Колыбельная песня» поэт предупреждает младенца, чтобы тот в детском неведении не воспринял чужие нравы, чтобы его сердце не стало глухим ко всему родному.

Симпатия Т. Мамсурова всегда на стороне трудового народа. Он противопоставляет туineaдцу человека, который живет своим трудом, которому топор и коса будут доставлять кусок хлеба («К моему ровеснику»). Поэт с ненавистью говорит о представителях социальных верхов, рисуемых им ненасытными и жадными («Скупой» и другие).

В стихах Т. Мамсурова встречаются мотивы борьбы против царизма, который, по мнению поэта, был единственным виновником невзгод переселенцев. Т. Мамсуров не понимал действительных причин переселения части горцев в Турцию. Важно другое, то, что он не разделял убеждений туркофилов. Для него были ненавистны порядки, устанавливаемые турецкими властями. Только это чувство могло побудить его написать такое стихотворение как «Колыбельная песня».

Поэт в своих стихах говорит о тлетворном влиянии на горскую молодежь турецкой реакционной культуры. Устами больного он критикует новое поколение за то, что оно заводит гаремы, что оно, когда видит «ишака» с золотой ношей, преклоняется перед ним. Поэт оплакивает это поколение, ибо оно под влиянием чуждой турецкой культуры встало на путь гибели (стихотворение «Больной»).

Стихотворениям Т. Мамсурова присущи слабости, недостатки, идейные заблуждения. На них очевиден отпечаток мистицизма. Поэт верит в судьбу, определенную для него богом («О мой бог!», «Тихий»). Он несколько идеализирует прежние феодальные порядки.

Стиль Т. Мамсурова своеобразен. Его поэзия по своей форме близка к устной народной поэзии. Как правило, он старается рифмовать свои стихи, но часто не достигает этого. Ритмика стиха также до конца не выдерживается им. Наряду с хорошими строфами — с законченной мыслью, богатой рифмой, вы-

держанной ритмикой, — встречаются строки, где мысль обрывается, отсутствует рифма. Не трудно заметить, что эти нарушения и искажения в стихах Т. Мамсурова допущены переписчиками, которые, видимо, плохо владели осетинским языком. В имеющихся списках много орфографических и стилистических ошибок, пропусков, непонятных слов.

Это обстоятельство безусловно снижает ценность тех списков стихотворений Т. Мамсурова, которые в настоящее время хранятся в архиве Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Но на этом основании отрицать значение его творчества, как пытались делать некоторые критики,¹ было бы неверно. Стихотворения Т. Мамсурова публиковались много раз, лучшие из них были помещены в осетинских школьных хрестоматиях. Небольшие заметки и сообщения о жизни и творчестве Т. Мамсурова появились в осетинской периодической печати за годы Советской власти в газетах («Рæстдзинад» и «Хурзæрин»). В эти же годы появились исследования Б. Алборова, Ц. Гадиева и других.

Стихотворения Т. Мамсурова не были опубликованы при жизни поэта. Но это не вина их автора, а его несчастье. Вдали от родины, в Турции, он не имел, разумеется, никакой возможности издать свои произведения, к тому же пропитанные антитурецким духом. Но и сейчас они имеют историко-познавательное значение, как и творчество более крупного осетинского писателя, выступавшего до Коста Хетагурова, Инала Дударовича Канукова.

Жизнь и творческая деятельность Инала Канукова

Биография и творческое наследие Инала Канукова мало изучены. Одна из первых статей о нем — «Инал Кануков» — принадлежит Т. Бесаеву.² В статье дан краткий обзор некоторых очерков и стихотворений И. Канукова. Вслед за ней появились статьи С. Джанаева

¹ См. газету «Социалистическая Осетия», 1951, № 189.

² Газета «Социалистическая Осетия», 1941, № 35.

«Писатель-патриот И. Д. Кануков»,¹ статьи автора данного очерка «К оценке творчества Инала Канукова»² и «Инал Кануков» (на осетинском языке).³ И. Кануков как предшественник Коста Хетагурова упоминается и в статье А. Малинкина «Поэзия Коста Хетагурова».⁴ О нем говорится еще в ряде других обзорных и критических статей, но ни в одной из них не анализируется его творчество, а некоторые содержат ошибочные выводы. Творчество И. Канукова в небольшой критической литературе о нем получило противоречивые оценки. Одни слишком преувеличивают, другие принижают его значение, что говорит о неистинности творчества И. Канукова.

Инал Дударович Кануков родился в 1851 году⁵ в селении Кануковых (ныне с. Гизель) Северной Осетии в семье тагаурского алдара.

В 1859 году мальчик как сын горца из высшего сословия был принят в подготовительный класс Ставропольской гимназии. Отец будущего поэта, Дудар Кануков, поддался агитации, проводившейся генерал-майором Кундуховым, и решил уехать с семьей в Турцию. Он отозвал сына из гимназии и ранней весной 1860 года отправился в «обетованную землю». Дудар Кануков увидел своими глазами не благословленную аллахом Турцию, а страну самого жестокого рабства, и вернулся с сыном на родину.

По возвращении он поселился в селении Брут, а его сын Инал продолжал учиться в Ставропольской гимназии.

¹ Газета «Социалистическая Осетия», 1951, № 35.

² «Советская Осетия», литературно-художественный альманах, 1955, № 5 — 6.

³ Осетинская литература, пособие для студентов осетинского факультета СОГПИ и преподавателей литературы в школах, ч. I, Дзауджикау, 1951.

⁴ «Коста Хетагуров», Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 17.

⁵ Год рождения устанавливается на основании сообщения самого И. Канукова. В путевых заметках «От Александрополя до Эрзерума», опубликованных в 1878 году в газете «Кавказ», № 267, он писал: «18 лет тому назад я в качестве обратного переселенца переправлялся с турецкого берега через Арпачай в первый раз. Тогда мне было только 9 лет».

У нас нет сведений о том, в каком окружении находился И. Кануков во время учебы в гимназии. Но Ставрополь того времени был одним из самых культурных городов Северного Кавказа, а гимназия, в которой учился И. Кануков, — одним из лучших учебных заведений. В ней преподавали видные деятели народного образования: Я. М. Неверов (друг Станкевича и Грановского), учитель рисования В. И. Смирнов (впоследствии близкий друг Коста Хетагурова) и другие.

Надо полагать, что прогрессивные идеи передовой русской интеллигенции не могли не оказать влияния на мировоззрение И. Канукова. Это подтверждается и тем, что он, будучи еще гимназистом, стал интересоваться вопросами литературы. Свой первый очерк «В осетинском ауле»¹ Инал Кануков написал весной 1870 года, будучи еще гимназистом. Судя по ранним произведениям, он, несомненно, был одаренным, любознательным юношей, но по не известным для нас причинам был исключен из гимназии.

В январе 1871 года И. Кануков приехал во Владикавказ и, видимо, поступил в одно из военных училищ Кавказа, потому что впоследствии он служил офицером русской армии и принимал участие в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг.

Будучи на военной службе, И. Кануков продолжал свою литературную деятельность. Его рассказы и очерки появляются в «Сборниках сведений о кавказских горцах» и в газете «Кавказ».

В начале восьмидесятых годов И. Кануков ссылается на Дальний Восток. За что — до сих пор остается неизвестным. У нас нет никаких сведений и о его жизни и творчестве последующих тринадцати лет. Только примерно с 1893 года в дальневосточных газетах «Окраина» и «Владивосток» стали публиковаться его стихотворения под псевдонимами «И. Восточный» и «Иронов», а иногда и под его настоящей фамилией.

В 1897 году И. Кануков вернулся на Кавказ и вел

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, раздел II, 1875.

переговоры с редактором газеты «Кавказ», думая издать свои стихотворения, но ему не удалось осуществить свое намерение. Заболев туберкулезом, И. Кануков в конце 1898 или в начале 1899 года (дата точно не установлена) умер в селении Брут и был там же похоронен.¹

В очерке «Горцы-переселенцы»,² который, на наш взгляд, выходит за рамки этнографического, как он озаглавлен в сборнике, И. Кануков правдиво описал трагедию переселения незначительной части осетинских мусульман в Турцию.

Он ярко рисует ужасы и страдания переселенцев по дороге в Турцию и тяжелую, невыносимую жизнь в самой Турции. Горцев, как известно, нарочно поселяли отдельно друг от друга, по два — три двора, на плохих землях. Писатель подробно рассказал о том, с какими трудностями, но с какой радостью возвращались на родину многие из обманутых переселенцев.

Живое воображение одаренного мальчика сохранило картины переселения, а возмужав, И. Кануков воспроизвел их в своем очерке согласно исторической и жизненной правде, как талантливый публицист, умеющий анализировать события и рассказать о них ярко и убедительно.

Уже первый опыт говорил, что И. Кануков нашел свое призвание в литературном творчестве. И формы, и проблематика его очерков убеждают в том, что он относился к литературе с высоким чувством ответственности и строгой взыскательностью. В последующих очерках И. Канукова отражены некоторые стороны пореформенной жизни Северной Осетии. Зоркий глаз писателя замечает разительные перемены, ломку устоявшихся феодально-крепостнических отношений. Это не могут не видеть и те, кто благоденствовал, ничего не делая. Устами одного молодого человека, происходившего из знатной фамилии и, видимо, в

¹ См. Воспоминания Даухан Хадзибечировны Цаликовой, урожденной Кануковой (Архив СОНИИ).

² Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IX, раздел III, 1876.

полную меру почувствовавшего эту ломку, в очерке говорится: «Теперь, брат, времена настали другие; прежде, бывало, нам доставалось все почти даром... Теперь подумать некогда о праздных разъездах... Позабыв дедовское презрение к черному труду я взялся за этот труд. Обзавелся несколькими парами быков и лошадей и доставляю балласт на железную дорогу, имею свой кирпичный завод... Построил я себе дом на русский лад, как тебе известно, и обзавожусь самыми необходимыми вещами домашнего обихода».¹

Этот молодой человек осуждает праздную жизнь алдаров. Он сам теперь с пренебрежением относится к отжившим свой век феодальным обычаям и приветствует проникновение в осетинский быт русской культуры.

И. Кануков подчеркивает силу новой цивилизации: «Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины. И слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец, мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что мы присоединились к семье цивилизованной Европы. Горцы сами содействовали построению этой дороги, которая должна в близком будущем изменить все наше прошлое».²

Рождаются не только новые отношения, но и новые люди, которые в своих действиях руководствуются буржуазной моралью. Об одном из своих героев автор говорит, что это — тип зарождающейся в пореформенный период осетинской буржуазии, в котором «есть зачатки характера, выработанные обстоятельствами современной жизни».³

Чувствуя, что новое победит, И. Кануков критикует феодальные отношения, осуждает алдаров, которые проводят жизнь в набегах и праздных балцах, наживаются за чужой счет. Не случайны слова героя

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IX, раздел III, стр. 108.

² Там же, стр. 111 — 112.

³ Там же, стр. 109.

его очерка Хатахцико: «Теперь времена другие настали, Бибо, времена джигитства миновали... продавать отцовское оружие совсем не грешно... Было бы благо-разумнее как можно скорее сбыть его с рук... или бы, наконец, снес вон к Дауту, и он бы сковал из него серп или косу, — и то лучше, чем оно будет на стене торчать»... «В настоящее время, — продолжает Хатахцико, — на джигита, разъезжающего на своей лошади по аулам, с оружием, я смотрю как на человека вредного, бездельного, который, шатаясь по домам, объедает других».¹

Наделенный острым чувством нового, Кануков в своих очерках реалистически изобразил осетинскую деревню пореформенной эпохи, расслоение сельского населения, распад феодальных устоев и зарождение буржуазии.

Следуя жизни, Кануков не мог не заметить, что феодалы оказались у разбитого корыта, не способны к труду, созиданию, что это живые трупы. «Право, прежние наши холопы живут гораздо состоятельнее нас», — жалуется один из таких «героев» Канукова.

Этот процесс оскудения феодалов, крушение их нравственности запечатлен и Коста Хетагуровым в поэме «Фатима». В ней крестьяне говорят, что:

...Для княжеских сынков
Не по руке еще забава:
Соха, топор и наш ремень...
Холопов нет, работать лень.
(II, 144)

Верный принципам критического реализма, Кануков находит для своих очерков нужную форму. Они ярко художественны и публицистичны в лучшем смысле слова. Избегая сухой риторичности, он рисует сюжетно разработанные картины, лепит жизненно достоверные характеры. О тех или иных фактах, явлениях он говорит как бы мимоходом. Общественно-социальные явления раскрываются в картинах, а характер

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, раздел II, 1875, стр. 13.

героя — в диалоге, в репликах. Кануков не скрывает своего отношения к описываемому, он нередко комментирует, поясняет то, о чем говорится, делает обобщения и выводы.

Показывая тяжелое положение женщины-осетинки в патриархальной семье, писатель обращается к своей героине в лирическом отступлении и восклицает: «Бедная Дойон! Сколько тяжких оскорблений перенесла ты... в продолжение своей замужней жизни! От мужа, я знаю, ты ни разу не слышала ласкового слова...»¹

Дальше следует конкретная картина: грубый муж безжалостно избил палкой ни в чем неповинную жену. «Пришел он, не помню откуда-то, не в духе; рассердился на тебя и крепко ударил тебя по спине толстой палкой. Помню, какой пронзительный крик вырвался тогда из твоей груди от невыносимой боли... Ты схватилась за большое место и с рыданием прижалась в угол сакли, умоляя о пощаде. Но пощады не было. Разъярившийся Смайли еще пуще стал бить тебя палкою, и тогда я тоже зарыдал: мне стало невыносимо жаль тебя. На крик прибежали соседи и разняли».

Писатель с гневом вопрошает: «Бедная осетинка! Скоро ль ты избавишься от положения рабыни?»²

От взгляда писателя не ускользает и то, что узы патриархальной морали сковывают и жизнь молодежи. И здесь он не декларирует, а живописует. Молодой человек Асланбек пришел познакомиться со своей невестой, но та, заметив жениха, убежала и спряталась в сакле.

«А что, и у русских невеста так бегаёт от своего жениха?» — спросил он после некоторого молчания. «Я объяснил ему, — пишет Кануков, — что у русских, напротив, жених и невеста чаще прежнего видятся». «Ах! Как это хорошо! — воскликнул он: — А вот у нас, видишь, как... Я своей невесты еще ни разу как следует не видал. Да и засватал ее по наущению старух... Говорили, хорошая невеста». Автор очерка, как бы

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, раздел II, 1875, стр. 42.

² Там же.

комментируя слова Асланбека, пишет: «А я знал, что она злого нрава, совершенно противоположного характеру Асланбека».¹

В рассказе «Две смерти» Кануков поведал о том, к каким печальным последствиям приводили старые патриархально-родовые обычаи. Из-за пустой ссоры двух болтливых старушек сын одной из них, Бечир, убивает сына другой, ни в чем неповинного веселого и жизнерадостного юношу Данела. А брат последнего уже в силу обычая кровной мести убивает Бечира. Писатель выносит на общественный суд эти обычаи, и сам осуждает их. И так во всем — идет ли речь о быте и нравах, или о социальных отношениях на селе. Кануков, показывая расслоение в деревне, говорит о богатых и бедных не абстрактно — как богатые эксплуатируют бедных и сельские старшины обирают крестьян, — он оперирует фактами, конкретными примерами, им самим виденными и глубоко продуманными. При этом, как говорилось выше, автор не скрывает своего отношения к ним.

Аульский старшина Кургоко попросил автора очерка «В осетинском ауле» пойти с ним по аулу и читать список оштрафованных лиц. Сильные аула, как называет Кануков старшину и курьера, сами были неграмотными. Он согласился. У бедного аульского пастуха старшина в счет какого-то штрафа угнал корову. «Обошли еще два-три двора, — пишет писатель, — и ни у кого не оказалось денег, кроме Саге. С Саге взяли пять рублей за ругательство». Как выясняется далее из очерка, Саге эти пять рублей достались дорогой ценой — зажиточный односельчанин нанял его за семь рублей вырыть широкую канаву длиной в 150 шагов, по которой должна была пойти вода на небольшую горскую мельницу.

У Канукова имеется еще ряд других прозаических произведений: «Заметки горца», «От Александрополя до Эрзерума», «Путевые заметки» (черновые наброски) и другие.

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, раздел II, 1875, стр. 43.

Свои произведения «Горцы-переселенцы» и «В осетинском ауле» Кануков назвал этнографическими очерками. И действительно, в них много этнографического. Но оба очерка, как отмечалось, выходят за рамки этнографических. Они являются в то же время и художественными и историческими очерками. Кануков — хороший знаток и тонкий наблюдатель жизни. Его привлекают реальные факты, явления, вещи. Он говорит о людях, которых знал, с которыми встречался. Это придает очеркам, помимо всего, исторический характер. Но Кануков — художник возвышается над Кануковым — этнографом и историком. Он не просто говорит о людях, а рисует их образы художественными средствами, раскрывает их характеры, индивидуальные особенности, психологию, думы и чаяния, создает типы своих современников. Таковы и Данел, и Хатахцико, и Мосе, и бедняк Саге, и пастух Гути и т. д. («В осетинском ауле»).

От отдельных деталей быта, от частных эпизодов и сцен Кануков подводит читателя к обобщениям, ибо они живут в произведении не сами по себе, а создают типическую картину жизни. Прочитав очерк «Горцы-переселенцы», мы ясно представляем себе, как обманутые горцы едут в Стамбул, какие бедствия испытывают в пути, как умирает девушка от жажды, как неприветливо встречают переселенцев в Турции и с каким настроением возвращаются они обратно на Кавказ. Очерк «В осетинском ауле» знакомит читателя со множеством людей, знакомит его со свадебным, похоронным обрядами, показывает ему этнографические картины, и после всего этого он видит все селение Брут, знает, какие в селении дома, какие улицы, как и чем живут люди, словом, получает представление об экономическом и культурном уровне жителей селения Брут. Яркая картина создается благодаря характерным деталям, точности передачи настроения действующих лиц, достоверности этнографических зарисовок. Именно поэтому художественные очерки И. Канукова становятся социально значимыми произведениями.

Поэтические произведения Канукова стали печататься в 90-х годах прошлого столетия в дальневосточ-

ных газетах «Окраина» и «Владивосток», а позже — в газете «Кавказ» (г. Тифлис).

Кануков как поэт формировался под благотворным влиянием русской прогрессивной, демократической литературы. Это подтверждается всей идейной направленностью его поэзии, в частности, его поэтическим кредо.

Для него поэзия — оружие борьбы против насилия и зла, против рабства и угнетения человека, за правду и справедливость. Ему чужда теория «искусства для искусства». Он считает, что поэт должен быть прежде всего борцом против тех, «кто сеет произвол». Обращаясь к поэту, Кануков пишет:

Пиши, собрат, борись печатным словом,
Борись со злом, царящим в сем краю!
(«Призыв»)

В представлении Канукова, поэт обязан быть правдивым, честным, бесстрашным и свободолюбивым. В одном своем стихотворении он писал:

Не боюсь врага я в открытом бою,
На меня пусть несется грозою, —
Только с жизнью отдам я свободу свою,
Но, как раб, не склонюсь под пятою.
(«Не боюсь врага я»)

Поэт уверен в победе правды и добра над злом:

Но знай, борьба не долго будет длиться,
Не долго ждать желанного утра, —
Настанет час, и небо прояснится, —
Прольется свет, свет правды и добра!..
(«Призыв»)

Таковы общественно-политические и эстетические воззрения поэта. Творческие интересы Канукова разнообразны, ему чужда ограниченность и замкнутость тематики в национальные рамки. Он пишет о тяжелой доле русских крестьян, посеы и хаты которых были затоплены водами р. Уссури («В страдную пору»); о бедных корейцах, которых «иноземец гнетет» («На бухте»); о певучих малороссах («Малороссам»); о мечтах бедного горца, который сознает, что бог ему

не дает осла без двадцати рублей («Горе Алибека»). Во многих стихотворениях он воссоздает картины родного Кавказа, свои лирические стихи он посвящает трудовому человеку, выражая в них свою любовь к нему, желая ему лучшей доли. Большое место занимает в поэзии Канукова тема войны («Кровь и слезы», «На батарее», «Апофеоз войны» и другие). Войну он рассматривает как бессмысленный акт, как проявление жестоких инстинктов. Но Кануков осуждает войну с позиций пацифизма, он не понимает ее классовой сущности, не видит, что она является порождением противоречий капиталистического мира. Придерживаясь пацифистских убеждений, он считал возможным одной проповедью уничтожить причины возникновения войн в буржуазном обществе. Эти свои взгляды поэт наиболее полно изложил в статье «Антимилитаризм».¹ Налицо проявление одного из противоречий мировоззрения Канукова: с одной стороны, он призывает к борьбе за свободу (его лирический герой говорит: «Только с жизнью отдам я свободу свою, но, как раб, не склонюсь под пятою»), но, с другой стороны, отрицает всякую, в том числе и справедливую, освободительную войну.

Мир гнета и эксплуатации, лжи и клеветы Канукову враждебен. С ненавистью писал он о засилье денег, о меркантильном веке, о капиталистическом рабстве. Если раньше, в 70-х годах, в зарождении капитализма в Осетии он видел, главным образом, его прогрессивную сторону и только мельком говорил о жестокой эксплуатации сельским буржуа Бедняков, то в 90-х годах, в условиях капиталистически развитого Владивостока, он говорит уже о безжалостной эксплуатации и хищнической сущности «золотого тельца». Он видит воочию,

Как сытый голодных гнетет,
Как сильный слабейших в рабов обращает
И потом их, кровью живет.
(«На лоне покоя»)

¹ СОНИИ, литархив Канукова И., ф. 5, д. 15.

Разоблачение капиталистического мира — один из главных мотивов поэзии и ряда дальневосточных очерков Канукова. В стихотворении «Вышел я в дорогу» поэт говорит, что видел, как «богачу невинность дева продала», «как струились пот и кровь с слезою с грустного чела»; в этом мире, пишет он, «злато торжествует, демоном хохочет, под его пятою стонет там нужда».

Этот мир поэт квалифицирует как несправедливость и призывает бороться против него. «Пред злом я не смирюсь!» — гордо заявляет поэт в стихотворении «Молчи! — мне говорят». Он ненавидит злословие и глумление сытых, ему «противны все эти уроды с надменностью наглой своей». Но он не знает, как бороться против зла, чувствует свое бессилие, одиночество и падает духом.

От них убегаю порою подальше,
Когда нет терпения, сил, —

признается поэт в стихотворении «На лоне покоя». Поэт пишет, что в городе он испытал много жгучего горя, что его челн разбился о житейские волны, и он покинул город:

И ушел оттуда, одинок, без цели,
Только бы подальше даже от друзей...
(«Вышел я в дорогу»)

Кануков, как видно, непоследователен. Бегство ранее выступавшего с воинственным кличем борьбы свидетельствует о противоречивости его мировоззрения. И в самом деле, наряду с произведениями, в которых он изображает тяжелое положение трудящихся и выражает свое сочувствие им,¹ призывает их к борьбе, у него есть стихотворения, проникнутые упадочническими настроениями.

По возвращении с Дальнего Востока на Кавказ Кануков написал ряд стихотворений, которые сохра-

¹ Таких стихотворений у Канукова много: «Желание», «В страдную пору», «Возможно ль жить?», «Желтый флаг», «На бухте», «Горе Алибека», «Вышел я в дорогу» и другие.

нились, главным образом, в черновиках, в набросках. Поэт, видимо, не успел подготовить их к печати. В некоторых из них идеализируется прошлое Осетии, воспеваются алдары как храбрые рыцари, выражается сожаление о минувших временах («Кавказскому горцу»), а иные стихотворения этого периода пропитаны духом пессимизма («К музе»).

Ограниченность мировоззрения Канукова выразилась и в его понимании свободы. Выступая против рабского мира, где «струились пот и кровь с слезою», где под пятою злата стонет нужда, он жаждет свободы для народа. Но свобода в его понимании абстрактна. Он не знал и не мог указать, как можно добыть свободу и какой она должна быть.

Каким представлял Кануков будущее?

На этот вопрос поэт отвечает, правда, смутно в стихотворении «Сомнения». Поэта просят, чтобы он пел хвалебные песни, чтобы он нарисовал в заманчивых картинах счастье грядущих дней. Но певец говорит, что он тщетно озирается вокруг, не видит ту обетованную, желанную страну:

Где нет ни зависти, лести, насилия,
Нет вековой вражды,
Где есть насущного хлеба обилие,
Вопля не слышно нужды?

(«Сомнения»)

Только в своем воображении может нарисовать лирический герой Канукова такую счастливую страну, но ее в реальной действительности нет, и путь к ней ему неведом.

Противоречия в творчестве и мировоззрении И. Канукова породили в критике диаметрально противоположные мнения. Одни переоценивают значение творчества Канукова, другие же недооценивают или вовсе отрицают его значение. И те и другие без анализа основных произведений писателя, опубликованных в свое время автором, брали его черновики (незаконченные стихотворения, путевые заметки, наброски и пр.). А ведь известно, что при подготовке к печати он тщательно обрабатывал и редактировал свои произведе-

ния. Так называемые «Заметки горца», написанные в 1873 году, являются первым неопубликованным вариантом очерка «Горцы-переселенцы», изданного в 1876 году.

Стихотворение «Опять на родине» известно также в двух вариантах: первый представляет собой набросок карандашом, второй — переписанный чернилами. Вторая редакция содержит значительные изменения. В частности, выброшены нижеследующие строки:

Напрасно повсюду я взором ищу
Былых осетинов. Нигде их не видя,
Объятый тоскою, я тихо грущу...

В целом стихотворение во второй редакции переработано, его идейное звучание окрепло. Между тем, некоторые критики со странным упорством ссылаются на первоначальный черновой, содержащий пессимистические мотивы, вариант, и на нем строят свои выводы. Другие же критики вместо изучения всего творчества писателя на основе отдельных фраз, вырванных из контекста непомерно восхваляют его творчество и общественную деятельность, называют его «революционным демократом», доказывают, что его произведения «проникнуты пафосом революционной борьбы».¹ Такая оценка творчества Канукова также в корне неверна.

Кануков с большим уважением и сочувствием относится к бедным и угнетенным, независимо от их национальности. О трудящихся корейцах, страдавших под ярмом как своих феодалов, так и иностранных капиталистов, поэт писал:

Пришли к ним незваные гости с далека,
Нарушив родной их покой.
И край угнетенный все ждет одиноко,

¹ См., например, статью С. Джанаева «Писатель-патриот И. Д. Кануков» (Газета «Социалистическая Осетия», 1951, № 70). Роль И. Канукова в развитии общественной мысли осетин переоценил и автор данной работы (см. Осетинская литература, Пособие для студентов осетинского факультета СОГПИ и преподавателей осетинской литературы, Дзауджикау, 1951).

Все ждет он свой час роковой...
Они истерзались судьбою постылой, —
Клянут свои мрачные дни.

(«На бухте»)

Сочувственное отношение к угнетенному народу Кореи, интернациональные мотивы, характеризуют безусловно, с положительной стороны творчество Канукова. Но утверждение писателя С. Джанаева о том, что «такой интернационализм созвучен нашей советской эпохе», что «он граничит с самоотверженной любовью к Родине, к поработленным народам мира, вплоть до готовности жертвовать жизнью», ошибочно. Это не что иное, как попытка подвести мировоззрение Канукова под марксистское мировоззрение и тем самым идеализировать его.¹

Другая крайность в критике — это отрицание значения творчества Канукова. При этом не учитываются конкретные исторические условия, в которых жил и творил поэт, и, как ни странно, не анализируются художественные произведения. Эти критики, выбирая из черновых рукописей поэта самые неудачные, а подчас ошибочные фразы, искажая смысл его произведений, делают вывод, что в 70-х годах Кануков выступает как «либеральный алдар», что «владивостокские стихи (1893 — 1896 гг.) его свидетельствуют об известном сдвиге последнего в сторону либерального народничества», что «в поэзии Канукова отсутствует показ жизни народной»² и т. п.

Это утверждение не обосновано и неверно. Кануков был врагом капиталистического строя. Он ненавидел мир рабства и эксплуатации и как критический реалист клеймил позором всех угнетателей и эксплуататоров. Поэт искренне писал:

¹ В работе проф. М. С. Тотоева («Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период», Орджоникидзе, 1957) довольно подробно и правильно анализируется мировоззрение И. Канукова.

² См. статью «Вредная книга по осетинской литературе» (газета «Молодой большевик», 1952, № 45).

Бродил бы повсюду я с лирой,
С призывною песней своей,
Повсюду, где стон воцарился,
Где жгучие песни людей...
И верой горячей согретый, —
Страдальцев, забытых судьбой,
На жизнь вдохновлял бы я песней,
И звал бы с неправдой на бой...
(«Желание»)

Эти мотивы характеризуют Канукова как прогрессивного деятеля и писателя, хотя в его творчестве много противоречий, а мировоззрение его исторически ограничено.

* * *

В рассматриваемый период происходит интенсивный процесс экономического и культурного общения осетин и русских. Благодаря деятельности русских ученых в культуре осетинского народа наметились значительные сдвиги: на алфавите, созданном на основе русской графики, развивается письменность, положено начало научному изучению осетинского языка («Осетинская грамматика» Шегрена, «Осетинские этюды» Миллера и пр.), появились первые публикации произведений устного народного творчества («Осетинские тексты» Шифнера и другие), создаются первые словари и т. д.

В 70-х годах значительно расширился круг просветителей, зарождается новая интеллигенция, вытесняющая с общественной арены духовенство; пишутся художественные произведения, правдиво отображающие жизнь пореформенного осетинского крестьянства, а также отдельные события истории народа (очерки И. Канукова, стихи Т. Мамсурова и пр.).

Развитие осетинской культуры в эти годы подготовило почву для выступления на общественной и литературной арене великого сына осетинского народа Коста Хетагурова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИТЕРАТУРА 80 — 90-х ГОДОВ. КОСТА ХЕТАГУРОВ

Коста Леванович Хетагуров — великий поэт, прозаик и драматург, публицист и художник, революционный демократ, основоположник осетинской художественной литературы и литературного языка. Своей литературной и общественной деятельностью Коста Хетагуров ознаменовал целую эпоху не только в истории осетинской литературы, но и в истории всей культуры осетинского народа.

I

80 — 90-е годы XIX века в истории России известны как годы разгула реакции, с одной стороны, и оживления рабочего движения — с другой. 80-е годы, как пишет «Правда» в передовой статье, посвященной А. П. Чехову, — это «самые мрачные и тяжелые для нашей родины годы, когда царизм установил в стране режим свирепого террора, тупого полицейского гонения на каждую свободолобивую мысль».¹ Александр III, снискавший себе репутацию «всероссийского жандарма», преследовал всякое проявление прогрессивной мысли, прогрессивного движения в народе. Лучшие люди России томились в тюрьмах и ссылках.

Еще хуже жилось трудящимся многочисленных нерусских народностей страны, которые, испытывая двойной гнет — царизма и своей национальной буржуазии, — были совершенно бесправны и подвергались неслыханным унижениям и нечеловеческой эксплуатации. Царизм душил малейшее проявление недовольства колониальным режимом, пробуждения классового и национального самосознания.

Осетинский народ не был исключением в этом отношении. Лучшие земли находились в руках осетин-

¹ См. передовую статью газеты «Правда» от 15 июля 1954 года.

ских алдаров — феодалов, казачьей верхушки и казны. Основная часть крестьянства страдала от малоземелья и безземелья. К концу XIX века 45% осетинских крестьян (безземельных и малоземельных) владели 1,3% всего земельного фонда, тогда как алдары, составлявшие всего 0,28% общего количества хозяйств, захватили 14% всего земельного фонда. 1118 дворов (куда входили «временнопроживающие», «хехесы» и пр.) вовсе не имели земли; 3600 дворов крестьян нагорной полосы имели менее одной десятины на двор.¹

Социальные верхи, обладая большими земельными массивами, безжалостно эксплуатировали крайне нуждавшееся в земле крестьянство. Катастрофическое положение осетинского крестьянства усугублялось гнетом и произволом местных властей, непомерными налогами и всякими «мирскими» и «земскими» сборами на поддержание «мер охраны», на «неопределенные расходы» и т. п. Экономическое и культурное развитие осетинского народа тормозили и патриархально-феодалные пережитки (кровная месть, калым, поминки и т. п.).

Но, как известно, в 80-е годы усиленно развивается капитализм в России, и зарождается массовое рабочее движение. Этот общий подъем борьбы против эксплуататорских классов охватил и окраины страны. В эти годы и в Осетии усиливается классовая борьба. Крестьяне выступают против землевладельцев-алдаров. Так, например, в 1886 году несколько сот крестьян селения Христиановского вступили в вооруженную схватку с охраной леса помещиков Тугановых и вызванной сюда сотней казаков. Крестьяне изгнали охрану и казаков. Против кулаков и помещиков повсеместно стали выступать «временнопроживающие», которые подвергались не только социальному и экономическому гнету, но и различным издевательствам.

После освобождения зависимых крестьян в 1867 году, особенно после проведения Ростовско-Владикавказской железной дороги (1875 году), в Осетии усиливаются буржуазные отношения, развиваются капита-

¹ Дзокаев К. Х., Экономическое развитие осетинского крестьянства, Известия СОНИИ, т. XI, вып. I, 1948, стр. 4—13.

листические предприятия. Иностраный капитал, захватывая основные отрасли экономики в центральной России, начал проникать и в экономику Кавказа. В 90-х годах иностранные и русские капиталисты за бесценок арендовали богатые месторождения руд в Алагирском ущелье. Льежский и Брюссельский банки учредили смешанное русско-бельгийское акционерное общество «Алагир». Образовались также акционерные общества: «Терское горнопромышленное общество Булатова», общество «Вьельмонталь»; возникают и развиваются и другие промышленные предприятия. «Русский капитализм, — писал В. И. Ленин, — втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности, — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик».¹

Патриархально-феодальный гнет, под которым изнывали трудящиеся массы Осетии, был усугублен капиталистической эксплуатацией. Иностраный капитализм начал безжалостно, хищнически истреблять природные богатства края, обирать народ.

Рабочие владикавказских предприятий, Мизурской обогатительной фабрики, Алагирского серебросвинцового завода жили в невыносимых условиях. Особенно тяжело жилось шахтерам на рудниках Садона и Фаснала. К. Хетагуров с возмущением писал о положении рабочих: «...Рабочие без всякого присмотра. Нет ни сколько-нибудь сносных казарм, ни общей столовой, пища отвратительная, — продают рабочим что попало, включительно до дохлятины, нет никакой медицинской помощи, нет никакого санитарного надзора» (III, 151). Рабочие боролись против капиталистов, организовывали забастовки и стачки. Росту классового самосознания рабочих-осетин способствовали русские рабочие, которые имели не только более высокие технические навыки, но и большой опыт героической классовой борьбы.

Защищая права трудящихся, К. Хетагуров в своих статьях раскрывал хищнический характер капитализ-

¹ Ленин В. И., Соч., т. 3, стр. 521.

ма, разоблачал эксплуататоров. «Масса народа, — писал Коста, — доведена до полного нищенства, а господа Стрыжевы блаженствуют за счет несчастных, разграбляемых самыми бесчеловечными способами» (III, 149 — 150).

Царское правительство и его местная администрация отстаивали интересы капиталистов. Забастовки и стачки рабочих часто подавлялись силами полиции. Однако в 90-х годах прошлого столетия рабочее движение в Осетии, как и во всей России, росло и крепло. Стачка садонских шахтеров 1897 года, совпавшая с общим подъемом пролетарского движения в России, говорила о зрелости молодого осетинского пролетариата, о приобщении его ко всероссийскому рабочему движению.

Знаменательно, что, несмотря на колониальный режим царизма, установившийся в Осетии, в эти же 80 — 90-е годы влияние русской передовой культуры все более и более благотворно сказывалось на развитии осетинской культуры. Сеть церковноприходских школ и школ ведомства народных училищ Терской области намного увеличилась. И, несмотря на плохую постановку обучения, немало осетинских юношей и девушек обучилось в них грамоте. Развитию грамотности в Осетии много способствовало Ардонское духовное училище, открытое в 1887 году и преобразованное в 1895 году в духовную семинарию. Семинария готовила священников и учителей для осетинских церковноприходских школ. Она ставила перед собой чисто миссионерские цели, но объективно своей деятельностью помогала распространению грамотности. Из стен семинарии вышли такие видные осетинские писатели, как Арсен Коцоев, Андрей Гулуев, Нигер и другие. Многие осетины получили высшее образование в крупных городах России — Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Казани.

В 80 — 90-х годах в Осетии было уже немало своих врачей, юристов, инженеров, которые, по свидетельству Коста Хетагурова, честно работали для общегосударственной культуры и общечеловеческой пользы (III, 127).

В различных газетах, сборниках и журналах был опубликован ряд работ этнографов и публицистов, как, например, очерк Соломона Туккаева «В горах Дигории» (газета «Терские ведомости», 1889 г.), С. В. Кокиева «Калым у осетин» и «Записки о быте осетин» (Сборник материалов по этнографии, 1885 г.), А. Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа»,¹ А. Цаллагова «Селение Гизель» (газета «Терские ведомости») и др.

В 90-х годах на страницах местных газет с публицистическими статьями выступили также молодые тогда писатели Г. Цаголов и А. Коцоев.

В становлении науки в Осетии большую роль сыграли труды русского ученого, академика Всеволода Феодоровича Миллера (1848 — 1913 гг.). Изучив осетинский язык, В. Ф. Миллер собрал и обработал обширный лексический материал, записал большое количество произведений устного народного творчества, разработал вопросы осетинской грамматики в историко-сравнительном плане. Вопросам осетинского языка и письменности, истории, народного творчества В. Ф. Миллер посвятил много трудов, среди которых наиболее значительными являются его «Осетинские этюды», изданные в трех частях: I — фольклорные записи — в 1881 году; II — вопросы осетинской грамматики — в 1882 году; III — исторические исследования — в 1887 году.

Крупным вкладом в культуру Осетии был трехтомный осетино-русско-немецкий словарь, составленный В. Ф. Миллером и изданный при Советской власти Академией наук.

Не закрывая глаза на серьезные недостатки исследований Миллера (односторонняя трактовка осетинского языка в аспекте только его иранского происхождения и др.), надо сказать, что его труд имеет большую научную ценность. Один из лучших знатоков осетинского языка советский ученый В. И. Абаев признает деятельность Миллера «плодотворным этапом в изу-

¹ Брошюра была издана в Тифлисе в 1896 году под псевдонимом В.—Н.—Л.

чении осетинского языка, заложившим прочные основы для построения истории этого языка».¹

В 80 — 90-х годах в русской литературе оживляются антиреалистические течения — натурализм, декадентство. Противопоставляя реальному миру мир фантастики, декаденты проповедывали безыдейность, реакционную теорию «искусства для искусства». «Конец 80-х и начало 90-х годов можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель, — писал М. Горький. — Литература выбрала героем своим «не героя», одна из повестей того времени так и была озаглавлена: «Не герой...» Лозунг времени был оформлен такими словами: «Наше время — не время великих задач», — «не герои» красноречиво доказывали друг другу правильность этого лозунга и утешались стишками:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат!
Кто бы ты ни был — не падай душою!
Верь: настанет пора, и погибнет Ваал!»²

Это было выражение идеологии уходящих с исторической сцены классов. Русская демократическая литература развивалась в непримиримой борьбе с этой идеологией.

«Из истории русской литературы мы знаем, — говорил А. А. Жданов, — что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты и акмеисты, пытались объявлять походы против великих революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей; пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в болото безыдейности и пошлости. Все эти «модные» течения канули в лету и были сброшены в прошлое вместе с теми классами, идеологию которых они отражали... Их походы против великих представителей русской революционно-демократической литературы — Белинского, Добролю-

¹ Известия СОНИИ, т. XX, 1957, стр. 247.

² Горький М., О литературе, 1953, стр. 605.

бова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина — задумывались с большим шумом и претенциозностью и с таким же эффектом проваливались».¹

Выступив в литературе в пору разгула декадентства, К. Хетагуров примкнул к революционно-демократическому крылу русской литературы. Продолжая ее традиции, Коста боролся против декадентов и символистов, против тех, кто лишал литературу ее души — идейности, кто отрывал ее от задач борьбы за освобождение трудового народа.

II

Коста (Константин) Леванович Хетагуров родился 15 октября 1859 года в горном селении Нар, Северной Осетии. Отец Коста, Левап Елизбарович, более 30 лет прослуживший в русской армии, участник Крымской войны 1853 — 1856 годов, в составе русской армии участвовавший в заграничных походах (в Венгрии, Польше и других странах), человек малограмотный, но умный и честный, пользовался большим уважением среди горцев. Он придавал большое значение просвещению и многое сделал, чтобы дать образование своему сыну. Его стараниями Коста Хетагуров 1 ноября 1871 года был принят в Ставропольскую гимназию на казенное содержание. Здесь он проучился десять лет. В Ставрополе Коста увлекается живописью, страсть к которой у него зародилась еще в Нарской школе. Его рисунки заметно выделялись среди работ других гимназистов и часто демонстрировались на ученических выставках, а в 1877 году были отправлены в Москву на Всероссийскую выставку работ учащихся средних учебных заведений.

К ставропольскому периоду учебы Коста относятся и его первые литературные опыты, он пишет свои первые стихи на русском и осетинском языках. Кроме того, он принимает активное участие в ученических спектаклях, пишет к ним декорации, исполняет в них роли.

¹ Жданов А. А., Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 11.

Будущий поэт зачитывается произведениями классиков русской и зарубежной литературы. День ото дня расширяются его кругозор и эстетические интересы.

В гимназии Коста Хетагурову большую материальную и моральную поддержку оказывал учитель рисования В. И. Смирнов. Он же посоветовал и помог ему поехать в петербургскую Академию художеств.

Летом 1881 года Коста едет в Петербург, успешно сдает приемные экзамены и принимается в число учеников Академии художеств со стипендией из так называемых горских штрафных сумм в размере 25 рублей. Но вскоре горские штрафные суммы были растрчены одним из местных правителей, и Коста перестал получать стипендию. Материальная нужда не дала ему возможности окончить Академию. Но годы, проведенные в ней, не пропали даром. Коста часто посещал Эрмитаж, где уже тогда были собраны замечательные произведения искусства, изучал работы передвижников, знакомился с выставками картин выдающихся художников Репина, Маковского, Сурикова и других. Коста учился в Академии одновременно с такими видными художниками как Серов, Врубель, Самокиш, которые помогали товарищам развивать свое художественное дарование.

К. Хетагурову посчастливилось — его руководителем оказался П. П. Чистяков, один из самых прогрессивных педагогов Академии. От него он получил ту реалистическую закваску, которая сквозит во всех его картинах.¹

Во время пребывания в Академии художеств Коста еще глубже изучил поэтические творения Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, басни Крылова, драмы Островского, романы и повести Гоголя и Гончарова. Коста хорошо знал и любил читать на память Шекспира, Шиллера, Гете и других западноевропейских классиков. Изучая произведения русских революционных демократов, он глубоко усвоил основы

¹ См. ст. Беккера И., Коста Хетагуров в Академии художеств, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 73.

материалистической эстетики и принципы критического реализма. Все это помогло ему сформироваться и как художнику и как поэту. Революционно-демократические взгляды Коста сложились именно в эти годы. В незаконченной драматической поэме, написанной тогда же, он устами своего героя говорит, что человек «для жизни новой» скоро сбросит со своей спины «кровавый век».

Коста Хетагуров вернулся на Кавказ весной 1885 года и поселился в сел. Георгиевско-Осетинском, Кубанской области, а осенью того же года переехал во Владикавказ, где жил и работал до июня 1891 года, до первой его административной высылки из Терской области.

Коста застал трудовой народ Осетии в очень тяжелом экономическом положении, бесправным, угнетенным. В стихотворении «Взгляни!» он писал:

...более бедным, чем я,
Вернувшись, нашел я тебя,
Народ, изнуренный заботой!

Но поэт не пал духом, он развернул широкую общественную и литературную деятельность. Расцветает его талант поэта и художника. В эти годы он написал такие стихотворения и поэмы как «Додой», «Спой», «Взгляни!», «Походная песня», «Солдат», «Кубады», «Перед памятником М. Ю. Лермонтова», «На бис», «Фатима». Коста организует ряд художественных выставок как своих картин, так и картин других художников. В 1888 году он написал декорации к спектаклям «Хаджи-Мурат», «Дети капитана Гранта» и «Цыганский барон».

Выступление К. Хетагурова на открытии памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске 16 августа 1889 года произвело потрясающее впечатление. Возложив от имени осетинской молодежи венок к памятнику, он прочитал свое стихотворение, посвященное М. Ю. Лермонтову. Оно заканчивалось словами, обращенными к Кавказу:

Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..

Сохранился экземпляр программы юбилейного торжества, на оборотной стороне которой рукою Коста написано: «Великий, торжествующий гений! Подрастающее поколение моей родины приветствует тебя как друга и учителя, как путеводную звезду в новом своем движении к храму искусства, наук и просвещения».

Газета «Северный Кавказ», напечатавшая отчет о торжественном собрании, посвященном открытию памятника М. Ю. Лермонтову, отмечала: «Художник Хетагуров, напомнив собранию лермонтовского «Пророка», между прочим высказал, что пусть этот праздник послужит стимулом для нашего возрождения к лучшему, честному, доброму, пусть поэзия Лермонтова жжет наши сердца и учит нас правде».¹

Этим выступлением Коста Хетагуров еще больше обратил на себя внимание прогрессивной интеллигенции Кавказа и России, его имя стало еще более популярным. Но он обратил на себя внимание и царской администрации, и за ним устанавливается специальный надзор полиции. И когда в начале 1891 года Коста выступил во главе передовой владикавказской интеллигенции с протестом против незаконного закрытия единственной осетинской трехклассной женской школы, которая «давала неутомимых тружениц для сельских школ» (III, 50), и ему удалось отстоять эту школу, царская администрация признала его «опасным для спокойствия края» человеком. В первых числах июня К. Хетагуров высылается в административном порядке из Терской области в Кубанскую область — в Карачай.

По этому поводу Коста позже писал в одной из своих статей: «...Многие из осетин, участвовавших в протесте по поводу закрытия училища, были... подвергнуты кое-каким ограничениям. Помимо выговоров и легких арестов, один из них (учитель przygotowительного класса реального училища) был удален от должности, а другой — выслан административным порядком из пределов Терской области» (III, 60). Этим «другим» был сам Коста Хетагуров, а учителем, удален-

¹ Газета «Северный Кавказ», 1889, № 68.

ным от должности — А. И. Цаликов, с которым поэт очень дружил, примерно с 1889 года до конца своей жизни. С дочерьми А. И. Цаликова — Юлианой Александровной, Еленой Александровной и Анной Александровной — Коста вел большую дружескую переписку. С Анной Александровной связаны глубокие душевные переживания поэта, Коста посвятил ей много искренних лирических стихотворений.

В том же 1891 году Коста написал стихотворение «Соната Джусковского», в котором говорит о причине своей ссылки. Он спрашивает: «За что меня гонят?» и сам же отвечает:

За то ль, что успел я в душе благородной
Священную искру раздуть,
Что мог я заставить вздыматься свободней
Безвременно стывшую грудь?¹

Несмотря на тяжелое моральное и материальное положение, оторванность от родных и друзей, Коста Хетагуров нашел в себе силы преодолеть мрачные настроения, которые временами овладевали им.²

Около полутора лет, проведенных К. Хетагуровым в трущобах карачаевских гор, на серебряно-свинцовом руднике, оказались плодотворными в творческом отношении. Им написано несколько горных пейзажей, картины «Долина Теберды», «Природный мост», лирические стихотворения «Джук-тур», «Прощай», «Без доли», рассказ «Охота за турами» и многое другое.

В марте 1893 года Коста переехал в Ставрополь, являвшийся тогда наиболее культурным городом на Северном Кавказе. Здесь работал хороший театр, издавалась единственная на Северном Кавказе частная газета. К тому же в Ставрополе у него было много друзей.

В 1893 году Коста начал активную публицистиче-

¹ Хетагуров Коста, издание Дзасохова, Ростов-на-Дону, 1909, стр. 32.

² «Вообще все мои стихи того периода отличаются особенно мрачным тоном, — признавался Коста позже любимой девушке А. А. Цаликовой. — Смерть отца окончательно потрясла мои нервы» (К. Хетагуров, Собр. соч., т. III, стр. 301 — 302).

скую деятельность. Ставропольский период — 90-е годы — можно назвать годами подлинного расцвета его поэтического таланта.

К. Хетагуров начинает работать в редакции газеты «Северный Кавказ». Официально он состоял в должности секретаря редакции, а фактически заменял редактора. С его приходом общественное направление газеты резко изменилось, она стала более радикальной, прогрессивной. В «Северном Кавказе» в 1893 — 1897 годах и позже К. Хетагуров напечатал ряд стихотворений, сатирическую поэму «Кому живется весело», комедию «Дуня», много публицистических статей. В эти же годы им созданы лучшие его стихотворения на осетинском языке.

В 1896 году Коста добивается отмены решения начальника Терской области генерал-майора Каханова о его высылке. Однако, в виду постоянных преследований со стороны того же Каханова и других приспешников царизма, он не мог поселиться в Осетии и приезжал на родину периодически. Но связь с родным народом, с трудящимися горцами у него была крепкая и постоянная.

Слух о том, что Коста Хетагуров смело защищает интересы бедноты, проник во все уголки Осетии, и все обиженные и оскорбленные обращались к нему за советом, за помощью. Люди приезжали к своему заступнику из дальних селений с жалобами на злоупотребления властей, на взяточничество чиновников, на жестокую эксплуатацию. И Коста небезуспешно отстаивал их права. Поэт был так популярен, что народ слагал о нем песни, в которых называет его горным орлом. В одной из народных песен говорилось, что при появлении Коста «дрожь охватила алдаров Кавказа».

Постоянным местом жительства К. Хетагуров избрал г. Пятигорск, куда его тянула и любовь к Анне Цаликовой и необходимость лечения от болезни. Но и здесь он не смог укрыться от «всевидящего глаза» царской администрации. Слишком заметно было, какое возбуждающее действие оказывали на осетинский народ революционные стихи Коста, его острые публи-

цистические статьи и разящие не в бровь, а в глаз фельетоны. Начальник Терской области Каханов не мог забыть того, что Коста вывел его образ в сатирической поэме «Кому живется весело», назвав его Сенькой Людоедовым, не мог простить ему и карикатуры на себя, напечатанной в журнале «Стрекоза». Он искал подходящего повода, чтобы разделаться с весьма «опасным для спокойствия края» человеком. И вскоре такой повод нашелся.

В конце 1898 года во Владикавказе произошло столкновение группы осетин, гулявших на свадьбе, с полицией и военным патрулем, которому царская администрация придавала большое значение. Каханов донес в совет главноначальствующего, что Хетагуров распространяет среди осетин слухи о бессилии местной административной власти, подстрекает их к неповиновению, рассылает вырезки из газет, заключающие в себе пасквили на начальствующих лиц, возбуждает напор против власти. Каханов просил «во избежание преступных между осетин событий и успокоение умов местного населения» выслать Хетагурова. Коста приговаривается к ссылке на пять лет. Местом ссылки указывается Курская губерния, но после долгих хлопот поэта она заменяется г. Херсоном, куда он прибыл в конце мая 1899 года.

Возбужденное против Коста дело являлось явным произволом и самоуправством, и он стал ходатайствовать о пересмотре дела в высших инстанциях. Об отмене ссылки постоянно хлопотали и его друзья. 29 декабря 1899 года Коста получил сообщение о том, что ему разрешается жить в Терской области, «но без права проживания во Владикавказе и Владикавказском округе» (т. е. в Осетии).

Постоянно испытывая крайнюю материальную нужду, живя под неусыпным полицейским надзором, Коста в Херсоне продолжал живо интересоваться общественными и политическими вопросами, выписывал более семи газет, писал стихи (поэму «Хетаг» он начал писать в Херсоне), занимался живописью.

В марте 1900 года Коста выехал из Херсона и поселился в Пятигорске, а в 1902 году возвратился во

Владикавказ. До начала 1903 года он продолжал активную литературную и журналистскую деятельность, занятия живописью. Но постоянные лишения окончательно подорвали здоровье поэта, тяжелая болезнь — прогрессирующий паралич — приковала его к постели, и последние два-три года своей жизни он уже не был способен к труду. В начале 1904 года больного поэта перевезли в сел. Георгиевско-Осетинское, где 1 апреля 1906 года он скончался.

Передовая осетинская интеллигенция перевезла и похоронила тело любимого поэта во Владикавказе. Похороны Коста Хетагурова превратились во всенародную демонстрацию. На могиле поэта произносились речи на русском, осетинском, грузинском, армянском и других языках.

Несмотря на то, что царская администрация всячески старалась замолчать смерть великого осетинского поэта, некоторые газеты как столичные, так и провинциальные, дали сообщения о его кончине. Заслуживает внимания небольшая статья грузина Д. Боцвадзе «Памяти Коста Хетагурова», опубликованная в газете «Терек».¹ Высоко оценивая творчество Коста Хетагурова, его талант, который был способен «определить правильное биение пульса народа, боль его сердца и все это воплощать в дивные звуки поэзии», Боцвадзе писал: «Да, тяжелую утрату понесла в лице дорогого Коста не только родная Осетия, но весь Кавказ и даже Россия. Поэзия его есть служение нуждам времени и призыв к лучшей жизни».

Академик Всеволод Миллер высоко ценил творчество Коста Хетагурова. Вскоре после смерти поэта В. Миллер писал: «Даже при моем несовершенном знании языка, я вполне оценил в «Ирон фандыре» теплоту чувства, художественность выражений и красоту стиха безвременно сошедшего в могилу поэта. Многие из стихотворений Коста должны стать общенародным достоянием, если еще не стали таковыми».²

¹ Статья Д. Боцвадзе перепечатана в газете «Терские ведомости», 1906, № 82, 16 апреля.

² См. архив СОНИИ, ф. Коста Хетагурова № 117, п. 8.

Мы уже отмечали, что общественно-политические и эстетические взгляды Коста Хетагурова стали формироваться в годы учебы в петербургской Академии художеств под влиянием идей русских революционных демократов. Прав видный советский писатель Александр Фадеев, утверждавший, что Коста Хетагуров как поэт и общественный деятель «не мог бы сложиться таким, каким представляется нам сейчас, без идейной и художественной связи с лучшими людьми русского народа, с революционной демократией второй половины прошлого столетия».¹

Однако было бы неправильным думать, что Коста не был самобытным художником и общественным деятелем, что его поэзия лишена национального характера. Связь с русской литературой, с русской революционной демократией помогла ему по-настоящему осознать себя как национального поэта. Отмечая громадную роль русской культуры в формировании мировоззрения Коста Хетагурова, А. Фадеев в то же время справедливо подчеркивал, что он был истинным сыном своего народа и отражал его думы и чаяния, что творчество поэта глубоко национально.²

Литературная и общественная деятельность К. Хетагурова неразрывно связаны, прежде всего, с прошлым, настоящим и будущим осетинского народа, исторические судьбы, социально-экономическое положение и стремления которого он отразил в своем многогранном творчестве. Мировоззрение его как национального поэта формировалось в первую очередь на почве общественно-политической жизни родного народа в пореформенный период. Коста рано познал тяготы беспросветной жизни горской бедноты. Он воочию видел, как капиталисты и помещики безжалостно эксплуатировали рабочих и крестьян, как бесчинствовали цар-

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 4.

² Там же.

ская администрация и местная знать. Он видел также, как в народе зреют силы сопротивления социальному и национальному угнетению, растет дух протеста, против насилия и произвола. Народные стремления импортировали революционно-демократическим взглядам К. Хетагурова, и он стал певцом борьбы за свободу и счастье трудящихся.

Поэт не мыслил освобождения родного народа без победы освободительного движения русских народных масс. Русское освободительное движение и его идеологи — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин и другие — оказали, таким образом, громадное влияние на формирование его мировоззрения.

Служение народу — превыше всего для Коста.

Поэт готов личную свободу и счастье отдать за «шаг один, который бы народу» он «мог когда-нибудь к свободе проложить» (II, 108).

Он отвергает счастье, построенное на несчастьи простых людей. В стихотворении «Друзьям-приятелям и всем, кто надоедает мне слезоточивыми советами» он, обращаясь к своим недругам, писал:

Мне вашего счастья не нужно,—
В нем счастья народного нет...

Коста Хетагуров боролся за лучшее будущее и верил, что насилию и гнету будет положен конец, что настанет время «равенства, свободы и любви». Он понимал, что мир насилия и гнета без жестокой борьбы не уступит место новому и звал к кровопролитию во имя исторической справедливости. В стихотворении «Не упрекай меня, что я забросил лиру» Коста с восторгом возвещал, что «ночь близится к концу», что

Минуты сочтены... Повсюду бьют тревогу,
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...
(II, 45)

Цитируемое стихотворение было опубликовано в 1893 году, но идея насильственного свержения царизма К. Хетагуровым высказывалась и раньше. Еще будучи студентом Академии художеств, он устами одно-

го из героев своей незаконченной поэмы «Чердак» говорил, что

..... позорный
Безумный, кроважандый век
Страхнет с спины своей согбенной
Для жизни новой человек...¹

Коста Хетагурову ненавистен господствующий строй, угнетающий трудящихся, подавляющий все прогрессивное, лишаящий человека возможности разумно применять свои силы. Об этом свидетельствуют не только его поэтические произведения, но и его воинствующая публицистика и обширное эпистолярное наследие.

В своих статьях он писал о чудовищном произволе царской администрации, о земельном кризисе, о плохом состоянии дорог в горах, о варварском уничтожении иностранными капиталистами природных ресурсов Кавказа и т. д.

Коста бичевал осетинских «аристократов», которые добивались «каких-то титулов и владельческих княжеских поместий, чтобы их закладывать и перезакладывать, бездельничая всю жизнь, возбуждая население, угнетая и лишая всяких средств к существованию и так обездоленный народ», и называл их «злейшими врагами экономического и нравственного благополучия одноплеменного населения» (III, 183).

К. Хетагуров с возмущением говорит о предателях трудового народа. «Втираясь посредниками во всех сношениях туземцев со всеми государственными судебно-административными учреждениями, эти «отщепенцы» развили в крае мздоимство в свою пользу до ...невероятных размеров» (III, 103 — 104).

Обходя всевозможными путями жестокую царскую цензуру, К. Хетагуров боролся против колониального режима, разжигания межнациональной розни и травливания царской администрацией одних горцев на других, казаков на горцев и наоборот. Выступая против экономического, политического и национального

¹ Архив СОНИИ, К. Х. № 12, п. 2, л. 8-об.

гнета, он пропагандировал идеи национального равноправия.

Ему дороги не только интересы трудящихся крестьян, — он отстаивает и права рабочих. Разоблачая хищнический характер капиталистических компаний — «Терское акционерное общество» и «Вьельмонталь», созданных в Фаснале, — К. Хетагуров писал, что у рабочих нет «ни сколько-нибудь сносных казарм, ни общей столовой». Хозяева продают им «что попало, включительно до дохлятины; нет никакой медицинской помощи, нет никакого санитарного надзора» (III, 151).

«Помимо ремней, винтов, зубчатых и маховых колес, жерновов и т. д. есть живая человеческая сила, — писал Коста в другой статье о рабочих в городе Ставрополе. — Вот эта-то последняя... эксплуатируется самым варварским способом... Помещение завода грязное, тесное и совершенно не отвечающее необходимым для таких учреждений гигиеническим условиям». И дальше подробно описывается, как в нечеловеческих условиях, «под грохот машинных колес, в духоте и невыносимом пекле, и день и ночь подряд, мучимый жаждой и голодом» (III, 177) трудится рабочий. «Пора, — пишет Коста в той же статье, — давно пора установить какой-нибудь надзор над этими притонами мрака и кулачничества» (III, 178).

Большой интерес для выяснения общественно-политических и этических воззрений Коста Хетагурова представляют его письма. В них бьется глубокая мысль, поэт ведет откровенный разговор обо всем, что его беспрестанно волнует. А широта его интересов поразительна. Письма раскрывают его мечты и чаяния, его отношение к труду и к поэзии, к международным событиям и царской администрации, к вопросам семейной жизни, к отдельным литераторам, тем или иным общественным деятелям.

Как явствует из переписки Коста Хетагурова с друзьями, даже в херсонской ссылке, находясь под строгим полицейским надзором, он ни на минуту не переставал интересоваться политическими событиями на Кавказе, в России и за ее рубежами.

Коста пристально следил за судебным процессом

Дрейфуса, его волоновал исход дела, интересовала истина, он желал торжества правды. Поэт публикует письмо в газете «Юг» (от 21 августа 1899 года), где говорится, что газета «Одесский листок» не печатает большую часть телеграмм Российского агентства, передающих ход судебного процесса в Ренне, причем подходит тенденциозно к его освещению.

С еще большим вниманием и заинтересованностью Коста следил за освободительной борьбой буров. Из письма к Ю. А. Цаликовой от 22 ноября 1899 года и из четверостишия, озаглавленного «Вите», видно, что он явно сочувствовал южно-африканским бурам в их борьбе против английских империалистических захватчиков. Отношение К. Хетагурова к англо-бурской войне совпало с отношением к этим событиям передовых, прогрессивных людей России.

Коста никогда не утаивал своих атеистических взглядов. Монахи, ханжество и лицемерие служителей культа его бесили. В письме к А. А. Цаликовой Коста писал: «Если что портит впечатление по побережью Черного моря, то это монахи. Этот Афон по своему внутреннему содержанию такой притон фарисейства, лжи, обмана и самой наглой эксплуатации человеческого простодушия, что его, невзирая на его редкую красоту, я бы с восторгом предал пламени со всеми его монахами» (III, 410).

В переписке Коста еще откровенней, чем в статьях, высказывает свою ненависть к царской администрации. Произвол и насилие давят, мнут все живое, парализуют мысль и энергию. «Нет, дорогая Юлиана Александровна,—пишет он в одном из писем,—плетью обуха не перешибешь!.. Когда способное к деятельности и мыслящее существо посредством возмутительнейшего насилия и произвола лишается господствующими каннибалами всякой возможности применения разумных сил и энергии, то это хуже всякой пытки, тюрьмы, каторги...» (III, 454).

Поэту претит лакейское угодничанье царских прислужников. Зло, с убийственным сарказмом он писал о монархисте Г. Баеве и ему подобных лицах. «Вот такие-то господа охранители основ и устоев суще-

ствующего порядка отбивают всякую охоту к хорошему делу». «И если бы они действовали по убеждению — ну, тогда и бороться с ними не обидно, а ведь видишь каждого из них насквозь, видишь, что им руководит чисто лакейская тактика — получше прислужиться своему барину и получить лишний раз на чаек, поэтому-то противно с ними и бороться. Их надо покупать, если хочешь, чтобы они были на твоей стороне, или, выражаясь более реально: им, как всякому лакею, надо заплатить больше, чем он получает у своих господ, и они еще с большим рвением будут служить тебе и твоим идеям» (III, 430).

В письмах поэта рассыпаны высказывания о браке, положении женщины, о личном счастье. Его идеал — душевная общность, служение высокой идее, свобода чувства. А. А. Цаликовой он писал: «Горе Вам, если Вы со своей отзывчивой душой и способностями заразитесь предрассудками «мишурного света». Воспитайте до непоколебимости Вашу любовь к труду и человечеству и Вы будете «счастливейшею из смертных» (III, 282). Коста мечтал видеть личность, свободную от предрассудков, преисполненную искренней любви к человеку.

Революционно-демократическим духом пронизаны и эстетические взгляды Коста Хетагурова. В его литературном наследии нет специальных трудов по эстетике, но свое отношение к ее основным проблемам он довольно ясно изложил в публицистических статьях и письмах. Будучи последователем русских революционных демократов, он стоял на позициях материалистической эстетики.

Коста ставил перед литературой и искусством задачи большого общественного, социального значения. Для него поэзия — не пустая, бесцельная забава. «Я не играю беспечно стихом», — писал он в стихотворении «Я не поэт». Поэт отвергает такие аккорды, «где каждый звук лишь кичится красотой» («Муза, забудем мы эти аккорды»).

Поэзия — орудие борьбы за социальное преобразование общества — таково убеждение Коста. Во многих стихотворениях («Я не пророк», «Завещание»,

«Я не поэт», «Надежда», «Другу» и других) он решает вопрос о великой миссии поэта, о его долге перед обществом, заключающемся в бескорыстном служении трудовому народу.

К. Хетагуров создал образ поэта, бесстрашного борца за правду и справедливость, не боящегося «разлуки и изгнания, предсмертных мук, темницы и цепей» («Я не пророк»). Хетагуровский поэт везде открыто корит разврат, грудью встречает насилие, всем смело говорит о правде. Таков идеал поэта в понимании Коста, таким поэтом был он сам.

Признавая народность и идейность литературы основополагающими принципами, не прощая небрежного отношения к художественной форме произведения, пренебрежения вопросами мастерства, обладая тонким эстетическим вкусом, высоким чувством ответственности за каждое слово, Коста непримирим к бездарному ремесленничеству, он утверждал, что без таланта, без дарования нельзя создавать поэтические произведения. В стихотворении «Другу» Коста писал:

Невозможно творить, если нет у тебя
Силы творческой, нет дарованья...
(II, 98)

Закладывая основы осетинской литературы, он оберегал ее идейную чистоту и художественность, не делая никаких уступок ее молодости. Весьма показательна его резкая критика стихов Гаппо Баева, о котором Коста писал, что он «не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложения», что «у него в «Галабу»¹ ничего нет — ни ритма, ни даже сколько-нибудь сносного изложения на осетинском языке какой-нибудь осмысленной идеи» (III, 392). По мнению Коста, лучше еще 100 лет ничего не печатать, чем такими низкопробными стихами извращать эстетические вкусы жаждущих литературы осетин.

К. Хетагуров до глубины души был возмущен тем,

¹ «Галабу» («Бабочка») — название сборника стихов Г. Баева и других осетинских поэтов.

что тот же Баев, будучи редактором сборника «Ирон фандыр», местами выбрасывал из текстов стихотворений отдельные слова, а местами заменял их такими, которые не только не рифмуются, но и «нарушают строй, смысл и размер стиха» (III, 399).

О высокой эстетической культуре К. Хетагурова говорят его чудесные поэтические создания, его прекрасные полотна живописи, его любовь к родной природе, его деятельность по развитию театрального искусства, по организации художественных выставок. Об этом свидетельствует также его симпатия к великим русским поэтам и писателям Пушкину и Лермонтову, Грибоедову и Островскому, Тургеневу и Горькому, к гениальным русским композиторам Глинке и Чайковскому, к замечательным художникам России и Европы.

Русская литература покоряла Коста своими революционными идеями, народностью и гуманизмом. В творчестве классиков русской литературы ему были созвучны устремленность в будущее, призыв к свободе, любовь к народу.

М. Ю. Лермонтов для К. Хетагурова — предвестник желанной свободы. В стихотворении «Перед памятником М. Ю. Лермонтова» поэт, обращаясь к молодежи, писал о нем:

Вот предвестник желанной свободы!

.....
С ним научишься ты быть готовым на бой
За великое, честное дело.

(II, 23)

Коста преклонялся перед Лермонтовым и его поэзией высокого идейного звучания, могучего общественного пафоса и обличительной силы, и в стихотворении «Памяти Лермонтова» говорил:

Ты нужен был не царству бар и рабства,
А вот теперь, когда талантов нет,
Когда нас всех заело декадентство...

(II, 105)

К. Хетагуров знал и любил русскую классику, но с неменьшим вниманием следил за развитием совре-

менной русской литературы. Проф. Б. М. Городецкий, который был лично знаком с ним, в своих воспоминаниях пишет, что Коста, прочитав рассказ М. Горького «Коновалов», высоко оценил его. Городецкий приводит слова Коста, сказанные о Горьком: «Наблюдательность Горького особая: она никогда не тонет в реалистических мелочах, схватывая немногие, но зато самые основные черты. Колоритность... у Горького удивительная. Жизнь сера..., но зоркий глаз Горького окрашивает тусклость обыденщины. Он сумел найти живописную яркость там, где до него видели одну лишь бесцветную грязь, и развернул перед изумленным читателем целую галерею типов, мимо которых прежде равнодушно проходили, не подозревая, что в них столько захватывающего интереса».¹

Коста отметил своеобразие тематики М. Горького в том, что он, в отличие от многих современников создавал новые для русской и мировой литературы положительные типы.

Проф. Л. П. Семенов в своем труде о Коста Хетагурове² утверждает, что лирические стихи Коста, написанные на русском языке, близки к ранней пролетарской поэзии, к раннему творчеству М. Горького. Эта же мысль была высказана академиком И. К. Луполом в 1939 году, во время проведения юбилея 80-летия со дня рождения Коста Хетагурова.

Искренне любя трудовой народ и идя к революции, Коста не мог не приблизиться к ранней революционной пролетарской поэзии. Революционным гуманизмом проникнуты не только мотивы о подневольном труде, каковых у К. Хетагурова много, но и его обличительные стихотворения («Не упрекай меня...», «Друзьям-приятелям...» и другие).

Некоторые образы Коста по своему романтическому, непримиримо бунтарскому духу (например, образ героя поэмы «Перед судом»), созвучны образам героев

¹ Журнал «Революция и горец», 1928, № 1.

² Семенов Л. П., проф., К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре, Орджоникидзе, 1955, стр. 86.

революционно-романтических произведений М. Горького «Песнь о Соколе» и «Песнь о Буревестнике».

Вся деятельность Коста Хетагурова была направлена на борьбу за лучшее будущее, за свободную, светлую жизнь трудового народа.

Но в мировоззрении Коста Хетагурова были слабые стороны. Хотя поэт чувствовал приближение революционной бури, у него не было ясного представления о путях революционного преобразования общественной жизни.

Деятельность Коста Хетагурова относится к периоду подготовки первой русской буржуазно-демократической революции, к периоду между двумя поворотными пунктами в истории России, между 1861 и 1905 годами. «В течение этого периода, — писал В. И. Ленин, — следы крепостного права, прямые переживания его насквозь пронизали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху».¹

Этот период в условиях одной из отсталых окраин царской России, какой была Осетия, отражен в творчестве К. Хетагурова. Он выражал чувства и чаяния не рабочего класса, который только что зарождался в Осетии, а трудового крестьянства, он выражал идеи «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического освободительного движения».²

Коста Хетагуров является лучшим представителем демократической культуры осетинского народа. Его творчество воплощает революционно-демократические устремления трудящихся Осетии, демократическую идеологию, порожденную условиями жизни эксплуатируемых масс.

IV

Творческий облик К. Хетагурова многогранен. Он счастливо сочетал в себе дарования поэта и живопис-

¹ Ленин В. И., Соч., т. 26, стр. 300.

² Ленин В. И., Соч., т. 20, стр. 229 — 230.

ца, драматурга и публициста. Характеризуя его разно-
стороннюю творческую и общественную деятельность,
А. Фадеев писал, что «Коста Хетагуров является своего
рода Леонардо-да-Винчи осетинского народа».¹

Как известно, Коста писал на осетинском и русском
языках. Произведения, написанные им на русском
языке, публиковались на страницах периодической
печати, главным образом, в газетах «Северный Кав-
каз» (Ставрополь) и «Казбек» (Владикавказ). При
жизни поэта издано всего три книжки: сборник сти-
хотворений и поэм на русском языке² сборник осети-
нских стихотворений и поэм «Ирон фандыр»³ и коме-
дия «Дуня».⁴ После смерти Коста сборник «Ирон
фандыр» был переиздан дважды — в 1909 и 1911 го-
дах. Один из осетинских публицистов, Гуго Дзасохов,
близко стоявший к К. Хетагурову, собрал неопубли-
кованные и малоизвестные стихи, письма и материалы
о жизни и деятельности поэта и издал их в 1909 году.⁵

Этим кратким перечнем ограничиваются дореволю-
ционные издания произведений К. Хетагурова, если не
считать публикаций на страницах газет и журналов.
Только после Октябрьской революции обширное лите-
ратурное наследие Коста стало достоянием народа,
его книги издаются большими тиражами.

Творчество К. Хетагурова дышит единым идейным
пафосом. Сказанное в равной мере относится и к тому,
что писалось им на русском языке и к тому, что соз-
давалось на родном осетинском. Они созвучны и как
бы дополняют друг друга, образуя в целом мощный
поэтический поток. И если его произведения, составив-
шие знаменитый «Ирон фандыр», чем-либо разнятся
от стихотворений и поэм, написанных на русском язы-

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осе-
тинского поэта, М., 1942, стр. 14.

² Коста, Стихотворения, издание газеты «Северный Кав-
каз», Ставрополь, 1895.

³ Коста, Ирон фандыр, Дзауджикау, 1899.

⁴ Коста, Дуня (фантазия в четырех действиях), Влади-
кавказ, 1902.

⁵ Коста Хетагуров, Критико-биографический очерк,
стихотворения, письма и воспоминания, документы к биографии
и портреты, изд. Г. Дзасохова, Ростов-на-Дону, 1909.

ке, то только тематикой. Угол зрения, позиция художника неизменны, ибо определяются его революционно-демократическим мировоззрением.

В «Ирон фандыре», как и в других произведениях, не вошедших в эту книгу, рисуется жизнь осетинского трудового народа, его горести, беды и мечтания. В них присутствует национальный дух, все воплощено в национальной форме непреходящего обаяния. В произведениях же, написанных на русском языке, при тех же особенностях и достоинствах, наряду с собственно осетинскими темами, поэт обращается к мотивам, навеянным жизнью других народов (поэма «Фатима», комедия «Дуня»).

Кроме того, такие проблемы, как присоединение Кавказа к России, отношение к русской литературе и культуре в целом, традиции русской классики и национальная, в данном случае осетинская, литература— все эти проблемы, встававшие перед Коста, решаются им средствами поэзии именно в произведениях, написанных на русском языке.

Цикл стихотворений «Памяти А. С. Грибоедова», «Памяти М. Ю. Лермонтова», «Памяти А. Н. Островского», «Памяти П. И. Чайковского», «Памяти Я. М. Неверова» объединен общим замыслом. Речь идет не просто об оценке классиков русской литературы, а о духовной общности Коста с ними, о преемственности идейно-художественных традиций. Не случайно Коста, вслед за Белинским, называет Пушкина и Лермонтова «певцами Кавказа», «нашими знаменитыми поэтами» (III, 100). И великий русский драматург А. С. Грибоедов для него не только «дивный гений», «творец великого создания», но художник, озаривший мыслью новую всю Русь родную (II, 79).

В общности замысла не расплывается особенное, индивидуальное в облике каждого из этих знаменосцев идей свободы. Коста создает творческие портреты великих кумиров и выдающихся деятелей культуры, портреты, соответствующие характеру и направлению их деятельности. В стихотворении «Памяти А. Н. Плещеева» Коста в первую очередь подчеркивает боевой дух его поэзии, а не какие-то частности, может быть,

свойственные поэту. «Вперед без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья», — писал Плещеев в известном стихотворении, начинающемся этими словами. И Коста призывает хранить в сердцах этот завет и идти по его пути:

Мой друг, не плачь о нем безумными слезами,
Ты робость детскую пред битвой не буди!
Он не умрет для нас, пока позорно сами
Мы не сойдем с его тернистого пути.
Ему не надо слез. Лишь то святое дело,
Которому он жизнь с любовью посвятил,
Пусть не умрет в тебе, — иди под знамя смело,
Храня его завет и, не жалея сил...

(II, 49)

В образе же Я. М. Неверова¹ особо подчеркивается его прогрессивная роль в судьбах горских племен Кавказа, выразившаяся в том, что он учил любить родину по-новому и иначе понимать долг и честь, что «отважный пыл» борцов он направил по новому пути (II, 38).

Говоря об Островском, Коста призывает не проливать о нем слез, а вдохновиться его идеей, чтобы факел, зажженный им, раздуть сильнее и всюду светить им.

Отношение К. Хетагурова к русской литературе коренным образом отличается от взглядов буржуазных либералов вообще и осетинских буржуазных националистов в частности. Русскую классику Коста рассматривал как вечно живой источник прогрессивных и революционных идей, воздействующих на ход развития общества, помогающих народу в борьбе за свободу, за лучшее будущее, тогда как буржуазные либералы выхолащивали ее идейную сущность. Характерными образцами либерального фарисейства являются статьи Гаппо Баева о русских классиках.

Если для К. Хетагурова Лермонтов — предвестник желанной свободы, который учит молодежь быть го-

¹ О прогрессивной просветительской деятельности Неверова подробно говорит проф. Л. П. Семенов в своем исследовании «К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре», Орджоникидзе, 1955.

товой на бой, то Г. Баев в поэзии Лермонтова не замечает и не хочет замечать боевого духа. Он говорит о «лучезарном блеске», о «божественном огне», наполняющем строки Лермонтова. Творчество великих русских писателей для Г. Баева является средством к достижению «царства бога на земле».

Развивая традиции Пушкина, Лермонтова, Некрасова, К. Хетагуров создал образ поэта-обличителя, поэта-борца. Первый сборник его открывается стихотворением «Я не поэт», в котором говорится о миссии поэта. Настоящий поэт должен изведать горе народное. «Кто не изведал борьбы и печали, тот за других не страдает любя», — утверждает Коста. Та же мысль высказывается в стихотворении «Завещание» — первом стихотворении «Ирон фандыр». И там и здесь поэт говорит о неоплаченном им долге перед народом, скорбит о горестях и страданиях его. «Многим напевом моим неигривым я надоел, как бряцаньем цепей», — признается он. В «Завещании» Коста возвращается к этим мотивам:

...если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

(Перевод П. Панченко, I, 63)

Образ поэта неодносторонен. В стихотворении «Я не пророк» (1894 г.) поэт выступает не только обличителем, но и борцом, не убегающим в безлюдную пустыню, не боящимся клеветы и зла, а готовым встретить насилие грудью.

Хетагуровский поэт неразрывно связан с родным народом, с родиной. Мотив служения родине красной нитью проходит и в русских и в осетинских произведениях его. Стихотворение «Не верь, что я забыл родные наши горы» декларирует любовь к своему народу и родине. Поэт не намерен скрывать своих чувств, считает позорным прятать свое самое сокровенное.

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,

Но больше всех люблю, чего скрывать поэтно? —
Тебя, родной аул, и бедный наш народ.

(II, 86)

Эти мотивы звучат не только в сугубо программных или исполненных гражданского пафоса произведениях. Творчество поэта, как неоднократно отмечалось, едино по идейной насыщенности. И интимная лирика Коста органически связана с его гражданской лирикой, ибо он никогда не отделяет себя от общества, а тесно связан с ним. Хетагуровский лирический герой не чужд чувства любви в интимном смысле слова, но чувство любви к родине, патриотические чувства наполняют все его существо. Он никогда не забывает своего общественного долга борца и готов принести в жертву свою любовь ради благополучия родины.

Я не стою любви, я не смею любить, —
Меня родина ждет уже к бою, —
Коль врага ее мне не удастся сразить,
То не встретимся больше с тобою...

(II, 99)

Лирический герой К. Хетагурова — человек высокой нравственности и благородства, идейной зрелости и мужественного отношения к жизни. Зная, что миссия поэта-борца нелегка, что его ждут постоянные репрессии со стороны правящих кругов, он остается непреклонным, не отступает от своих убеждений.

Где, песню слагая,
Аккорды рыдают
И муза не служит забавой,
Там, свет проклиная,
Певца изгоняют...¹

(II, 15).

Таков свет, «толпа», но не для них настроил он лиру, не услаждать их слух собрался поэт, слагая

¹ Интересно сопоставить эту мысль с мыслью некрасовских стихов:

...Нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

песню. Им не нужна его боевая песня, но он не перестанет ее петь.

Мотив жертвенной участи поэта и гражданского долга поэта-бойца звучит во многих стихотворениях («Я смерти не боюсь», «Я не пророк» и в других), — труд поэта тяжел, но семя, посеянное им, даст хорошие всходы.

Коста воспевает труд на благо народа, судьбы трудовой интеллигенции не перестают занимать поэта.

Демократической интеллигенции суждено бороться и страдать за интересы народа, преодолевать яростное сопротивление господствующих классов. Сколько скорби и горечи в стихотворениях «За заставой», «На свежей могиле», «Чердак», «На смерть Шумафа Тутаяука» и в других! Поэт обличает общество, обрекающее на смерть лучших сынов народа. Вот поэт-труженик, потерявший последние силы и покончивший жизнь самоубийством. Он испытал произвол толпы и нищету, и муки изгнания, и тюрьмы. У него, как и у самого Коста, были «друзья», которые прельстились продажной славой и малодушно покинули его в борьбе («За заставой»). А вот поэт, который «был честен... за братство ратовал смело, всю жизнь пробивался трудом» и был отвергнут сытыми тунеядцами, осмеян, оплеван ими («На свежей могиле»). Коста бичует буржуазное общество за лицемерие и преступное равнодушие, за сытое самодовольство и презрение к труду и творчеству во имя грядущего.

Памяти известного общественного и культурного деятеля Грузии, защищавшего интересы горцев, М. З. Кипиани Коста посвятил два стихотворения «У могилы» и «На смерть М. З. Кипиани». В них он выразил чувство глубокой благодарности за то, что он, «светоч познания в саклю внося», распространял идеи дружбы между осетинами и грузинами, за благородный труд и умение гореть. Обращаясь к Кавказу, Коста писал:

Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,
Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в саклю внося?

(II, 34)

Печальная участь ждала не только художественную интеллигенцию, она висела, как Дамоклов меч, над всеми демократически настроенными людьми.

Лирический герой стихотворения «Чердак», русский юноша-студент «...склонившись над книгой, ...напрягает пытливый свой ум», но бедность и болезнь не дают ему возможности осуществить его заветные мечтания и честные стремления. Судьба этого юноши во многом напоминает судьбу одного из героев неоконченной петербургской драматической поэмы Коста «Чердак».

Справедливо замечает проф. Л. П. Семенов, что мотив судьбы русской демократической интеллигенции роднит осетинского поэта Коста со многими русскими писателями.¹

Коста сочувственно относился ко всем трудящимся, ко всем эксплуатируемым, оскорбленным и униженным, независимо от их национальности. В 1901 году он выступает в газете «Казбек» с письмом о бедственном положении украинцев-переселенцев и просит организовать для них медицинскую помощь и пожертвования деньгами, платьем, обувью и другими вещами (III, 195).

И еще одно письмо — рассказ Коста о трагедии простого человека.

Забитый, изможденный нуждой мужик служит в городе в работниках. Он получает страшную весть — умерла жена, дети остались без присмотра. Мужик торопится домой, но у него нет денег даже на проезд, и он вынужден прятаться в вагоне под скамейкой (II, 253).

Ничем не лучше судьба талантливой старухи-арфистки, которую нужда заставила ходить по дворам петь и плясать (III, 423). «И жалко ее и обидно за человека», — вырывается из груди поэта, глядящего на пляшущую и поющую старуху.

Доля горянки в условиях патриархального быта была еще тягостней и мучительней. Горе ей, если она

¹ Семенов Л. П., проф., К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре, Орджоникидзе, 1955, стр. 21.

лишилась кормильца. Голодная смерть подстерегала ее на каждом шагу. Коста создал потрясающие картины жизни горянки, жизни без просвета, без радости и счастья. По мотивам известного стихотворения «Мать сирот» (сборник «Ирон фандыр») он пишет на русском языке стихотворение «В бурю». Показу конкретной обстановки, сложившейся в бедной семье, предшествует горный зимний пейзаж. Он щемит душу, кажется все перевернулось и замерло в ауле, но не скрыться от бури, не спастись от смерти:

Буря по ущелью
Облака несет,
Вихрем и метелью
Кружится, ревет...
Снегом забивает
Щели между скал.
.....
На скале высоко
Замер и аул.
Сакли, словно гробы
Из гранитных плит,
Прячутся в сугробы...
Сон везде царит.

(II, 20)

Да оно так и есть. Смерть витает над людьми. Описав бурю в горах, поэт раскрывает двери сакли, и перед взором читателя предстают голодные дети, которые давно хотят есть и ждут, когда же сварится ужин. Но не дождавшись, засыпают.

Мать их уложила
На тахту рядком,
Бережно прикрыла
Их своим платком...

(II, 21)

Внешне кажется, все обстоит благополучно — дети уснули, и им хоть на один час стало легко «в мире светлых грез». Но каково должно быть на сердце матери, обманувшей малышей, как ей сдержать затаенные слезы? И поэт в последних двух стихах раскрывает всю ее трагедию:

Ведь она варила
Камни для детей.

(II, 22)

Те же трагические ноты звучат в стихотворении «На смерть молодой горянки». Сердечная грусть поэта вызвана тем, что

Кроме рабства, борьбы и труда,
Ни минуты отрадной свободы
Ей бы жизнь не дала никогда...

(II, 16)

А Коста хотел видеть ее равноправной, свободной от ярма патриархально-феодального гнета. Вот почему он так радовался каждому смелому шагу девушки-осетинки по пути просвещения, вот почему он так яростно отстаивал единственную в Осетии женскую школу-приют, вот почему он так часто возвращался к этой теме и посвятил ей целый ряд лирических и эпических произведений («Фатима», «Плачущая скала», комедия «Дуня», «Не спрашивай, ты не поймешь родная» и многие другие).

Коста любил кавказцев, романтически гордых и смелых, любил Кавказ с его суровой природой, высокими горами и глубокими ущельями. Он любил задумчивое молчание скал и грозный шум водопадов, бурные потоки горных рек. Эта любовь выражена и в описаниях горского быта труженика и в поэтических пейзажах.

В описаниях Коста немногословен, но его поэтические образы зримы и как бы физически ощутимы. Приведем одну картину, нарисованную им в стихотворении «Ночлег» — вечерний пригон стада и хлопоты пастухов:

Румяный луч заката
На Эльбрусе погас...
Пригнал к пещере стадо
Пастух в урочный час...
Собрались понемногу
Товарищи его...
Не видно, слава богу! —
Потерь ни у кого...
Коров уж подоили,

Загнали в баз телят...
В пещере разместили
Овец и их ягнят...

.....
Огонь уж раздувает
Проворный мальчуган...
Вот все к огню подсели.
Котел уже кипел...
Пока смеялись, пели,
И ужин подоспел...
Чурек сухой, ячменный,
Похлебка с молоком, —
Вот ужин неизменный,
Приправленный трудом.

(II, 100)

В таких описаниях, нам кажется, сказывается не только талант поэта, но и талант художника-живописца, которым в высокой степени обладал Коста.

Описания поэта предметны, под его рукой оживает природа, он как бы вдыхает в нее живую душу, наделяет ее человеческими чувствами.

Чудесная миниатюра «Утес» переливается всеми красками, наполнена живыми человеческими настроениями. Коста живо показывает, как у утеса чувства радости, обуявшие его при восходе солнца, сменяются чувством грусти при наступлении темноты. Мрачного утеса коснулись первые лучи солнца:

И утес холодный ожил, улыбнулся,
Запылал румянцем ярким, как дитя.

(II, 56.)

Вокруг утеса все засияло: и лес, и долины, и горы, залитые солнцем, реки серебрятся, утренний воздух наполняют радостные хоры. Поэт заключает первую картину стихотворения словами: «Чужды великану горе и печаль».

Но вскоре показалась туча. Ущелья сотрясаются от раскатов грома. И тогда:

Застонали скалы, повалились ели;
Под ударом бури дрогнул великан...
Ландыши помяты, камни потускнели,
Хлынули потоки из глубоких ран...
Наступила полночь, тихая, немая...

В сон невозмутимый погружен утес...
Только, по ланитам змейкою сбегая,
Падают беззвучно в бездну капли слез.

(II, 57)

Композиционная стройность, художественная выразительность, богатство выраженных в нем чувств дают право назвать это небольшое лирическое стихотворение жемчужиной осетинской пейзажной лирики.

С наименьшим поэтическим накалом, чувством и страстью написано стихотворение «Джук-тур»:

Бестрепетно, гордо стоит на утесе
Джук-тур круторогий в застывших снегах,
И, весь индеев в трескучем морозе,
Как жемчуг, горит он в багровых лучах.
Над ним лишь короной алмазной сверкает
В прозрачной лазури незблемый Шат;
У ног его в дымке Кавказ утопает,
Чернеют утесы и реки шуршат...
И луг зеленеет, и серна младая
Задумчиво смотрит в туманную даль...
И смутно на эту картину взирая,
Познал он впервые любовь и печаль...¹

(II, 39)

Здесь чувствуется романтика гор и непередаваемый колорит кавказской природы. Здесь думы и чувства человека сливаются с красотой девственных скал, вечных снегов, рождающей чувство гармонии. В. Г. Белинский писал о стихотворениях Пушкина «Туча» и «Обвал», что «несмотря на всю разницу в содержании этих пьес, обе они — живопись в поэзии».² Эти слова великого критика можно отнести и к стихотворениям Коста «Утес» и «Джук-тур».

Гамма чувств хетагуровской поэзии многокрасочна. Щедрое сердце поэта вмещало громадное богатство жизненных впечатлений, и он находил средства и формы возвращения их людям, чьи души всегда открывались его доброму пытливому взгляду. Любовная

¹ В указанном выше издании по упущению редакции в последнем стихе вместо «он» напечатано «я».

² Белинский В. Г., Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 418.

лирика Коста, как правильно отмечает один из первых исследователей его творчества А. Малинкин, отличается двумя чертами: «исключительной целомудренностью, задушевностью, светлостью любовного чувства и глубокой музыкальностью, мелодичностью стиха».¹ «Я помню все», «Опять к тебе, любимая подруга», «Я это знал», «Когда прозрачной пеленою» и другие лирические стихи поэта действительно тонки по ощущению человеческих переживаний, отличаются искренностью и теплотой.

Лирика интимных чувств соседствует в поэзии Коста с едкой, обличительной сатирой. В обличении царских чиновников, осетинских алдаров и реакционной интеллигенции Коста безжалостен и неподкупен.

Поэт пользуется всеми жанрами сатирической поэзии. Он пишет и куплеты, полные юмора, политически острые («Спою вам куплеты», «Недопетые куплеты»), стихи, дышащие гневом и ненавистью к обитателям золотых хором («Друзьям-приятелям и всем, кто надоедает мне слезоточивыми советами»), и хлесткую сатирическую поэму («Кому живется весело»), и памфлеты. Сатира для Коста — «оружия любимейшего род», хотя он великолепно знал, что за нее «здесь принято сечь» (II, 26).

Основные темы поэзии Коста — темы борьбы против социального и политического угнетения, за освобождение народа — разрабатываются и в его крупных поэтических произведениях, в поэмах «Фатима», «Перед судом» и других.

Поэма «Фатима» впервые напечатана в газете «Северный Кавказ» в 1889 году. Позже Коста переработал ее и включил в свой первый сборник, но и здесь она подверглась большим цензурным сокращениям. Действие поэмы происходит примерно в 50—70-х годах XIX века, т. е. до крестьянской реформы на Северном Кавказе и в пореформенный период. В основе ее лежит социальный конфликт — борьба двух клас-

¹ Малинкин А., Поэзия Коста Хетагурова; Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 29.

совых мировоззрений, феодальной идеологии и идеологии трудового крестьянства.

Сюжетная основа «Фатимы» такова. У старого князя Наиба были единственный сын Джамбулат и приемная дочь Фатима. Юноша и девушка полюбили друг друга. Но случилось так, что Джамбулат ушел в поход и пропал безвести. Его считали погибшим. Единственной утехой старому Наибу осталась Фатима, и он решил выдать ее замуж за князя. Но девушка отвергает сватовство знатного человека и дает согласие на брак с простым крестьянином Ибрагимом. Они живут счастливо, у них родился сын. Неожиданно возвращается из плена Джамбулат. Он предлагает Фатиме оставить Ибрагима и уйти с ним. Она с возмущением отвергает предложение князя. Тогда Джамбулат убивает Ибрагима. Фатима сходит с ума.

Носителями реакционной патриархально-феодальной идеологии в поэме являются старый Наиб и его сын Джамбулат. В начале поэмы дается картина жизни Наиба. Он богат. Кунацкая его всегда полна гостями из Чечни и Кабарды. В его доме в праздничные дни собираются юноши и девушки и ведут «танец круговой». Здесь безраздельно господствует адат. Наиб в молодости был во многом схож с Гасубом, героем поэмы Пушкина «Тазит».¹ Бывало, с ружьем за плечами он весь день бродил, «устали не зная», и в ночной темноте убивал своих кровников. Но теперь Наиб стар и не может жить по-прежнему. Его единственная радость после предполагаемой гибели Джамбулата — Фатима, и он хочет «хорошо устроить ее жизнь», выдать ее за богатого жениха. Он говорит ей:

Фатима, быстротечны лета, —
Тебе быть матерью пора...

И дальше:

¹ Джусоев Н., Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, Сталинир, 1955. В данной работе подробно и глубоко анализируется вопрос о том, что объединяет и что разнит героев поэмы «Фатима» К. Хетагурова и «Тазит» Пушкина.

Дитя, открой страдальцу душу,
Молю тебя...

(II, 120)

Наиб выглядит добрым, человеческим, проявляющим большую заботу о судьбе приемной дочери, неродного человека. Но когда Фатима ответила, что ее выбор пал на простого труженика Ибрагима, вся «гумманность» его исчезла. В небольшом диалоге Коста мастерски раскрыл феодальное нутро Наиба: исчезли без следа его «добрые» намерения, его пышная речь, остался гнев, остались грубые слова. Наиб не только «уж стар, уж сед», он ослаб и экономически и морально. Старый князь раньше не простил бы Фатиме ее отказа (возможно, что и сама Фатима не посмела бы отказать Наibu), но теперь он мог ответить ей только «упавшей на ковер слезою».

Экономическое ослабление и физическая смерть Наиба символизируют уход с исторической сцены феодального строя. К возвращению Джамбулата от владений Наиба ничего не осталась. Он застал

Полуразрушенный аул
И башню без ребра и скул..

(II, 144)

Исторически правдиво, психологически достоверно нарисован образ «потомка княжеского рода» Джамбулата. Экономические основы его «могущества» подорваны. Прошли времена предков, нет рабов, подвластных крестьян. Но он, воинствующий феодал, не желает мириться с этим. Тщетно сопротивляясь новому, он цепляется за старое, хочет возродить его, сохранить свои сословные привилегии. Не приспособленный жить в новых условиях, озлобленный Джамбулат готов совершить любое преступление. В его взглядах отразилась идеология отмирающего феодализма.

Социальное положение и психология Джамбулата устами крестьян в поэме характеризуется остро и пронизательно:

С Наибом умерла и слава
Винтовок, шашек, скакунов...
Меж тем для княжеских сынков
Не по руке еще забава:
Соха, топор и наш ремень...
Холопов нет, работать лень,
А голод, говорят, не тетка, —
И вот, как старая подметка,
Вздывая пыль, сгущая грязь,
В народе топчется и князь,
Отцов наследье проживая...
И жалок он, да и смешон!
Равняться с нами не желая, —
Ты посмотри, — чем занят он? —
С винтовкой, на коне весь год
Скитаясь по аулам дальним...
Подарки вымогает силой...

(II, 144 — 145)

Приведя этот отрывок в своей статье «Коста-публицист», Мариэтта Шагинян замечает, что дар публициста подсказал поэту Коста замечательную социальную характеристику. «Но в то же время, — пишет она далее, — поэт облек это провиденье публициста в такую образную форму, придал ему такую бессмертную чеканку, что оно действует на читателя неизмеримо сильнее и крепко остается в памяти».¹

Крестьяне осуждают Джамбулата, они опасаются, что «бедный Ибрагим с женою намыкаются с ним», что «очень скоро у них он будет на хлебах». И действительно, Джамбулат принес несчастье в счастливую семью Ибрагима. Не изменивший своей феодальной идеологии Джамбулат считает, что Фатима должна беспрекословно подчиниться его воле. Он без всякого предупреждения явился к ней темной ночью и, полагая, что она с радостью согласится бросить мужа-бедняка и уехать с ним, князем, говорит:

Сбирайся, — дорог каждый час...
Нас кони ждут...

(II, 134)

Но стоило Фатиме возмутиться и резко осудить поведение Джамбулата, как он, подобно своему отцу,

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 67.

незамедлительно обнажает свое социальное нутро. «Жена продажного холопа и мать щенка», — бросает он в лицо Фатиме грязное оскорбление.

В образе Джамбулата воплощена антинародность горской феодальной знати, ее звериная жестокость, кровожадность. И внешний блеск, и нарочито пышные фразы, и надменное отношение к крестьянам, даже к своей любимой, изобличают в Джамбулате злобного эгоиста, не разбирающегося в средствах для достижения своей цели, в нем сидит мрачный бес насилия и зла, который двигает им, определяет его поступки. Но этому бесу чужды дух лермонтовского Демона, его романтичность. Джамбулат не такой герой, каким ему хочется представить себя. Он лжет на каждом шагу, труслив и убивает Ибрагима из-за угла.

Совершенно противоположны характер и стремления Ибрагима. Свободный и честный труд — вот его идеал. В труде он ищет и находит счастье для своей семьи. Он любим женой, уважаем крестьянами. Интересно подчеркнуть, что его отношение к женщине, в данном случае к Фатиме, в корне отличается от взглядов Джамбулата. Для Ибрагима жена — товарищ и друг, он против того, чтобы Фатима, соблюдая патриархальные обычаи, обязательно сидела до поздней ночи и ждала прихода мужа.

Ибрагим — представитель трудового крестьянства пореформенного периода. В его образе запечатлены положительные черты трудящихся. Но поэт не идеализирует своего героя, не скрывает его слабостей (набожность, излишняя мягкость характера). Образ Ибрагима призван выражать идеи большого общественного содержания, и автор не акцентирует внимание на его суеверности. Однако приверженность к религиозным пережиткам сыграла в его судьбе роковую роль — он убит в тот момент, когда совершал молитву. И это, конечно, не случайность, а важный композиционный элемент произведения.

Образ Фатимы — один из наиболее завершенных, социально насыщенных образов женщин в дореволюционной осетинской литературе. Фатима — молодая красивая девушка, воспитанная в патриархально-фео-

дальной среде, — поняла, что подлинное счастье можно найти только среди людей труда, а не в обществе бездельников из высшего сословия. Ей противна праздная жизнь князей. Она знает, как жесток и силен адат, и тем не менее без боязни заявляет Наibu, что любит простого труженика Ибрагима:

Поверь, отец мой дорогой, —
В труде, облитом потом, кровью,
Согретом правдой и любовью,
Найду отраду и покой...

(II, 120)

И она обрела настоящее счастье, связав свою судьбу с Ибрагимом. Но ее идеал жизни явно противоречил взглядам представителей патриархально-феодального строя, взглядам той среды, в которой она росла и воспитывалась. Фатима призналась Джамбулату в том, что ей не легко далась свобода такого выбора. Но она смело говорит:

Но все ж я счастлива теперь...
Я не ропщу... Нарушив клятвы,
Дала я верности обет...
Кормлюсь плодом нелегкой жатвы, —
Где труд, там преступленья нет.

(II, 135)

Счастье Фатимы растоптано, ее покой нарушен княжеским последышем Джамбулатом. Убив Ибрагима, он разрушил счастливый очаг Фатимы, но не одержал победы, не сломил непокорный дух горянки, не осуществил своих злых намерений. Моральная победа осталась на стороне Фатимы. Она явилась лучом света в темном царстве патриархальной жизни горцев Кавказа.

Создавая в поэме яркие картины горской жизни и природы, Коста преследует одну цель — глубоко раскрыть характеры своих героев. Описания природы, быта, нравов, в какие бы чудесные тона они ни были окрашены, как бы колоритны и достоверны ни были, не имеют для поэта самостоятельного значения. Ему, как всегда, чужды эстетство и увлечение кавказской

экзотикой, его интересует содержание жизни, сущность событий, характеры и судьбы простых людей.

Поэт нередко прибегает к контрастным картинам, дающим ему возможность подчеркнуть враждебность реакционных сил всему живому, прекрасному, человеческому. Вот превосходная картина пробуждения природы, написанная уверенной рукой художника, владеющего словом и пером, так же, как живописец кистью.

Проснулся царственный Казбек,
Восход приветствуя румяный,
Долины быстротечных рек
Покров свой сбросили туманный...
Лениво выползают горы
Из облаков... проснулся лес,
И птиц восторженные хоры
Благословляют ширь небес...
(II, 138 — 139)

Но в мире нет вечного покоя; окружающее радует и волнует душу, но не благоуханье природы сопутствует счастью, и доверяться ему рискованно.

За Шайтан-горою в кустах, «меж грудами камней, ползет тропинка, словно змей». По ней спускается в аул запоздалый путник или усталый охотник, а по утрам с трудом взбирается отягощенный жизненными заботами дровосек. А вот сейчас, когда «все живое свой привет шлет солнцу», по ней взбирался Джамбулат. За плечом молодого князя

Ружье с насечкой золотою...
За пояс воткнут пистолет;
Кинжал оправой дорогою
Играет с солнечным лучом...
Башлык болтается небрежно...
Тревога тайная во всем!
(II, 140)

И эта тайная тревога привносится в жизнь Джамбулатом. Его появление всегда омрачает и нарушает спокойствие людей, оно приносит им непредвиденные горькие заботы и несчастье. Так было, когда Джамбулат впервые появился среди черкесов, отдохавших после дневных трудов в ночной прохладе у костра.

Своим появлением в доме Ибрагима он также вызвал смятение, тревогу Фатимы. Ничто, казалось бы, не могло потревожить счастливую семью: молодая мать играет со своим сынишкой возле сакли, мальчуган шалит, хохочет, он хочет убежать, мать проворно подымает его, целует. Но материнское счастье омрачается появлением Джамбулата, который подкрался к дому, «как ночью малодушный вор». Следующий приход Джамбулата вносит в душу Фатимы еще большую тревогу. Эта тревога вполне оправдана — вслед за ним произошло убийство ее мужа князем.

Так же тонок Коста во всех описаниях, во всех диалогах, в психологическом рисунке характеров всех персонажей, в том числе и Фатимы. Ее образ в осетинской литературе — первый образ женщины, которая осознала реакционный, антинародный характер патриархально-феодальной идеологии и отказалась от нее.

В поэме «Фатима» не показана активная борьба трудящихся против угнетения и порабощения. Трудовые крестьяне не являются в ней активной общественной силой, с высоко развитым классовым самосознанием. Они могут только одобрять хорошее и осуждать плохое, в борьбу же за изменение строя жизни они не вступают. Крестьяне в поэме лишь морально поддерживают Фатиму, действенной помощи от них Ибрагим и Фатима не получают. Против социального гнета, против феодальных устоев и патриархальных адатов трудящиеся более активно выступят позже, в поэмах «Перед судом», «Плачущая скала» и во многих других произведениях Коста.

Однако это не умаляет значения поэмы «Фатима», которая будила свободолюбивые чувства в народе, наполняла сердца трудящихся ненавистью к эксплуататорскому строю и его защитникам.

Сюжет другой поэмы Коста Хетагурова «Перед судом»¹ несложен. Герой поэмы Эски предстает перед судом и рассказывает свою печальную биографию.

¹ Впервые опубликована в газете «Северный Кавказ» в 1893 году, потом, с цензурными сокращениями, — в сборнике стихотворений в 1895 году.

Жизненный путь Эски-разбойника во многом схож с участью Кубады, героя одноименного стихотворения Коста, и Ибрагима (поэма «Фатима»). Он не знает, кому обязан своим рождением. В лохмотьях, грязный и босой, Эски рос на княжеских задворках, «выл по ночам голодным волком, и петухом кричал с зарей...» (II, 200).

В детстве он не знал радости («худой, тшедушный и плюгавый, — меня при встрече каждый бил...»), ни от кого не помнит ласкового слова, все звали его рабом, холопом. Эски подрос и стал пастухом. Проводя время на лоне природы, он полюбил жизнь, свободу. Лучше него никто не мог танцевать и распевать песни. Юноши аула стали принимать его как гостя, охотно угощали, и он почувствовал себя человеком. Черкешенки любили танцевать с ним, таким ловким и искусным, скромным и добрым.

Холопа нет, раба не стало. —
Я был пастух, но «человек»
(II, 203)

Случилось так, что Эски влюбился в княжескую дочь Залину, и она ответила ему взаимностью. Однако им не суждено было быть счастливыми, слишком сильны, всемогущи сословные пережитки. Залину выдали замуж за знатного и богатого жениха. Эски не смог сдержать вспыхнувшего в нем гнева и убил соперника. С тех пор он становится разбойником и вот теперь предстает перед судом.

Какова проблематика поэмы? На этот вопрос литературоведы и критики отвечают по-разному. Одни считают, что в произведении решается проблема абречества, и в этой связи ведут разговор о том, как относится автор к своему герою, — положительно или отрицательно. Н. Джусоев пишет, например, что отношение Коста Хетагурова «к герою поэмы «Перед судом» сложно и, в конечном счете, отрицательно».¹

Нам думается, что это заключение неправильно.

¹ Джусоев Н., Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, Сталинир, 1955, стр. 171.

Оно не обосновано, во-первых, потому, что ничем не доказано отрицательное отношение автора к герою поэмы, и, во-вторых, вопрос об абречестве или разбойничестве не является главным в произведении. Протест против социального угнетения и неравенства, обличение патриархально-феодалных отношений, насилия над человеком — вот основная идея поэмы «Перед судом».

В самом деле, кто виноват в том, что Эски стал разбойником? Феодалное общество, которое угнетает человека, попирает его права, унижает его человеческое достоинство. Эски подвержен жестокому гнету патриархально-феодалного общества. Его терпению пришел конец, когда он узнал, что «тихую и скромную Залину» против ее воли выдали замуж за другого. Он убивает жениха Залины и поневоле становится разбойником. Он мстит феодалному обществу за то, что оно угнетало и унижало его, за то, что оно не считалось с его большим чувством и исковеркало ему жизнь. Возмущенный социальной несправедливостью, Эски готов бороться и умереть за свои человеческие права и свободу. Но ему неведомы другие формы борьбы с феодалным строем, кроме тех, в которых проявляется его протест в данном случае. Это не вина героя, а его беда, ибо его мироощущение ограничено, что обусловлено эпохой, в которую он живет.

Эски и Джамбулат — это совершенно разные люди, разные характеры. Эски вынужден стать разбойником потому, что не выносит феодалного гнета, желает бороться за свои человеческие права, а другие, более осознанные формы борьбы, как отмечалось, ему недоступны. Джамбулат становится убийцей из корыстных эгоистических побуждений, потому, что считает Ибрагима рабом, а себя человеком, которому якобы самим богом положено главенствовать над ним. Джамбулат не примирился с тем, что лишается сословных привилегий, а Эски не мог более выносить своего рабского положения. Это образное воплощение двух различных социальных явлений, обусловленных одним и тем же процессом разложения патриархально-феодалного общества.

Коста создал образ романтически возвышенного, храброго молодого человека, который «открыто выступил на бой с адатом родины суровой» (II, 204). Эски по природе мягок, он в душе даже поэт, способный слышать и понимать язык природы. Он говорит:

Я понял птицы щебетанье,
Невнятный шёпот, шум лесов,
Я чутко отвечал на зов
Орла, парящего в лазури,
Я понимал стенанье бури
И ветра заунывный вой...
Не мало зарождали дум
Во мне красоты мирозданья, —
Потока горное журчанье
И грозный водопада шум
Ласкали часто на свободе
Таковыми песнями мой слух,
Каких не знал никто в народе, —
Их пел, их ведал лишь пастух.
(II, 202)

Эски, чутким сердцем постигший «птицы щебетанье, невнятной шёпот, шум лесов», понимавший «стенанье бури и ветра заунывный вой», так же, как и Кубады, прошедший свое детство на лоне природы, один из любимых героев Коста Хетагурова. Они — сыновья трудового народа. Это о них с такой искренней любовью писал Коста в своем этнографическом очерке «Особа», заметив, что 11 — 12-летние крошки, уходя с раннего утра за своим стадом в горы, «не могли, конечно, в этом постоянном одиночестве и созерцании величия и красоты окружающей природы избежать могучих чар поэзии: немногосложные, но полные неизъяснимой прелести переливы звонкого детского голоса далеко разносятся по чистому упойтельному воздуху, пробуждая далеко эхо и теряясь в тысячеголосом шуме водопада» (III, 234).

Да, Эски-мальчик — один из тех, которые не избежали «могучих чар поэзии», и он вправе говорить, что его слух ласкали такие песни, каких «не знал никто в народе». Будучи душевным, человеколюбивым, он требовал и к себе гуманного отношения, претендовал на равенство и счастье. Его речь перед судом —

это протест против существовавших в то время порядков. Он говорит:

Я полюбил весь мир, весь свет
И дерзко требовал в ответ
Себе какой-то жизни новой —
Свободы, равенства и счастья...
Я дерзко требовал у всех
Любви и братского участия,
А встретил ненависть и смех.
(II, 204)

В основе поэмы «Перед судом» лежит конфликт между личностью, жаждущей свободы и счастья, и феодально-патриархальной средой, узурпировавшей права простого человека. Эски, с его бунтарским характером, свободолюбивым сердцем не может согласиться с тем, что его лишают элементарных прав и низводят до положения раба. Он восстал против феодального гнета, и этот стихийный порыв одиночки характеризует его с положительной стороны.

Характер героини поэмы Залины едва намечен. Но тем не менее Коста и в этой поэме верен своим демократическим убеждениям. Молодая горянка в его изображении отличается не только внешней красотой, но и добротой, скромностью, и, главное, прогрессивностью настроений. Залина свободна от патриархальных предрассудков. Будучи княжной, она полюбила Эски, бедного, безродного юношу. Адаты тяготят и над ней, Залина не в силах противостоять им, и ее против воли выдают за человека, с которым она не нашла счастья. Сочувственное отношение к судьбе женщины-горянки, призыв к эмансипации ее характерен для творчества Коста Хетагурова, поэта-гуманиста, борника прав человеческих.

По мотивам исторических преданий и легенд Коста писал поэмы «Плачущая скала» (на русском языке) и «Хетаг» (на осетинском языке), но они остались незаконченными.

Поэма «Плачущая скала» — не историческое в собственном смысле слова произведение. Но в ней нашли отражение некоторые исторические события, действие происходит в более или менее определенных

исторических рамках. В поэме ясно видно отношение К. Хетагурова к историческому факту присоединения Осетии к России. Историю Осетии поэт как бы делит на два периода: на новый и на древний, «когда Кавказ во мраке утопал». Гранью между этими периодами Коста считает время присоединения Осетии к России во второй половине XVIII века. Старую Осетию Коста рисует в мрачных тонах, как историческое время, «когда судьбу людей решали порыв, каприз и произвол» (II, 207).

Коста-реалист в соответствии с исторической правдой описывает мирную, но суровую жизнь осетинского аула:

Как гнезда, по крутым карнизам
Необитаемых руин, —
Рядами на утесе сизом
Лепились сакли осетин.
Открытый для грозы и бури,
Аул на небо не роптал.
Казбек незыблемый в лазури
Над ним алмазами сверкал.

(II, 207)

Здесь ощущается яркий национальный колорит в описании картин природы. Еще в большей мере он чувствуется в показе людей, что характеризует глубокое своеобразие реализма творчества Коста.

До аула дошла весть о том, что враг наступает из-за Кубани и рвется к Дарьялу. Как встретить врага? Этот вопрос был предметом обсуждения двенадцати почетных стариков в течение двенадцати дней. «Лишь с тринадцатым заходом» они пришли к решению, что «лучше умереть народом свободным, чем кровавым потом рабами деспоту служить» (II, 210).

Люди возводят боевую башню, чтобы загородить противнику вход в ущелье. Башня построена, но на другое утро исчезает без следа. Горцы в смятении. Двенадцать стариков опять в течение двенадцати дней обсуждают это бедствие и приходят к такому заключению, что

...чем под ясным небосводом
Быть богом проклятым народом,
Так лучше умереть, не жить.

(II, 212)

Как явствует из черновых набросков Коста, сюжетная канва поэмы далее развивается по такой линии: двенадцать старейших решили обратиться за советом к «ясновидящему» Мами. Тот ответил, что бог требует от них человеческой жертвы, и если они не принесут ее, все погибнут. Жестокий «ясновидец», ослепив верующих, бросил в костер маленького мальчика. Обезумевшая от горя мать ребенка вслед за сыном бросилась в огонь и сгорела. Люди, проникнутые жалостью к ребенку и матери, возмущенные дикостью Мами, растерзали его. Жители аула покинули место, где совершилось это злодеяние, и ушли вглубь ущелья.

Основная идея поэмы — идея защиты родины от чужеземцев, в ней показана любовь народа к свободе и независимости. Причем, события отнесены к периоду, предшествовавшему присоединению Осетии к России, примерно к XIV веку.

Такая верная, на наш взгляд, оценка поэме дается в статье А. Малинкина «Поэзия Коста Хетагурова»,¹ в предисловии проф. Л. П. Семенова ко второму тому произведений К. Хетагурова² и в предисловии Т. Епхиева к московскому изданию сочинений К. Хетагурова в трех томах. Однако некоторые литературоведы по иному истолковывают идейное содержание произведения. В статье «О превратном толковании поэмы Коста Хетагурова «Плачущая скала» Нафи Джусоев³, справедливо указывая на то, что Коста Хетагуров в своей поэме имеет в виду два периода — до и после присоединения Осетии к России, — в то же время высказывает предположение, что враг, который «поставил за Кубанью ногу и силится пробить дорогу к Дарьялу», — это русские войска. Н. Джусоев утверждает, что «в поэме речь идет о русских войсках, пробивавших себе дорогу к Дарьялу».

Этот вывод исследователя нам представляется необоснованным.

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 17.

² Коста Хетагуров, Дзауджикау, т. II, 1951, стр. 11.

³ Газета «Молодой большевик», 1952, № 73.

В поэме «Плачущая скала» и намека нет на русские войска. Враг, о котором говорится в ней, показан очень жестоким, от него «пощады побежденным нет». Кто же эти насильники и когда, в какое время могли произойти события, описываемые в поэме? Известно, во-первых, что русские войска в Дарьяле ранее XVIII века не могли быть, и, во-вторых, против них осетины башен никогда не воздвигали. Установлено, что имеющиеся на территории Северной Осетии боевые башни сооружены на несколько веков раньше.

Поэму «Плачущая скала» Коста начал писать в херсонской ссылке.¹ Там же зародился новый замысел, и он приступил к работе над поэмой «Хетаг», в основу которой положена осетинская легенда о Хетаге. Отважный юноша Хетаг, сын черкесского князя, отличившийся в бою против чужеземных поработителей, с соратниками возвращается в родной аул и с ликованием встречен народом. Друг его отца — старый князь Сослан — предлагает ему в жены свою любимую дочь — красавицу Чабахан. Юноша и девушка любят друг друга, но выясняется, что Хетаг когда-то учился у грека-инока и, начитавшись православных книг, принял христианство. На этой почве возникает конфликт Хетага с родными, исповедывавшими магометанскую религию, и он вынужден бежать в Осетию и поселиться в Нарском ущелье. Дальше, как видно из черновых набросков Коста Хетагурова, должно было следовать описание подвигов Хетага. Слух о его ратных подвигах доходит до грузинского царя, и между ними завязываются дружеские отношения. Хетаг помогает своему грузинскому другу в войне против персов.

Таков сюжет поэмы «Хетаг». В какую эпоху происходили события, описываемые в поэме? Чьи войска угрожали поработением родине Хетага? Нет ли чего-либо общего между врагом, который «поставил за Кубанью ногу и силится пробить дорогу к Дарьялу» (поэма «Плачущая скала»), и войсками, разгромленными Хетагом?

¹ См. работу А. Малинкина «Поэзия Коста Хетагурова»; Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 37.

Вопрос о том, к какой эпохе отнести описанные в поэме «Хетаг» события, вызывал у самого Коста сомнения. В одних рукописях он говорит о Чингис-хане, в других — о Мамае. Ясно одно: и тот и другой завоеватель вторгались на территорию Кавказа в отдаленные времена. Поэтому войска, которые стремились, как говорится в поэме, к Дарьялу, не могли быть русскими. Как в «Плачущей скале», так и в «Хетаге» враг, у которого «пощады к побежденным нет», который несет народам рабство, действует на берегах реки Кубань. В поэме «Хетаг» мы читаем:

От самой Кубани до берегов Черного моря
Гонят казаги¹ войско Мамае...
От крови покраснели воды Кубани,
Трупы в ней островками сгрудились...
(Подстрочный перевод)

В поэме «Плачущая скала» враг свой поход начинает также с берегов Кубани. Совершенно очевидно, что Коста в обоих произведениях имеет в виду одного и того же чужеземного врага — Чингис-хана или Мамае. Утверждение о том, что в «Плачущей скале» речь идет о русских войсках, не имеет почвы под собой. И тем более нет оснований связывать события, о которых рассказано в поэме «Плачущая скала», с реакционным восстанием тагаурских алдаров в 1830 — 1832 гг. События, которые отражены в поэмах, относятся примерно к XIV веку.

Правда, в поэме «Плачущая скала» имеют место некоторые неточности, которые могли ввести иных исследователей в заблуждение. Таковы, скажем, упоминания о чугунной картечи и бомбах, состоявших на вооружении врага, или о дани, которую взимали осетины (надо понимать — алдары — Х. А.) от караванов и пр. Но надо иметь в виду, что поэма не закончена поэтом. И не то важно, какой враг «поставил за Кубанью ногу и силится пробить дорогу к Дарьялу». Важно другое — то, что народ всегда был готов к за-

¹ Казаги — кабардинцы.

щите своей свободы. Поэт с гордостью писал, что «здесь каждый грудью встретит грудь», что каждый покажет,

Как честь страны, свободу края
Ценить умеет осетин!
(II, 211)

Полуисторические, полулегендарные события далекого прошлого служили поэту фоном для показа исторических судеб народа и его свободолюбия. Убежденный революционер-демократ, Коста Хетагуров видел в историческом пути родного народа путь борьбы за освобождение и рисовал былое в свете грядущих перспектив, грядущей освободительной борьбы. Безымянные персонажи поэмы — двенадцать стариков — завещали соплеменникам святую заповедь:

Что лучше умереть народом
Свободным, чем кровавым потом
Рабами деспоту служить.
(II, 210)

Коста правдиво показывает в своей поэме тяжелую жизнь горцев, разоблачает таких «ясновидящих», как Маами, которые, пользуясь темнотой и невежеством народа, чинили преступные злодеяния.

Именно поэтому поэма идейно связана, неотделима от всего творчества Коста, поэтому в ней нашли отражение прогрессивные, революционно-демократические взгляды поэта.

Одним из наиболее значительных поэтических произведений К. Хетагурова является сатирическая поэма «Кому живется весело». Она впервые опубликована в 1893 — 1894 годах в нескольких номерах газеты «Северный Кавказ». Текст поэмы был искажен цензурой, а ее окончание вообще опущено. Это произведение целиком исключено цензурой и из первого ставропольского сборника произведений Коста. Не случайно редакция газеты «Северный Кавказ» в номере 102 за 1895 год сообщала своим читателям: «При этом номере годовым подписчикам нашего издания рассылается сборник стихотворений Коста. К сожалению, по не-

зависящим от нас причинам, сборник не мог выйти в том объеме, составе и к тому времени, как предполагалось».

Анализ поэмы затруднен тем, что до сих пор автограф ее не найден. В подзаголовке поэмы написано: «Подражание Н. А. Некрасову». И действительно, в ней много некрасовского, что чувствуется в острой сатирической форме произведения, в ее проблематике и, наконец, в позиции автора. Начальные две строки Коста заимствовал из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай...

Дальше у Н. А. Некрасова говорится: «...на столбовой дороженьке сошлись семь мужиков», а у К. Хетагурова — «на городском бульварчике сошлись под вечерок»

Семь выгнанных чиновников,
Отчисленных начальников,
Правителей, грабителей
Народной нищеты...

(II, 158)

Разумеется, нет ничего общего в сюжете и композиции произведений, в основном замысле Коста и Н. А. Некрасова. Но общим в поэмах, кроме формы стиха и некоторых других деталей, является ненависть великих поэтов к эксплуататорам, «правителям — грабителям», к помещикам, чиновникам, ко всем тунеядцам и сочувствие и любовь к трудовому народу.

Сюжет поэмы Коста таков. Семь выгнанных чиновников собрались «на городском бульварчике» под развесистой липой и разговорились. К ним подошел «старик в холщовом кителе, в ботфортах перепоясанных, в фуражке боевой», «с сучковатой палкой в мозолистой руке». Этот-то старик и разоблачает поочередно темные дела и проделки собравшихся на бульварчике чиновников.

В поэме «Кому живется весело» зло бичуется колонизаторская политика царизма, изобличаются цар-

ские правители на Кавказе, взяточники, бюрократы и самодуры. Продолжая традиции русских революционных демократов-сатириков, в частности, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Коста создал ставшие нарицательными отрицательные типы Хапанцева, Подлизова, Зуботычева, Лизоблюдова, Людоедова и других. Смело критикуя пороки тогдашнего общества, поэт нашел для каждого из них характерные штрихи, черты, которые современникам не трудно было заметить в окружающих их людях из общества власть имущих.

Поэма «Кому живется весело» имеет несколько абстрактный, можно сказать даже сказочный характер, однако это не мешает легко увидеть факты, события жизни горцев Северного Кавказа конца XIX столетия. Достаточно напомнить, что прототипами персонажей поэмы послужили многие чиновники царской администрации, современники К. Хетагурова. Голубятников — это начальник Владикавказского округа полковник Голубов; Кузьма Подлизов — протоиерей Ардонской духовной семинарии Токаев, Зуботычев — атаман Баталпащинского отдела Кубанской области Братков, Максим Лизоблюдов — редактор газеты «Терские Ведомости» Максимов и т. д.

Политическая острота, связь с жизнью, искусство Коста сатирика проявились в этой поэме с исключительной силой. Публикация произведения вызвала бурю гнева, яростные нападки на поэта со стороны пойманных с поличным преступников, что лишний раз подтверждает меткость и жизненность наблюдений Коста, верность его традициям народности и боевому призванию поэзии. В поэме по существу изображаются реальные личности, реальные события. Наряду с царскими чиновниками, Коста едко бичует представителей местной интеллигенции, предавших народ, ставших «внутренними врагами». Поэма «Кому живется весело» — лучшее сатирическое произведение осетинской дореволюционной литературы.

V

В 1880 — 1890-х годах в Осетии еще не было периодической печати на родном языке. Тяжелые цензурные

условия сковывали энтузиастов печатного дела, публикация книг с гражданскими мотивами была невозможна, непреодолимые препятствия подстерегали тех, кто решался на смелый шаг. Не приходится удивляться тому, что вокруг рукописи сборника осетинских стихотворений Коста Хетагурова «Ирон фандыр» («Осетинская лира») развернулась острая и длительная борьба. Несмотря на то, что редактор книги Гаппо Бавев, пользуясь отсутствием Коста, постарался удалить из нее стихотворения с ярко выраженным революционным содержанием (им были опущены такие стихотворения, как «Додой», «Солдат», «Тревога», а в процессе «редактирования» сглажены острые углы в других стихотворениях), а цензор Христофор Джигоев со своей стороны постарался смягчить бунтарский дух ее, сняв стихотворение «Спой!». «Ирон фандыр» вызвал беспокойство и тревогу в административных кругах Кавказа. Из штаба Кавказского военного округа на имя председателя Кавказского цензурного комитета поступило письмо, в котором указывалось, что сборник содержит стихотворения «крайне возмутительного и противоправительственного содержания». Имелись в виду такие «неблагонамеренные» стихотворения, как «Солдат» и «Шинель».¹ На сборник наложили арест. Книгу издали только после второй тщательной цензурной проверки, когда были изъяты многие стихотворения Коста, обеспокоившие правящие круги.

Выход книги не порадовал поэта. Глубоко возмущенный изданием своего первого сборника на осетинском языке в страшно искаженном виде, он готов был сжечь его. Произвол цензуры и чиновничьей администрации поистине ни с чем не сравним. Но им не удалось вытравить воинствующий дух поэзии Коста, ее идейность и народность. Никакие цензурные рогатки не могли заглушить революционного пафоса творчества Коста, достигшего наивысшего уровня в произведениях, составивших сборник «Ирон фандыр». Они выражали заветные думы и чаяния осетинского народа и быстро нашли путь к сердцам трудящихся. Даже

¹ СОНИИ, архив К. Хетагурова, д. 29/183.

такие стихотворения, как «Додой», «Солдат», «Тревога», «Спой!», «Походная песня», «Прислужник» и другие, не включенные в первое издание «Ирон фандыра», получили широкое распространение среди горцев. Стихотворения Коста еще до появления в печати становились достоянием трудящихся, заучивались беднотой наизусть, распевались как народные песни.

Значение «Ирон фандыра» и для творчества Коста, и для истории осетинской литературы в целом огромно. Именно произведениями, вошедшими в эту бессмертную книгу, поэт заложил прочную основу осетинской художественной литературы.

Трудно переоценить роль произведений Коста, написанных на русском языке. Они обогащают его творчество новыми мотивами и образами, полнее раскрывают мировоззрение, идейный облик поэта. Невозможно представить К. Хетагурова и осетинскую литературу без того, что создано им на русском языке. И когда нами подчеркивается основополагающее значение «Ирон фандыра», мы отмечаем его историческую роль, как начала осетинской художественной литературы.¹

В своей книге «Ирон фандыр» Коста с беспримерной реалистической силой отобразил жизнь осетинской бедноты со всеми ее бедами и крохотными радостями. Картины быта, живописные пейзажи, национальный колорит в описании ситуаций и обстановки, в которой живут и действуют простые горцы в произведениях поэта обуславливают реалистичность образов и типов

¹ Небезынтересно указать на то, что выход «Ирон фандыра» был встречен с радостью не только передовыми представителями осетинского народа, но и прогрессивными деятелями других народов. В июне 1899 года в издаваемой классиком грузинской литературы И. Чавчавадзе газете «Ивериа» (№ 136) была напечатана статья видного ученого, историка грузинской литературы проф. А. С. Хаханашвили «Движение к просвещению в Осетии». В статье говорилось о культурно-просветительной работе, проводившейся в Осетии. Автор упомянул и об издании «Ирон фандыра» и дал ему положительную оценку. В первой части сборника, говорится в рецензии, помещены стихотворения, проникнутые эгегическим и патриотическим чувством. Прекрасными стихотворениями автор статьи считает «Сердце бедняка», «А-лал-лай», «У могилы». Это была первая рецензия на сборник «Ирон фандыр».

«Ирон фандыра», воплощающих характерные черты трудового народа, а также его врагов.

Поэзия Коста оригинальна и своеобразна. Тематика поэзии, изображаемые картины жизни, бытовые детали, средства изображения, — буквально все надделено чертами осетинского устного народного творчества, особенности повседневной жизненной и творческой практики народа сохраняются в большом и малом. Дух народный ощущается в пафосе всего творчества Коста и в каждом конкретном проявлении его творческого вдохновения. Поэт, когда трудится над тем или другим произведением, отбирает такие характерные картины и явления, которые близки народу, в той или другой степени отражают его вековые мечты.

Коста лаконичен. Это не скупость и не плохое знание жизни. Нет. Это умение выразить в образах, картинах, описаниях ярко, зримо, ощутимо сущность изображаемого, а оно всегда весомо, содержательно и продиктовано умом и сердцем человека, много испытывавшего и видевшего и никогда не бывавшего равнодушным.

Большой силы достигает Коста в показе тяжелой жизни матери-вдовы («Мать сирот») благодаря предметности изображения. В стихотворении поэт поначалу отдельными яркими штрихами рисует зимний пейзаж в горах:

Коченеет ворон...
Страшен бури вой...
Спит на круче черной
Нар, аул глухой.

(Перевод Б. Ирнина)

Картины жуткие, но сами по себе еще мало выразительные. И поэт не ограничивается ими. Он вводит читателя в горскую саклю. В ней еще не спят, светит огонек. Но почему люди бодрствуют? Чем живет эта семья? Переходя от кажущегося спокойным повествования к ярко эмоциональным, исполненным конкретным жизненным содержанием описаниям, поэт раскрывает весь «секрет», все то, чему предшествуют эти картины.

На краю аула
В брошенном хлеву
Нищета согнула
Горькую вдову.
Горе истерзало, —
Где уж тут до сна?
Над огнем устало
Возится она.
На полу холодном —
Кто в тряпье, кто так —
Пять сирот голодных
Смотрят на очаг.

(I, 127)

Голодные сироты сидят у очага и ждут пищи, просят поесть. Но чем накормить их, когда в доме ничего нет? В надежде на то, что детей одолеет сон, мать говорит им, что варит бобы — «а сама варила камни для ребят».

Стихотворение написано так проникновенно, что читатель ясно видит, как от жалости к детям у матери «капают по капле слезы в котелок».

Мытарства матерей-вдов хорошо знакомы горской бедноте. Горцы и горянки каждодневно испытывали их. Однако Коста воссоздал их с такой взволнованностью и изобразительной силой, что невозможно читать стихотворение без глубокого душевного волнения и искреннего сочувствия матери сирот. Поэт часто прибегает к народным пословицам («Холода и голода даже волк боится», «Голод нетерпелив, больше одного раза его не обманешь» и др.). Этим он как бы сближает описываемое с переживаниями читателя, с его конкретным жизненным опытом и сильнее воздействует на его разум и сердце.

«Мать сирот» — не единственное произведение Коста, в котором правдиво показано общественное и экономическое положение трудящихся. Все творчество его дышит революционно-демократическим пафосом, во всех своих произведениях он создает конкретные образы бедных горцев и картины их жизни.

Лирическим героям Коста трудно живется, но они далеки от уныния и пессимизма, полны решимости бороться с любыми трудностями, их взоры устремлены к светлому будущему.

Пастух Кубады из одноименного стихотворения, несмотря на испытываемые им жестокие лишения, никогда не унывает, не боится трудностей, мечтает о свободе, о лучшей поре. Поэт в образе Кубады показал свободолюбивый дух народа, его думы и чаяния.

В лирической поэме «Кто ты?» Коста изобразил безымянного юношу-бедняка, его неустанное стремление жить по-человечески, крах его светлых надежд в мире социальной несправедливости. Четко характеризуются действующие лица произведения, представляющие различные социальные слои, реалистически рисуются горный пейзаж и бытовые картины.

Безымянный герой поэмы жизнерадостен и трудолюбив. Жизнь не балует его счастливыми минутами, но он не грустит, не печалится. Жажда хорошего, доброго побеждает в нем рождаемые неблагоприятными обстоятельствами настроения. Вот что рассказывает он сам:

На что ж я был годеи!
Грусти, не грусти —
Пришлось за харчи лишь
Ягнят мне пасти.
Скитался по саклям,
На сене я спал,
Но все же «да-да-дай»
С весельем певал.
Побой и ругань —
Я все испытал,
Но все же «да-да-дай»
Всегда распевал.

(Перевод А. Ахматовой)

Жизнелюбие — одна из характерных черт поэзии Коста Хетагурова, которая не всегда отмечается исследователями. Рисуя мученическую жизнь матери-вдовы («Мать сирот»), бедного юноши («Кто ты?»), пастуха («Пастух-батрак»), показывая социальное и политическое угнетение народных масс («Додой», «Песня бедняка», «Взгляни», «Спой!» и др.), Коста всегда ставил вопрос: до каких пор это будет продолжаться, до каких пор можно терпеть гнет? И у того, кто читал или слушал его стихи, возникала мысль, что дальше так жить невозможно, что необходимо изменить несправедливый уклад жизни.

В стихотворениях «Додой», «Без пастуха», «Тревога», «Взгляни», «Я не пророк», «Не упрекай меня, что я забросил лиру» Коста не ограничивается показом условий жизни угнетенного народа — он смело призывает бедноту к борьбе против эксплуататоров за свои права и свободу. Поэт защищает интересы трудящихся и открыто говорит об этом, не боясь «разлуки и изгнания».

Стихотворение «Додой» проникнуто гневом и болью, которыми было переполнено сердце певца бедноты. Он протестует против хищников, обирающих народ, против тех, которые называли себя «судьями народными», а на деле были врагами, заковывали его в цепи, лишили всех прав, обрекли на вымирание. Коста говорит от имени народа слова обличения и осуждения представителям социальных верхов. Ведь неспроста «Додой» стал народной песней, звучавшей в революционные годы.

Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган, и с гор нас прогнали,
Всех нас позорят и розгами бьют.

.....
Где же ты, вождь наш? Для радостной жизни
Нас собери своим словом теперь.

(Перевод А. Гулуева, I, 119)

Огромный обличительный пафос стихотворения дал ему долгую жизнь. Как и ряд других произведений Коста, «Додой» приобретает черты стихотворного памфлета. Брошен упрек «судьям народным», которые отвернулись от народа и предали его. Горе и страдания бедноты их не тревожат. Они не были и не могли быть друзьями, единомышленниками Коста, хотя и называли себя таковыми. Поэт хорошо понимал это, он знал их лживость, продажность и последовательно разоблачал их. В стихотворении «Друзьям-приятелям и всем, кто надоедает мне слезоточивыми советами» (1901 год) поэт клеймит их позором, предъявив им суровое обвинение в том, что они отреклись от народа и превратили жизнь в забаву, что они гнушаются честным трудом и променяли совесть на славу.

Вы были всегда палачами
И прав, и свободы чужой, —
Топтали святыни ногами...
(II, 102)

В таких стихотворениях, как «Додой», «Тревога», «Без пастуха», «Солдат», «Друзьям-приятелям и всем, кто надоедает мне слезоточивыми советами» и многих других К. Хетагуров продолжает и развивает боевые традиции русской сатирической поэзии XIX века.

Часто встречается в этих стихотворениях Коста призыв к вождю, который бы помог народу избавиться от угнетения. Однако это не дает повода думать, что К. Хетагуров стоял на народнических позициях в оценке роли отдельных личностей, героев, вождей. Коста непоколебимо верил в великую созидательную и преобразующую силу народных масс. В том же стихотворении «Додой» поэт говорит: «Адæмы фарнæй къæдзæх дæр ныннæры» («если народ пожелает, то и гора качнется»).¹ В стихотворении «На новый 1892 год» он вновь возвращается к мысли о всемогуществе трудового народа:

Все мы в отдельности слабы и малы, —
Дружно возьмемся, — качнется гора...
(II, 36)

Основным героем поэзии и всего творчества Коста является народ. Но трудящиеся, чьи права отстаивал К. Хетагуров, не были организованы. Собрать их воедино — вот о чем мечтал Коста. Обращаясь к молодежи, он писал:

Ты заблудилась, ты в чашу дремучую,
Словно овца, забрела,
Ищешь травинку сухую, колючую,
Гибнешь во мгле без числа.
Если б с горы, над потоком стремительным,
Твой бы пастух заиграл!
Если б тебя он призывом спасительным
Вдруг воедино собрал!
(«Без пастуха», перевод С. Олендера, I, 113)

Идеей единства, объединения усилий молодежи в

¹ Эта строка почему-то опущена переводчиком.

борьбе за свободу под знаменем народа пронизано также стихотворение «Походная песня».

Лирика Коста, какие бы темы не разрабатывал он, всегда идейно насыщена, глубоко эмоциональна, активна и наделена громадной силой воздействия на человека. Ей чужды холодное равнодушие и созерцательность. Это в полной мере относится и к интимной лирике поэта, в которой он никогда не замыкался в круг частных, незначительных явлений, мелких чувств. «Спой!», «Пропади!», «Прощай» и другие стихотворения Коста, как и его произведения с более четкой политической направленностью, отражают его революционно-демократические взгляды и понимание народной жизни.

Идейное содержание поэзии Коста подробно рассмотрено А. А. Хадарцевой в книге «Творческая история «Осетинской лиры». Она пишет, что у Коста личное настолько переплетается с общественным, что «подчас трудно разграничить интимную лирику и гражданскую».¹ Во всех лирических стихотворениях поэта интимные переживания лирического героя вполне естественны и художественно оправданы, так или иначе связываются с социальными отношениями. Лирический герой стихотворения «Пропади!», обращаясь к девушке, которую любит, взволнованно говорит, что ее жених не может превзойти его ни в стрельбе из винтовки, ни в верховой езде, ни в чем не уступает он своему сопернику. В чем же тогда дело? Почему девушка предпочла другого? Потому, что тот богат и знатен. Поэт не говорит об этом, но содержание стихотворения не оставляет в этом сомнений. Жених отличался только тем, что он

Нарядил в шелка —
Удивил аул!
Стан твой поясом
Дорогим стянул.
Не застежек — звезд
На груди игра,

¹ Хадарцева А. А., Творческая история «Осетинской лиры», Орджоникидзе, 1955, стр. 25.

В золотом шитье
Ты ловка, быстра.
(Перевод П. Панченко, I, 79)

Миниатюрное лирическое стихотворение поэта вместило и скорбные душевные переживания лирического героя-бедняка, и раздумья о тлетворной власти сословных предрассудков над человеческими чувствами.

Сатирический талант Коста Хетагурова проявился не только в поэме «Кому живется весело», памфлетах и фельетонах. Коста-новатор ввел в осетинскую литературу и жанр басни. Им создан ряд оригинальных басен («Редька и мед», «Постник», «Упрек», «Привычка», «Олень и Еж», «Лиса и Барсук» и другие), а также цикл басен, сюжеты которых заимствованы из русской и мировой литературы («Ворона и Лисица», «Волк и Журавль», «Гуси» и другие).

Басни Коста, как и вся его поэзия, своеобразны и оригинальны. В них бережно сохранен и передан национальный колорит, художественная структура произведений обусловлена особенностями осетинского народного поэтического творчества. Возьмем басню «Постник». Тема ее не нова, она перекликается с басней Крылова «Лисица и Виноград», мотивы которой в свою очередь восходят к одноименным басням Лафонтена и Эзопа. Но Коста создал свою басню «Постник» на основе осетинской народной пословицы «Гæды фиумæ куы нæ æххæсса, уæд æй мархо хоны» («Когда кошка не достает до сала, она говорит, что держит пост»). Уже этим произведению придается специфический, национальный колорит, который передается и в деталях, взятых из осетинского быта. Содержание басни таково. Изголодавшийся кот жадно смотрит на сало, висящее под самым потолком.

Бычье сало!... Кто сумеет
Снять с него жгуты?

¹ Слово «сало» не точно передает смысл осетинского слова «фиу». «Фиу» — нутряное сало от туши крупного или мелкого рогатого скота, туго свернутое в круг и обвязанное березовыми прутьями. В таком виде «фиу» подвешивают над очагом к потолку, чтобы прокоптить его.

Словно яблоко желтеет,
Дразнит с высоты!
Хоть висит оно высоко,
Чует запах кот.
Щурится кошачье око:
«Нет, не съест и в год!»

(Перевод П. Панченко, I, 221)

Лежащая поблизости собака поняла муки кота и дразнит его: «Что, глядишь опять?» Вздогнул кот от злости, почесал ухо и говорит собаке:

О былых своих уловках
Я забыл совсем, —
И скромного, воровка,
Я, как ты, не ем!

Коста оригинален во всем: и в показе привычек и нравов басенных персонажей, и в описании бытовых деталей, и в подборе предметов описания (в данном случае берется не виноград, а сало, которое более характерно для быта осетин), и в форме стиха.

Совершенно оригинален К. Хетагуров и в разработке тем басен, сюжеты которых заимствованы им у других поэтов. Вспомним его басню «Гуси». У Крылова сказано: «Предлинной хворостиной Мужик Гусей гнал в город продавать». У Коста мы встречаемся не с мужиком, который показался бы абстрактной фигурой в условиях осетинской действительности, а с более конкретным человеком «крестьянином-дигорцем», который гонит гусей не в город, а в алдарово село. Такая конкретизация действующего лица и места действия придает басне национальное своеобразие. Ритм и размер басни Коста также в корне отличаются от ритмического строя и метрики крыловской басни.

Органической частью обширного литературного наследия Коста являются его стихи для детей. Он — создатель детской литературы на осетинском языке, оставивший последователям замечательные образцы художественных произведений для детей. Им написан цикл стихотворений, озаглавленный «Мой подарок осетинским детям» («Мае хæрзæггуæрæггаг иры сывæл-лæттæн»).

Дети Осетии и по сей день читают наизусть звучные, остроумные, поучительные стихотворения Коста «Киска», «Шалун», «Кому что», «Как мужчина» и многие другие. Стихам Коста присуща ясность мысли, совершенство формы. Его стихотворения, посвященные детям, также отличаются этими качествами. Более того, поэт был особенно требователен, когда писал о детях и для детей. Стихи для детей музыкальны, конкретны, учат добру, помогают детям расти бодрыми, не боящимися трудностей. К. Хетагуров и здесь верен высоким требованиям, предъявляемым к истинному творчеству, не отступает от жизненной правды, рисует картины суровой действительности.

Мы не ставим перед собой задачи исчерпывающе охарактеризовать поэзию К. Хетагурова. Однако и в кратком очерке нельзя не остановиться на связи его творчества с фольклором. Эта связь была глубокой и плодотворной, во многом определившей поэтическую судьбу Коста. В замечательном стихотворении «Надежда» («Ныфс») поэт с исключительной искренностью писал, что сердце народа — это его пашня, а думы и чаяния народные — его осенний обмолот. О почетной миссии поэта-борца он говорит:

А сердце народа!
Как нива оно,
Где светлые всходы
Взрастить мне дано.

(Перевод Иринина, I, 71)

Коста народен во всем, и это придает его творчеству особенную силу воздействия на читателя и покоряющую душу красоту. Народность поэта ясно видна в его отношении к устному творчеству. Он с благоговением слушал песни и сказания певцов, без усталости глубоко изучал народный язык, художественно-выразительные средства устной поэзии. В его записных книжках много пословиц и поговорок, крылатых слов и фраз. Осетинское народное творчество послужило благодатной почвой, на которой выросла воинствующая поэзия Коста. Система, по которой он писал свои стихотворения на осетинском языке, была создана им на основе поэтики фольклорных произведений.

Разумеется, К. Хетагуров не слепо следовал традициям фольклора, не копировал поэтические формы, размеры и ритмику устного народного творчества. Учитывая и используя богатейший опыт русской поэзии, систему русского стихосложения, Коста творчески развивал лучшие традиции устной народной поэзии осетин и достиг изумительного совершенства в обработке фольклорного материала. Взяв сюжет народной песни или сказания, он придавал произведению столь самобытную форму и такую идейную глубину, что народ забывал свой собственный текст и воспринимал текст поэта. Так случилось, например, со стихотворением Коста «Фсати» и народными вариантами этой песни.

В стихотворении «Кубады» Коста с любовью нарисовал образ народного певца-сказителя, одного из тех, кто создавал бесценные жемчужины поэзии. Беден Кубады, нищета преследует его, но жива его поэтическая душа, не умолкает его песня.

Жара ль, бураны —
В шубенке рваной
Он ходит сирый.
Среди нихаса
Кубады часто
Сидит с фандыром.

.....
Пастух, бывало,
Дожди встречал он.
В хлеву дырявом,
А снег нагрянет —
В пещере станет
Он петь на славу.

А как слушал его народ!

Конца чудесным
Сказаньям, песням
Не знал Кубады.
Ему внимая,
Смеясь, рыдая,
Все были рады.

(Перевод П. Панченко, I, 135)

Коста высоко ценил мастерство народных сказителей. Он писал: «Игра на двух-и двенадцатиструнном

фандыре (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести» (III, 235).

Поэт с увлечением слушал повествования под аккомпанемент струнного фандыра. «Преданье я черпал из тысячи уст», — признался он в поэме «Хетаг». Не менее красноречиво говорят о трепетной любви его к народной поэзии и ее творцам строки из другого произведения:

И все говорила... И все из былого.
Вела за рассказом все краше рассказ.
Я слушал, я с трепетом каждое слово
Ловил, не спуская с рассказчицы глаз.¹

Непосредственно общаясь со сказителями, слушая их рассказы, песни о народных героях, сказания о легендарных нартах, Коста изучил народное творчество и был лучшим его знатоком и ценителем. По мотивам нартского эпоса он написал несколько замечательных поэтических произведений, самым значительным из которых является поэма «На кладбище». В ее основу положено сказание «Сослан в стране мертвых» и древний обряд «Бæх фæлдисын» (посвящение коня покойнику).

В сказании «Сослан в стране мертвых», отражающем религиозные верования осетин, изображается загробная жизнь. В нем говорится о том, какая судьба ожидает, согласно старинным представлениям людей, человека, совершавшего добрые дела, а также о том, какова на том свете судьба человека, грешившего на земле.

Коста воспользовался мотивами сказания, но не просто пересказал его содержание, а придал ему более реалистический характер, сблизил его с современностью.

Характерно, в частности, что в поэме Коста покойный юноша — это простой труженик, который умел

¹ Коста, Стихотворения, Ставрополь, 1895, стр. 8.

дружить с людьми и был любим ими. Но жизнь его прошла в нищете, в лишениях:

С детства не знал он еды прихотливой,
Не щеголял он в черкеске красивой...

(I, 173)

Никто раньше не видел на нем сафьяновых чувяков, никогда не было у него верхового коня, а теперь покойник наряжен с ног до головы, и поблизости стоит оседланный скакун.

Из массы людей, собравшихся проводить покойника в последний путь, Коста выделяет одного старца.

Женщины стихли... Умолкло рыданье...

Вот к мертвецу, соблюдая молчанье,

Старец подходит седой.

Темную кожу изрыли морщины,

Шапка, шубенка — из старой овчины...

Думаем, кто он такой?

Вытер он слезы дрожащей рукою,

Выпростал бороду перед толпою,

Взял за уздечку коня.

(Перевод Н. Заболоцкого, I, 75).

Перед нами встает образ человека многоопытного, многострадального. И Коста дает понять, что это за человек, какая жизнь прожита им. Это такой же бедняк, честный, доброй нравственности человек, хотя и отягощенный дедовскими представлениями о мире.

Немногословно, но ярко, в духе нартских сказаний Коста рисует одну картину за другой, показывает «чудеса» загробного мира.

Коста бичует людские пороки, несправедливость, зло, жадность, аморальные поступки, с одной стороны, и восхваляет справедливость, добро, щедрость и гостеприимство — с другой.

Из поэмы Коста мы узнаем о мировоззрении народа, его думам и чаяниям.

Сохраняя идейное содержание народной версии о загробном мире, Коста создал поэтическое произведение, отражающее не только древние представления и взгляды осетин, но и современную поэту действительность, ибо он бичует социальное неравноправие и несправедливость, преступных, алчных, корыстолюбивых людей.

Образцом творческой обработки сюжетов народных сказаний и песен служит и «Фсати». Песни о Фсати, покровителе зверей, широко распространены в осетинском фольклоре. В одной из них говорится, что двенадцать знатных всадников, отлично вооруженных, отправились на охоту. Фсати велел выпустить им навстречу кабана. Но охотники оказались настолько беспомощными, что не они убили кабана, а кабан уничтожил их. Потом появился бедный охотник и убил кабана. Любовь и симпатия народа на стороне бедного охотника, оказавшегося сильным, храбрым и находчивым, не в пример немощным, трусливым, хотя и хорошо вооруженным всадникам из высшего сословия.

Коста, обрабатывая сюжет народной песни, дополнил ее яркими картинками и эпизодами, с тем чтобы правда жизни была выражена полнее, глубже. Так, например, в песне ничего не говорилось о месте пребывания Фсати, об его окружении. Коста в стиле нартских сказаний коротко, но зримо нарисовал жилище Фсати. Он живет на самой высокой горной вершине. Там на ровной поляне растет большая сосна, со скал низвергаются водопады, кругом ледники, девственные леса.

Стол его, сиденье —
Все хрусталь сплошной.
Из рогов оленьих —
Ложе под сосной,
Шерсть на нем медвежья.
Козий пух лежит...
Фсати утром свежим
Беззаботно спит.
Машут лопухами
Семь безусых слуг,
От него упрямых
Отгоняя мух.
Семь других румянят
На огне шашлык,
Жарят бок бараний —
Будет рад старик...

(Перевод А. Шпирта, I, 167)

Это описание как бы снижает божество, а конкретные бытовые детали как бы переносят сказочные события в мир реального, вероятного.

В народной песне также даются портреты богатых и бедных охотников. Но Коста рисует портреты действующих лиц с такими подробностями, что более четко выступает их социальное происхождение. Вот девять всадников просят у божества одного худого оленя. У них

Кони статны. Ружья
Крымские блестят.

А семеро бедных охотников

В стареньких арчитах,
С плохоньким ружьем.
Головы побриты
Сломанным серпом.

(Перевод А. Шпирга, I, 171)

Бедные охотники не просто противопоставляются здесь знатным. Симпатии поэта так же, как и в народной песне, на стороне бедняков, но противопоставление в стихотворении Коста достигает глубины выражения социального конфликта, служит средством раскрытия политических убеждений художника.

Коста использовал не только отдельные сюжеты народного творчества, он великолепно владел всем комплексом его художественно-выразительных средств, всем богатством народного языка, сложившегося в течение веков, традициями в описании пейзажа, портрета, в раскрытии характера героя. Создавая образ, Коста умело пользовался теми или иными чертами фольклорных героев, чьи имена стали нарицательными, меткими, предметными сравнениями, красочными эпитетами и метафорами, свойственными нартскому эпосу и другим произведениям устного творчества.

В поэме «Кто ты?» Коста, характеризуя отца девушки, которую сватал безымянный бедный горец, пишет:

И горд и надменен
Пред бедными он;
С соседями груб он,
А дома — Сырдон.

(Перевод А. Ахматовой, I, 161)

Выражение «А дома — Сырдон» очень многозначительно для осетина. Если уж кого-нибудь называли Сырдоном, значит это человек хитрый, лживый, коварный, но в то же время обладающий чувством юмора, могущий выручить из беды. И вот вместо длинного ряда слов и выражений Коста употребляет имя Сырдон, и перед читателем предстает выразительный, сложный человеческий характер.

В поэме «Хетаг» хозяйка дома несколько раз сравнивается с нартской героиней Шатаной. Этим подчеркивается ее мудрость, щедрость, гостеприимство, находчивость. В этой же поэме об одном старике говорится, что он в бражничестве подобен нартскому богатырю.

Имея в виду нартского Орфея — Ацамаза, чудные песни которого оживляли природу, Коста писал:

Если бы пел я, как нарт вдохновенный,
Если б до неба мой голос взлетал,
Все бы созвал я народы вселенной,
Всем бы о горе большом рассказал.

(Перевод С. Олендера, I, 65)

Сравнения и эпитеты, взятые из нартского эпоса, обогащают поэзию Коста, делают ее более выразительной, более яркой и народной.

Говоря о связи поэзии Коста Хетагурова с народным творчеством, об использовании им традиций фольклора, нельзя обойти молчанием стихотворение «Пастух-батрак». Работая над этим стихотворением, поэт, по-видимому, использовал две народные сказки: «Вопросы и ответы» и «Ложные слова». В первой сказке действующими лицами выступают черт и горец, состязающиеся в искусстве словесного спора. Горец оказался умнее, находчивее, смог ответить на все вопросы. В качестве вопросов ставились цифры порядкового счета от одного до восьми, что К. Хетагуров заимствовал из фольклорного произведения. Он заменил черта уаигом, владеющим бесчисленными стадами овец. Главным же героем в его стихотворении выступает бедный пастух, который одерживает победу над великаном благодаря своему остроумию.

В состязании пастуха и великана выражена мечта трудящихся о победе над черными силами, олицетворенными уаигом. Ясность социальной позиции поэта, искусство лепки образов восходят к фольклорным источникам произведения. В то же время стихотворение свидетельствует о проникновении Коста в сущность явлений жизни. Сказки высокохудожественны и поэтичны. Коста остался верным стихии образности народного творчества. Стих поэта метафоричен, действие развивается бурно, описания картин емки — в двух-трех строфах создается, например, портрет уаига, и не только портрет, но раскрывается и его злобный, хищный характер.

У циклопа блещет злобой
Круглый глаз со лба,
Как амбар — его утроба,
Как совок — губа.
Не давал расти он стаду,
Поедал приплод.

(Перевод Б. Иренина, I, 243)

Стихотворение «Пастух-батрак» преисполнено народной мудрости, блещет искорками юмора, разит стрелами сарказма.

Интерес Коста к фольклору носил разносторонний характер. На основе осетинских народных поговорок и пословиц он написал несколько стихотворений.

Коста записал пословицу: «Кто-то волку наставления читал, а волк говорит: «Обожди, а то коза убежит». Позже эта пословица послужила сюжетной основой для басни «Упрек» (I, 225). Так же родился замысел басни «Постник». Широко использованы поэтом народные стихотворные размеры, поэтика народных песен («Прислужник», I, 121). По мотивам обрядовой поэзии им созданы стихотворения «Мужчина или женщина» (I, 239), «Новогодняя песня» (I, 225) и др.

Художественно-выразительные средства народного творчества Коста смело вводил в литературу, в частности, в поэзию. Меткие сравнения, помогающие лучше передать настроения героя, полнее раскрыть его характер, часто брались им из фольклора. В стихотворе-

нии «Пропади!» для выражения сильного чувства горя, испытываемого лирическим героем, поэт использовал заимствованное из народной поэзии сравнение: «Как змея, напасть в грудь мою впилась» (I, 77); «Наша жизнь страшной могилы», — говорит мать своему ребенку в колыбельной песни «А-лол-лай» (I, 95). Эти и другие изобразительные средства встречаются и в произведениях фольклора.

Вопросы мастерства Коста еще ждут своей разработки и изучения. Коста — мастер слова, которому были доступны тайны словесного искусства, в исключительно высокой степени было присуще чувство слова, музыки стиха. Эпитет, метафора, гипербола для поэта не просто элемент формы, а единственно необходимое, точное средство выражения поэтического замысла, значительной идеи, жизненной правды.

Отбирая самые выразительные, самые емкие слова, мастерски используя богатство родного языка, Коста ярко живописует жизнь.

Картины жизни, портреты героев, горные пейзажи, то мрачные, то ликующе жизнерадостные, никогда не были для него самоцелью. Все элементы подчинены главной идее, призваны воплотить замысел поэта.

Коченеет ворон...
Страшен бури вой...
Спит на круче черной
Нар, аул глухой.

Так начинается стихотворение «Мать сирот». И это не просто фон, не описание, играющее служебную роль. Это образ, предваряющий описание бедствий горянки, образ, запечатлевший сущность ее жизни, такой же страшной, как бури вой, такой же черной, как та скала, на которой приютился аул Нар.

А сколько поэзии, света, жизни в горном пейзаже (стихотворение «Фсати»)! Местожительство мифического героя Фсати сказочно красиво. Но Коста, разумеется, менее всего интересовало, как устроился небожитель. Описание это гармонирует с радостным настроением удачливых охотников-бедняков. И в этом его смысл и значение.

Снег сияет горный:
Манит высота.
Там — ныхас просторный,
А на нем — сосна;

С диких скал свергаясь,
Воет водопад;
С двух сторон сверкая,
Ледники висят.

Коста ввел в осетинскую поэзию силлабо-тоническую систему стихосложения. Известно, что принципы осетинского стихосложения до него не были разработаны. Он выступил пионером в этой области и сумел практически решить эту задачу в своем творчестве. Им использовано все богатство размеров, все разнообразие строфики и системы рифмования силлабо-тоники. Чаще всего встречаются в его поэзии строфы АВ, АВ, а также строфы ААВССВ («На кладбище», «Кубады», «Тоска влюбленного и др.»); ААВВС («Шалун»), ААВВ и др.

Поэтика Коста Хетагурова не изучена в достаточной степени, и трудно сделать исчерпывающие выводы, но ясно одно — она очень интересна и своеобразна.

Значение сборника «Ирон фандыр» для осетинской литературы и культуры неопределимо. Это первая книга, в которой выражены думы и чаяния осетинского народа, в которой показана жизнь горской бедноты в реалистических образах и картинах. Произведения, вошедшие в нее, звали трудовые массы к борьбе с угнетателями, за светлое будущее.

Историческое значение «Ирон фандыр» состоит в том, что произведениями, вошедшими в нее, Коста заложил прочную основу осетинской художественной литературы и литературного языка, пробуждал классовое и национальное самосознание осетинского трудового народа. Благодаря «Ирон фандыр» осетины по-настоящему почувствовали обаяние поэзии, полюбили книгу на родном языке. «Ирон фандыр» вызвал интерес талантливой молодежи к литературе и художественному творчеству. Эта книга была и поныне остается школой мастерства для осетинских поэтов и писателей.

Перу Коста Хетагурова принадлежит несколько рассказов, этнографический очерк «Особа» и другие произведения прозы.

Лучший рассказ Коста «Охота за турами» опубликован в 1893 году в третьей книжке журнала «Детское чтение», а очерк «Особа» — в 1902 году в журнале «Кавказский вестник».¹ Как публицист он выступал в различных газетах и журналах, в частности в «Казбеке», «Терских ведомостях», «Кавказском вестнике», «Санкт-Петербургских ведомостях» и др. Чаще всего свои статьи Коста печатал в газете «Северный Кавказ», сотрудником которой он являлся долгое время. Статьи подписывались им псевдонимами «Нарон», «Старик», «Горец» и др. Публицистическое наследие Коста более или менее полно издано только при Советской власти,² но и до сих пор не все его статьи и произведения собраны. Совсем недавно обнаружен один из рассказов Коста «Предложение», опубликованный в номере 48 газеты «Северный Кавказ» в 1889 году.

Исследователям творчества поэта еще предстоит большая работа по сбору и публикации его сочинений.

Художественная проза Коста публицистична в лучшем смысле этого слова, а его публицистика высоко художественна. В рассказах с публицистической остротой и страстью ставятся и решаются проблемы, волновавшие передовую общественность, а статьи и очерки его изобилуют яркими поэтическими описаниями и картинами. Эту особенность прозы К. Хетагурова легко заметить, когда читаешь его рассказ «Охота за турами», этнографический очерк «Особа», или же его публицистические статьи.

¹ Отрывки из очерка печатались в 1894 году в газете «Северный Кавказ», № 59, 63, 75.

² Коста, Публицистика, Избранные статьи, Редакция, вступительная статья и комментарии А. С. Малинкина, Орджоникидзе, 1941; Коста Хетагуров, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1951. Такое же издание осуществлено в г. Орджоникидзе с предисловием М. Тотоева.

Рассказ «Охота за турами» по тематике созвучен с произведениями, составившими знаменитый сборник «Ирон фандыр». В нем так же, как в стихах поэта, изображается полная лишений жизнь горцев. Как в поэзии, так и в прозе Коста верен принципам реализма и правдиво изображает быт, нравы, чаяния горской бедноты.

Охота за турами для горца не пустая забава или развлечение. Она была опасным промыслом, трудным способом добывания средств к существованию, сопряженным с риском, требовавшим ловкости и силы. Охотнику ночью приходилось продвигаться по непроходимым горным тропинкам, и смерть подстерегала его на каждом шагу. Еще в поэме «Кто ты?» Коста писал об участии охотника, который рискует жизнью, чтобы прокормить семью:

Как часто охотник
На смерть обречен,
Но редко бывает
В земле погребен.

(I, 149)

В рассказе «Охота за турами» также передается ощущение постоянного риска и опасности. Тень смерти пугает Залину, снаряжающую мужа на охоту:

«—Прошу тебя, не ходи сегодня, — со слезами в голосе умоляла Залина.

— С ума ты сошла! — крикнул Тедо, — с голоду умереть захотела?»

Он посмеялся над трусостью жены и стал успокаивать ее:

«—Ну, полно, полно, — говорит он, — будь умницей. Ведь жить-то надо!»

«Ведь жить-то надо!» — вот что заставляло горца пренебрегать опасностью.

Непригляден маленький аул Зебат, в котором живет семья Тедо. «Сакли его, словно гнезда ласточки, лепились в складках утеса, вздымавшегося до облаков из глубокой теснины. Бушующий поток на скалистом дне ущелья казался из аула серебряной нитью. Ни кусточка, ни деревца кругом! Везде скалы, одни скалы,

поросшие мхом, и голый безжизненный камень» (II, 217).

Суровая природа. Беспросветная жизнь. «Жили в этом ауле осетины: жили очень бедно, потому что не было у них ни лугов, ни пахотной земли. Мужчины занимались охотой за турами, а женщины смотрели за хозяйством» (II, 217).

Нарисовав общую картину жизни аула, Коста открывает занавес, вводит читателя в саклю Тедо и с этнографической точностью описывает быт горца. Ничто не радует глаз. Нищета — удел бедняка. «Сакля Тедо имела два отделения, — пишет он, — в первом, за плетнем, помещались козы, а во втором — сами хозяева. Небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно. Посреди земляного пола был разведен огонь. Дым выходил в отверстие в потолке. Над огнем висел котелок. Молодая женщина делала из темного теста лепешки и запекала их в горячей золе. По другую сторону очага сидел старик и развлекал грудного ребенка. Вот и вся семья только что вошедшего Тедо».

Убогость хозяйства и жилища — доля не одного Тедо. Бедны зебатовцы. «Козы заменяли им коров, а ишаки — лошадей. У кого было два осла, тот считался уже богатым. Домашнюю птицу всего аула составляли хохлатый петух и две-три конопатых курочки» (II, 217).

По всему рассказу рассыпаны реалистические детали, воссоздающие правдивую картину жизни. Смешон, но и горек рассказ молодого охотника о том, как у него козел стащил один из его чабуров (обувь) и оставил от него только плетеную подошву.

Коста скуп в описании портрета героя. «Коренастый мужчина в серой черкеске и холстяной шляпе», — говорит он о Тедо. Портреты некоторых героев вовсе не даны. Писатель как бы говорит: не столь важна внешность моего героя, лучше посмотри, где и как он живет, что его волнует, о чем он думает. И мы видим чадную саклю Тедо, лепешки в золе, скорбное лицо Залины, видим мышиную тропу, по которой ночью пробирались смелые охотники, привыкшие к опасности. Мы видим старого охотника Зураба, отца Тедо. И не

только видим, но и узнаем, какой у него характер, как прожил он свою долгую жизнь. Его одолела старость, он полуслепой. Но старик весь оживает, когда слышит, что сын собирается на охоту. Это его страсть. В свое время для него не существовало препятствий, без страха преследовал он зверя, был смел и удачлив. Старик любит рассказывать о своей охотничьей жизни, вспоминать былое. И решение сына идти на охоту не беспокоит его, он верит в его смелость и силу. А эти качества он выше всего ценит в человеке.

Под стать Зурабу его сын Тедо. Он ловок и силен, неутомим в ходьбе, бесстрашно идет впереди товарищей по опасной тропе. Тедо добр, чуток, не скупится на совет. За внешней грубостью его скрывается сердечная доброта, человечность. Тедо — любящий муж и нежный отец. Веселый, жизнерадостный горец, он полон чувства своеобразного, по-горски сурового, но задушевного юмора.

Метким выстрелом Тедо убил двух туров. Охотник торжествовал. Но выстрел всполошил остальных туров и они бросились бежать. Через минуту один из них показался на груде камней, громоздившихся над головой охотника. За ним другой, третий... «Еще секунда, и вся эта рыхлая громада заколыхалась, двинулась и грозно загрохотала по крутой стремнине... От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто, уничтожено».

Гибнет славный охотник. Коста больше не вводит читателя в дымную саклю Тедо. Но читателя не могут не волновать судьбы старого Зураба и молодой жены Тедо, ставшей вдовой. Как они будут жить?

Думая о судьбе Залины, читатель неизбежно придет к выводу, что она оказалась в таком же ужасном положении, в котором была героиня известного стихотворения Коста «Мать сирот».

Таковы идейный смысл и содержание рассказа «Охота за турами».

Рассказ «Предложение» посвящен другой теме. Коста поведал в нем о судьбе человека в капиталистическом обществе. С позиций гуманиста он клеймит алчный мир наживы, калечащий человека. Произве-

дение проникнуто верой в духовные силы человека, способного побороть низменное.

Герой рассказа, молодой человек, окончивший курс университета, влюбляется в женщину, которую обстоятельства жизни привели в притон. Она смеется над его благородным порывом. Рассказывая о своем отвратительном прошлом, Наташа пытается образумить влюбленного. Но он искренен, и она принимает его предложение.

Герой рассказа говорит: «Я был тверд потому, что глубоко верил в ее величие..., потому что полюбил ее со всею силой моей души... И я не ошибся. Мне не пришлось раскаиваться».

Эти слова выражают идейный замысел Коста. Такова позиция писателя, глубоко верящего в величие человеческого духа, в красоту человека, выступающего в защиту человеческих чувств и прав.

В очерке «Особа» К. Хетагуров обнаружил глубокое знание не только быта, нравов осетинского народа, но и истории Осетии. Собрав и обобщив большой исторический и этнографический материал, Коста дал разносторонний научный анализ жизни осетин, их исторического развития, их связей с соседними народами, в частности с Грузией, показал в легко доступной пониманию масс художественной форме черты и особенности национального характера, уклада жизни, форм общественных институтов, тенденции развития их. Рисуя бытовые картины, автор не ограничивается ярким художественным изображением их. Он достигает при этом социальной остроты и глубины оценки фактов и событий, и читатель всегда видит не экзотику быта, а ужасные картины тяжелой жизни горцев. Приведем одно из характерных для очерка описаний: «Зайдите в первую попавшуюся дверь в фæрсаг-ауле. Нагнитесь больше, чтобы не удариться о притолоку. Сенцы перегорожены жердями или плетнем. В первом отделении вас удивленно встречает корова, из второго на вас сквозь перегородку смотрит несколько пар добродушных глаз овец и коз. Здесь же, в углу, валяются плиты кизяка и хворост для топлива. Нагнитесь опять, чтобы войти в следующие двери. Вначале

до того темно, что вы ничего не можете разглядеть... Кизячный дым ест глаза, раздражает слизистую оболочку в носу, стесняет дыхание» (III, 215). Это жилище горца. А вот описание его одежды. «Нагрудник, а тем более целая рубаха составляла роскошь очень немногих, которые надевали их по большим праздникам, в торжественных случаях. Иногда у целой фамилии была всего одна рубаха или нагрудник; тогда пользовались ими по принятому порядку и даже давали их во временное пользование постороннему лицу в виде особенного одолжения... Наиболее бедные и зимою и летом ходили в тулупах, за неимением другой одежды» (III, 219).

Коста поначалу кажется бесстрастным летописцем, ибо он отказался от каких-либо пояснений. Но эти потрясающие картины говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются, как и живые образы его героев в поэтических произведениях. При чтении очерка перед глазами встает Кубады, герой одноименного стихотворения поэта, который и в жару и в бураны ходит в рваной шубенке (I, 135).

Не более богат стол бедняка. Ему знакома только грубая пища. Нищета сопровождает его повсюду и во всем. К. Хетагуров подчеркивает, что твердая лепешка из ячменной, просяной или кукурузной муки величиною с чайное блюдо была главной пищей осетин. Мясо появлялось, — пишет он, — только на свадьбах и на поминках.

Так, кажущийся объективистским бытописанием этнографический очерк под пером Коста приобретает ярко выраженную социальную направленность и наполненность. Даже бытовые детали рассматриваются с точки зрения социальной, и все это, наряду с широтой постановки вопросов, исторической достоверностью и публицистической страстностью, делает «Особу» произведением значительным и глубоким. И если к этому добавить, что Коста, не ограничиваясь описанием фактов, этнографических подробностей, всегда стремится к художественным обобщениям, к художественному изображению быта, нравов, картин природы и

создает образы большой жизненной правды, то достоинства очерка становятся очевидными.

Публицистика К. Хетагурова охватывает основные вопросы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни осетин и других народов Северного Кавказа — кабардинцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев. Наиболее зрелыми и значительными как по актуальности выдвигаемых проблем, так и по художественному уровню, являются такие труды Коста, как «Неурядицы Северного Кавказа», «Накануне», «Владикавказские письма», «Внутренние враги», «Насущные вопросы», «Тартарен» и др., посвященные насущным вопросам тогдашней жизни. Не случайно, что многие публицистические произведения К. Хетагурова до сих пор не утратили своего значения. Видная советская писательница Мариэтта Шагинян, с глубоким интересом занимавшаяся изучением публицистики Коста Хетагурова, писала: «Глубокая познавательная роль его статей, их историзм, широта политического охвата... — все эти качества делают публицистику Коста настолько исторически-весомой и содержательной, что она до сих пор не утратила своего значения. Можно смело сказать, что для правильного представления о положении вещей на Северном Кавказе в 80 — 90-х годах нет лучшего чтения, нежели газетные статьи Коста Хетагурова».¹

Как явствует из краткого обзора публицистики Коста, он смело выступал против колониального режима царизма на Северном Кавказе, против капиталистических хищников, защищал интересы трудящихся. Верный традициям Чернышевского, он подвергал сстрой критике мероприятия царской администрации. В ряде статей («Неурядицы Северного Кавказа», «Накануне» и др.) Коста разоблачал, насколько это возможно было в жестоких цензурных условиях, колониальный характер политики царского правительства. Не подлежит никакому сомнению, — писал он в «Неурядицах Северного Кавказа», — что «режим, уста-

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 59 — 60.

новившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев, во всех его разнообразных проявлениях, — до самых пустых мелочей включительно. Новые властители Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности горцев и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей» (III, 102).

Таково значение, таков пафос воинствующей публицистики поэта. Свои статьи он насыщал обычно живыми фактами истории и современной ему жизни. Умело анализируя их, Коста убеждает читателя в правоте защищаемого им дела. Раскрывая сущность того или иного явления, он никогда не останавливается на половине пути, а делает широкие и далеко идущие выводы, ясные и убедительные. Публицистике его чужда скучная риторичность, сухость. Говоря о жизни языком публициста, он остается художником. Яркие картины быта, живое описание социальных отношений, создание полноценных образов людей удесятят силу его публицистики, силу ее воздействия на читателя. Вспомним впечатляющее описание в очерке «Владикавказские письма» судьбы бедного кабардинца, старика Ухо (III, 89), оклеветанного газетой «Терские ведомости», или же описание острова Чечень: «Окружность его не превышает 30 верст. Почва — песчаная с большою примесью ракушек и с самой жалкой, какую только можно себе представить, растительностью. Климат — убийственно лихорадочный; на всем острове нет и признаков пресной воды... ..Казармы, выстроенные для «переселенцев» на острове, рассчитаны на 100 человек, но в них обыкновенно содержится до 150 и более... Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаясь круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться из казармы...» (III, 116).

Следует отметить, что Коста нередко прибегал в своей публицистике к юмору и сатире. «Вот в какие палестины попадает туземец, — с едкой иронией за-

мечает он в той же статье, — отрываемый от дорогой ему родины, — полной чарующих красок, с пышной растительностью, чистой студеной водой и здоровым горным воздухом» (III, 116 — 117).

Некоторые его статьи, например, «Тартарен», «Чичиков» и др., напоминают фельетоны, сатирические или юмористические зарисовки с натуры. «Коста обладал удивительным даром иронии, сдержанной, почти даже незаметной сразу, но разившей без промаху в лоб», — справедливо отмечала Мариэтта Шагинян.¹

* * *

О широте духовных интересов Коста говорит и его постоянный интерес к театру и театральному искусству. Как говорилось выше, он принимал участие в любительских спектаклях, выступая как актер и декламатор, писал декорации к спектаклям. Им создано несколько пьес, кроме того, сохранился ряд его драматических набросков.

Из законченных драматических произведений Коста наибольшую ценность представляет комедия «Дуня», впервые опубликованная в газете «Северный Кавказ» в 1893 году.²

Содержание комедии тесно связано с жизнью русской интеллигенции 1880 — 1890-х годов. Главное действующее лицо произведения — Дуня, дочь богатого провинциального мещанина. Она окончила гимназию, много читала, прониклась прогрессивными идеями своего времени. Дуня не может более мириться со взглядами и нравами мещанской среды, в которой она росла, воспитывалась и вынуждена жить. Ей претят бессмысленная сытая жизнь, не одухотворенная чистыми высокими стремлениями, окружающие ее люди, отдавшие стихии этой жизни: подруга ее детства Надя Воробьева и мачеха Мария Павловна. Их идеал — материальная обеспеченность и праздная жизнь. При-

¹ Юбилей Коста Хетагурова, Орджоникидзе, 1941, стр. 161.

² Первый вариант пьесы под названием «Курсистка» датируется 1889 — 1890 годами.

ведем небольшой диалог, в котором раскрываются вождения этих мешанок, вконец опустошенных, нравственно нечистоплотных.

Воробьева. Нет, Маня, что ни говори, а я тебе очень завидую.

Мария Павловна. Есть чему! Жить в одной берлоге с медведем...

Воробьева. Медведь, да богатый, и к тому же смиренный.

Мария Павловна. Положим.

Воробьева. Конечно, были бы деньги, а красавчика всегда можно найти.

Мария Павловна (зажимает ей рот). Тс... Профессорша идет (II, 270).

«Были бы деньги, а красавчика всегда можно найти», — такова мораль Воробьевых.

Совершенно других взглядов придерживается Дуня. Несмотря на то, что ее отец состоятельный человек, и она может жить на всем готовом, девушка считает своим гражданским долгом приносить людям хоть какую-нибудь пользу и дает частные уроки. «Пока мы живы, — говорит Дуня отцу, — должны работать, должны приносить посильную пользу; без этого ни одно существо не имеет права на жизнь». Дуня гордо заявляет, что и женщина обязана трудиться, а не быть приживалкой в семье, в обществе. Вопреки господствовавшему тогда общественному мнению, не побоявшись ни родительского гнева, ни нужды, она уезжает от родных в Петербург, чтобы получить высшее образование и стать самостоятельным, полезным обществу человеком. Она встречается и дружит с людьми демократических, прогрессивных воззрений.

Дуня встречает на своем пути немало трудностей.

Путь к образованию, к самостоятельной жизни для женщины в условиях царизма был очень трудным. Об этом с гневом писали передовые деятели русской культуры. Еще в 1871 году, рецензируя роман Омулевского «Шаг за шагом», Н. Щедрин писал: «Стремление женщины обеспечить свое существование самостоятельным трудом вызывает насмешки, а попытка

добиться равноправия с мужчинами возбуждает уже прямое презрение и клеймится специальным названием: «распущенность нравов».¹ Кроме того, в Петербурге она попадает в окружение Мазиловых, Перышкиных, Трубадуровых, людсй, которые не понимают и не разделяют взглядов Дуни, людей, обитающих на задворках искусства. Для них она лишь хорошенькая горничная, которую можно безнаказанно обидеть.

С помощью верных друзей, благодаря горячему стремлению добиться своего, она стойко переносит испытания жизни, растет, ее дух постепенно крепнет.

Идеи, выраженные в комедии, созвучны идеям передовых русских писателей и прежде всего идеям романа Чернышевского «Что делать?».

В условиях царской цензуры Коста был вынужден прибегать к эзоповскому языку, не мог более открыто говорить об идейных устремлениях своей героини. Поэтому некоторые черты ее характера остались недостаточно раскрытыми. Но на этом основании нельзя отрицать наличия влияния демократических идей в комедии «Дуня». Тем более бездоказательны и непонятны утверждения таких критиков, как Л. Ерихоннов,² о том, что все старания Дуни были направлены к тому, чтобы выйти замуж (!).

Коста всегда был горячим поборником раскрепощения женщины. Поэт не ограничивался показом ее бесправия и забитости. Создавая образы положительных героев, он воплощал в них передовые стремления, благородные черты и чувства. Это одна из характерных особенностей творчества Коста Хетагурова. Русская девушка Дуня стремится к свободе, к самостоятельности, любит трудиться. Горянка Фатима, героиня одноименной поэмы К. Хетагурова, воспитанная в княжеской семье, отклонила предложения богатых и знатных женихов и вышла замуж за простого крестьянина. Она также любит людей труда, не боится

¹ Щедрин Н., О литературе, М., 1952, стр. 494.

² Газета «Молодой большевик», 1951, 28 сентября.

лишений и испытаний жизни. Эти взгляды, стремления и душевные качества роднят Дуню и Фатиму.

* * *

В жизни осетинского народа не было сколько-нибудь значительного явления, к которому бы Коста не выразил свое отношение. Поэт смело выступал в защиту прогрессивного, отрицал и разоблачал все то, что было направлено против интересов трудящихся. Ни один ученый, исследующий проблемы осетинского языка и литературы, истории осетинского народа, его экономического развития, народного образования, истории живописи, не сможет пройти мимо творчества К. Хетагурова. Творческая и общественная деятельность Коста необычайно разнообразна, она охватывает все наиболее значительное, существенное в жизни народа в то время.

Трудно переоценить значение деятельности Коста Хетагурова в деле приобщения осетинского народа к передовой культуре великого русского народа, в деле пропаганды идей дружбы между народами. Как революционный демократ Коста Хетагуров никогда не отождествлял царизм с великим русским народом, с его прогрессивной культурой. Борясь против царизма, он разоблачал антинародный характер его колониаторской политики, клеймил позором местную администрацию, «внутренних врагов». А колониальный режим был жесток, гнет — невыносим. Стремясь увековечить национальную рознь, власти использовали все средства, чтобы разобщить русских и осетин, закрыть осетинам доступ к русской культуре. Администрация не разрешала интеллигентным туземцам открывать даже на свои средства частные школы в аулах. «Больше того, — писал Коста, — она в 1891 году прилагала все старания, чтобы отнять у туземцев всякую возможность научиться чему-нибудь, видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность и жизнь, а также деятельность культурных людей, слышать русскую речь, работать рука об руку с русским пионером, отдавать детей в русские школы...» (III, 119 — 120).

На долю К. Хетагурова выпала высокая честь основателя осетинской художественной литературы и создателя литературного языка. Думы и чаяния родного народа он смог облечь в такие совершеннейшие художественные формы, которые и по настоящее время являются непревзойденными в осетинской поэзии образцами. Создавая свои бессмертные произведения, поэт практически решил такие вопросы, как разработка системы осетинского стихосложения, создание осетинской национальной поэтики, осетинского литературного языка и др.

К. Хетагуров не был бы поэтом-новатором и революционером, если бы он слепо, без творческого осмысления и обработки пользовался готовыми поэтическими формами, размерами и ритмом произведений устного народного творчества.

Кроме того, громадную роль в формировании эстетических идеалов поэта сыграл богатейший опыт великой русской литературы. Благодаря глубокому изучению творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и др., благодаря овладению богатейшими формами русского стихосложения, он выработал те специфически национальные поэтические формы, в которые облакал свои революционно-демократические идеи.

Осетинский литературный язык создан Коста Хетагуровым на основе народной разговорной речи. Из всего словесного материала он тщательно отбирал наиболее точное, яркое, весомое, подвергая его затем обработке. Положив в основу осетинского литературного языка иронский (восточноосетинский) диалект, К. Хетагуров пользовался и лексическими богатствами дигорского (западноосетинского) диалекта. Его язык — это общеосетинский, общенациональный язык. Структура литературного языка, созданного им, не претерпела в дальнейшем каких-либо существенных изменений.

Своей творческой деятельностью Коста способствовал быстрому росту осетинской литературы и культуры в целом. После него выступил целый ряд осетинских поэтов, писателей, драматургов, общественных

деятелей. На его произведениях, проникнутых революционными идеями, воспиталось не одно поколение осетинской молодежи. С песнями Коста борцы за народное счастье еще в годы первой русской революции шли в бой с угнетателями.

Выдающийся деятель Коммунистической партии С. М. Киров еще до Октябрьской социалистической революции высоко оценил творчество поэта. В 1915 году, публикуя стихотворение осетинского поэта А. Гулуева «У могилы Коста» в газете «Терек», С. М. Киров сделал к нему примечание: «Одиноким голос, рассказывая о непосредственных впечатлениях осетининтеллекта при посещении могилы Коста Хетагурова, вновь подымает вопрос о достойном увековечении имени чуть ли не единственного осетинского поэта, выступившего в национальной литературе».¹

Через год эта же газета, выходящая под руководством С. М. Кирова, отмечая 10-летие со дня смерти Коста Хетагурова, писала: «С его именем в народной массе в Осетии связано все возвышенное, все лучшее, светлое и прекрасное... Коста — гений, творец, альтруист, путеводная звезда униженных и оскорбленных — вот понятия осетин, из которых слагается народный памятник поэту — гражданину».²

До Октябрьской социалистической революции произведения Коста издавались очень редко, а если и печатались, то с грубыми искажениями, цензурными купюрами.

При Советской власти сочинения Коста Хетагурова издаются массовыми тиражами на осетинском и русском языках. В Советском Союзе имя поэта пользуется широкой популярностью, его произведения изданы на 14 языках братских народов.

В 1939 году было проведено всенародное празднование восьмидесятилетия со дня рождения Коста Хетагурова.

«Осетинский народ, — сказал в эти юбилейные дни

¹ Газета «Терек», 1915, 18 августа.

² Газета «Терек», 1916, 21 марта.

видный советский писатель Александр Фадеев, — может гордиться тем, что в сокровищнице многоцветной культуры социализма будут играть краски и цвета, вызванные к жизни таким художником, как Коста Хетагуров».¹

Коммунистическая партия высоко оценила литературную и общественную деятельность Коста Хетагурова. Великому сыну осетинского народа в столице Северо-Осетинской АССР городе Орджоникидзе воздвигнут монументальный памятник.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИТЕРАТУРА 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА ДО 1905 ГОДА. СОВРЕМЕННОКИ КОСТА ХЕТАГУРОВА. СТАНОВЛЕНИЕ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Силу и обаяние художественной литературы на родном языке осетинский читатель впервые почувствовал, читая стихи Коста Хетагурова. Только его знаменитый «Ирон фандыр» пробудил у читателей непреходящий интерес к искусству слова.

В 80-х и особенно в 90-х годах ряды осетинской интеллигенции расширились. «Потребность в образовании стала заметно прогрессировать и охватила все население Осетии», — писал Коста Хетагуров (III, 126). И хотя, как отмечает Коста, в школах стало тесно и «даровое учение давалось только счастливым», под воздействием передовой русской культуры в те годы выросло и вступило в жизнь новое поколение осетинской интеллигенции — врачей, юристов, инженеров, ученых. Они честно работали на благо общественной культуры и общечеловеческой пользы» (III, 127).

Часть осетинской интеллигенции проявила живой интерес к художественной литературе, иные из них

¹ Коста Хетагуров, Сборник памяти великого осетинского поэта, М., 1941, стр. 5.

начали писать литературные произведения на осетинском языке, собирать и обрабатывать народные песни и сказания, переводить отдельные произведения русской классической литературы. В литературу вошли Александр Кубалов, Георгий Цаголов, Асламурза Кайтмазов, Блашка Гуржибеков, Сека Гадиев и др. Коста Хетагуров своим примером вызвал к активной деятельности новые творческие силы, которые стали вносить в литературу свою лепту.

Об оживлении осетинской художественной литературы в те годы говорит и тот факт, что в конце 90-х годов один осетин, имя которого до сих пор не установлено, перевел на родной язык стихотворения «Узник», «Обвал», «Кавказ», «Монастырь на Кавказе», «Шотландская песня», «Золото и булат», «Анчар», «Зимний вечер» и поэму «Тазит» А. С. Пушкина. Переводы не отличаются высокой художественностью, переводчик не всегда сохранял размер оригинала, ему не удалось воспроизвести легкость и звучность пушкинского стиха. Но самый факт знаменателен. Он свидетельствует о том, что переводчик высоко ценил А. С. Пушкина и считал необходимым ознакомить осетинского читателя с его произведениями. Переводы в свое время не были опубликованы, остались в рукописях.¹ Они вместе с осетинскими народными сказаниями и песнями включены в рукопись букваря-учебника, который, по-видимому, предназначался для обучения неграмотных взрослых. На первой странице рукописи написано: «От одного осетина к другому».

Характерен и такой факт. В начале XX века множество басен И. А. Крылова было переведено на дигорский диалект осетинского языка М. Саланти, имя которого в осетинской литературе почти неизвестно.

О возросшем интересе к литературе говорит и то, что стихи Коста и других национальных поэтов, а также переводы отдельных произведений русской литературы стали печататься в осетинских букварях и учебниках, издаваться отдельными брошюрами и сборниками.

¹ См. архив Гатуева, журнал № 20 — 7..

Видный деятель народного образования, учитель Харитон Уруймагов в письме, датированном 8 ноября 1895 года, обращался к Коста Хетагурову: «Убедительно прошу Вас разрешить мне поместить в переведенный мною на осетинский язык букварь два стихотворения, сочиненных Вами. Так как букварь имеет характер учебника для первоначального обучения, то целесообразнее будет поместить в нем басни «Ворона и лисица», «Гуси».¹

Все это свидетельствует об оживлении литературной жизни в Осетии, об усилении процесса развития литературы. Вполне естественно, что этот процесс был сложным, а порой противоречивым. Осетинская литература с самого начала своего зарождения развивалась в борьбе разных идейно-художественных направлений. Демократические силы боролись против либерализма, безыдейности и формализма, за литературу высокоидейную, служащую народу, интересам освобождения трудящихся.

Борьбу прогрессивно-демократических сил возглавил Коста Хетагуров.

Во второй половине 90-х годов в осетинской литературе подвизался Гаппо Баев, представитель либеральной буржуазии, а после Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант, игравший, по меткому выражению Б. И. Кандиева, роль не то Булгарина, не то Греча.²

Создавая и развивая осетинскую литературу, Коста вел борьбу за идейность литературы, развивал эстетические вкусы читающей публики. Характерно отношение Коста Хетагурова к своим современникам, оценка, которую он давал их творческой и общественной деятельности.

Г. Баев, выдавая себя за друга и ценителя творчества Коста Хетагурова, втерся в его доверие. И когда в 1899 году поэт, сосланный в Херсон, не имея воз-

¹ СОНИИ, архив К. Хетагурова, письма к Коста, п. 7, л. 78.

² Кандиев Б. И., Эстетические взгляды К. Л. Хетагурова (Известия СОНИИ, Дзауджикау, 1948, стр. 34).

возможности наблюдать за изданием своей книги «Ирон фандыр», поручил это дело Г. Баеву, последний переделал многие стихотворения на свой лад, искажил их смысл и форму. Стихотворения же ярко выраженного революционного характера совсем исключил из сборника.

Такое самоуправство до глубины души возмутило Коста. Он писал Е. А. Цаликовой: «Относительно Гаппо я теперь не могу не припомнить, что «услужливый дурак, опаснее врага». Прислал он мне «Ирон фандыр»... Я стал просматривать книжку и с первой же страницы стал приходить в бешенство... Исключая «Тæхуды», ни одно стихотворение не прошло без самых возмутительных корректурных ошибок, сделанных Гаппо просто умышленно на основании своей собственной дикой орфографии. Мало того, он местами выбросил слоги и подменил мои слова своими, которые не только не рифмуются, но и нарушают строй, смысл и размер стиха. Вы себе представить не можете, какую горькую, возмутительно варварскую обиду он мне нанес этим бесцеремонным произволом над моим детищем...» (III, 398 — 400).

Несмотря на то, что осетинская художественная литература только что нарождалась, Коста Хетагуров предъявлял к ней высокие требования, добиваясь идейной чистоты и совершенства формы. Он протестовал против того, чтобы неискушенному осетинскому читателю, жаждущему художественной литературы, преподносились низкопробные произведения и тем самым извращались его эстетические вкусы.

Баев составил сборник осетинских стихотворений «Гæлæбу» («Бабочка»), куда включил и свои стихи. Книга была ниже всякой критики, будучи составлена из произведений бессодержательных и бесформенных. Коста незамедлительно откликнулся на ее выход и дал ей резкую, но справедливую и принципиальную оценку. «В «Гæлæбу», — писал Коста, — действительно много детского лепета, и я очень удивляюсь Гаппо, как он... не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложения... стих должен быть сложен по правилам, выработанным веками, — иначе это не

стих... У него же в «Гæлæбу» ничего нет — ни техники, ни ритма, ни даже сколько-нибудь спосного изложения на осетинском языке какой-нибудь осмысленной идеи. Чепуха ужаснейшая! Печатать и распространять такую галиматью — это значит извращать с места в карьер смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов¹... По-моему, — заключает Коста, — лучше еще 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень...» (III, 391 — 392).

Это была борьба, отражавшая борьбу двух тенденций, двух направлений в развитии общественной мысли Осетии — революционно-демократического, представляемого Коста Хетагуровым, и либерально-монархического во главе с Гаппо Баевым.

Коста требовал от писателя серьезного, вдумчивого отношения к жизни и литературе. В письме к А. А. Цаликовой, характеризуя молодого писателя Александра Кубалова, он упрекал его за то, что у него нет тихой вдумчивости в смысл и цель жизни и поэзии.

Одним из современников Коста Хетагурова был Георгий Михайлович Цаголов — видный публицист и поэт. Коста внимательно следил за развитием его дарования, за его выступлениями в печати. Однако он не прощал Г. Цаголову и его ошибок.

В письме к А. А. Цаликовой Коста писал: «...Цаголов поместил довольно большую статью в газете «Северный Кавказ», где критикует деятельность осетинской интеллигенции... Впечатление от нее, как и от всех, затрагивающих туземные вопросы, его писаний самое отвратительное. Он меня давно ими возмущал...» (III, 508). «Я не удержался, — пишет далее Коста, — и послал в «Казбек» возражение в довольно резкой форме, в надежде вылечить его». К. Хетагуров имеет в виду свою статью «Избави бог и нас от таких судей», опубликованную в 1900 году в газете «Казбек». В этой статье Коста выступает против некоторых положений статьи Г. Цаголова «Культурное движение среди осетин». В частности, он возражает против утверждения Г. Цаголова, что пионеры осетинской куль-

¹ Иронами называют осетины себя.

туры середины XIX века (речь идет о лицах духовного звания из осетин) якобы не щадя своих сил работали на благо народа (III, 125).

В той же статье Коста полемизирует с Г. Цаголовым по вопросам осетинского стихосложения. Имея в виду свои стихи, Коста пишет, что он вовсе не придерживался тонического стихосложения, как утверждал Г. Цаголов, что его осетинские стихи «написаны общеизвестными формами метрического стихосложения: ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль» (III, 133).

Надо сказать, что критикуя Г. Цаголова, Коста переоценивает значение сельских банков и кооперативных организаций того времени. Эти банки и общественные амбары создавались в конечном счете в интересах сельской буржуазии, зажиточных крестьян и кулаков. Эта сторона их деятельности не учитывалась поэтом.

Высказывания Коста Хетагурова по вопросам литературы и языка являются образцом принципиальной борьбы за глубоко идейные и высокохудожественные произведения и свидетельствуют о том, с каким высоким чувством ответственности он решал историческую задачу развития осетинской художественной литературы и осетинского литературного языка.

* * *

Замечательные традиции Коста Хетагурова были подхвачены и развивались целой плеядой талантливых поэтов и писателей, современников великого певца горцев.

Наиболее значительный вклад в литературу в рассматриваемый период внесли Сека Гадиев и Блашка Гуржибеков. Поэзия и проза С. Гадиева отразили, главным образом, борьбу трудового крестьянства против феодальной эксплуатации, за социальное освобождение. В творчестве же Б. Гуржибекова показано зарождение капиталистических отношений и их тлетворное влияние на людей. Начало литературной деятельности двух других современников Коста — Георгия Цаголова и Арсена Коцоева — относится к 90-м годам

XIX века, однако их творчество расцвело в девятидесятых годах, и будет рассмотрено нами в разделе, посвященном литературе 1905 — 1907 гг.

Сека Гадиев в осетинской литературе известен как поэт и прозаик. Он родился в 1855 году в ауле Ганис, расположенном в Гудском ущелье по Военно-Грузинской дороге. Отец его Куцыри, по свидетельству биографа Сека Гадиева¹, был неграмотным, но мудрым человеком. На его долю часто выпадала роль ходатая по общественным делам. Куцыри понимал значение просвещения и старался дать своему сыну образование, но этой возможности он не имел. Сека, как и дети других бедных горцев, с малых лет испытал тяжесть жизни. Вместе с одноаульцами ему пришлось работать по прокладке и ремонту Военно-Грузинской дороги, заготавливать щебень для шоссе, а в зимние морозные дни расчищать дорогу от снежных завалов. Тяжкий труд вознаграждался мизерной платой.

Но велика была тяга будущего писателя к знаниям, и он использовал все возможности, чтобы выбиться в люди. В формулярном списке о службе псаломщика осетинской церкви в сел. Гизель С. Гадиева за 1902 год говорится, что он «в училищах не обучался, чтению, пению и церковному уставу учился при душевской николаевской церкви и держал экзамен на права, дающие ему занимать псаломщическую должность, в городе Тифлисе в 1872 году 23 октября».²

Как выясняется из этого списка, С. Гадиев был назначен псаломщиком в гудскую церковь в 1873 году и прослужил там около десяти лет. Церковная служба не принесла ему достатка. С. Гадиев не отрывался от унаследованного им клочка пахотной земли, «он

¹ Основные биографические сведения взяты из статьи сына Сека, писателя и литературоведа Цомака Гадиева «Сека Гадиев — осетинский поэт-самоучка», опубликованной в Известиях Горского педагогического института в 1929 г. Рукопись статьи хранится в архиве СОНИИ.

² См. формулярный список о службе псаломщика С. Гадиева за 1902 год, архив СОНИИ, ф. Сека Гадиев.

с потом и кровью вырывал свой черствый ячменный хлеб с клочков своей пашни».¹

Стремясь избавиться от нужды и добиться сносной жизни для довольно большой семьи, Сека решил переселиться в Северную Осетию. Он получил должность псаломщика и служил в осетинских плоскостных селениях: в Дарг-Кохе (в 1882 году), Батакоюрте (в 1885 году), а потом в селении Гизель.

Надежды на приобретение земельного участка и лучшую жизнь не оправдались. Сека по-прежнему испытывал и материальную нужду, и служебный гнет. Ему приходилось унижаться перед высшими чинами, перед алчными церковнослужителями. Его детям, как и ему самому, пришлось батрачить. Об этом он часто вспоминает в своих произведениях. В частности, в поэме «Одинокий», носящей автобиографический характер, поэт с горечью рассказал о мытарствах, пережитых им.

Всю свою жизнь С. Гадиев провел в гуще трудового народа, среди бедноты. Непосредственное общение с массами положительно сказалось на его творчестве, которое пронизано духом протеста против феодального гнета, идеями свободы, чувством любви к трудящимся. Но, с другой стороны, он по роду своей службы был связан с духовенством, и это тоже оказало известное влияние на литературную деятельность писателя. В последние годы своей жизни он стал владельцем небольшого дома во Владикавказе. Сека приближается к высшим кругам духовной интеллигенции, активно сотрудничает в журнале осетинского духовенства «Христианская жизнь», печатает на его страницах стихотворения либерально-проповеднического толка. Но не эти идейные срывы и заблуждения писателя определяют его творческий облик. Лучшие произведения Сека глубоко реалистичны, оптимистичны, дышат пафосом освободительной борьбы, пафосом борьбы против пережитков феодально-родо-

¹ Гадиев Цомак, Сека Гадиев — осетинский поэт-самоучка, Известия Горского педагогического института, т. V, Владикавказ, 1929, стр. 235.

вого строя. Они входят в золотой фонд осетинской литературы.

Умер Сека Гадиев 21 июля 1915 года.

С. Гадиев не был писателем-профессионалом. Тем не менее им написано множество стихотворений и басен, рассказов и пьес. Он собирал и записывал осетинские народные поговорки, прибаутки, крылатые фразы, сказания и предания, живо интересовался историей Осетии, изучал грузинские исторические источники.

С. Гадиев не датировал свои произведения, но первый биограф писателя — Цомак Гадиев — предполагает, что С. Гадиев начал писать в конце 70-х годов XIX века, доказывая это тем, что на произведениях, написанных в этот период, еще не видно влияния Коста Хетагурова, тогда как в 90-х годах и позже С. Гадиев испытал благотворное воздействие великого осетинского поэта. Первые произведения Сека, пишет Цомак Гадиев, навеяны устной народной поэзией. И в самом деле, его творчество исключительно оригинально и свободно от традиционных литературных канонов.

Сборник стихотворений и басен Сека Гадиева «Ирон фиййау» («Осетинский пастух») вышел в свет в 1905 году.

С этого времени С. Гадиев систематически печатается в осетинских газетах и журналах: «Ирон газет» («Осетинская газета»), «Ног цард» («Новая жизнь»), «Зонд» («Разум»), «Чырыстон цард» («Христианская жизнь») и др.

Наиболее зрелые и совершенные произведения С. Гадиева полны горестных раздумий о социальном положении осетинской бедноты. Горе и страдания народа составляют их содержание, заставляют поэта братья за перо, рождают в его сердце гнев и ненависть к угнетателям. Картины, подобные той, которая нарисована им в стихотворении «Сердце бедняка», столь близком хетагуровскому одноименному стихотворению, были обыденными и страшными в своей обыденности. Поэт передал в них суровую правду жизни:

Ой, тяжелы заботы,
Ой, доля не легка!
И даже для работы
Нет сил у бедняка.
Жена и дети голы,
Ни корки хлеба нет,
Бедняк с тоски и горя
Сам высох, как скелет.

.....
Уносит саклю ветер,
А ночь темным-темна,
Спросонок плачут дети,
Бедняк лежит без сна...

(Перевод А. Аксеновой-Мар)¹.

Аллегорический образ поработенной родины создается поэтом в стихотворении «Мое дерево». Дерево жаждет цвести, развиваться, крепнуть. Но ему не дано желанной свободы. Оно зимой леденеет от стужи, летом томится под лучами знойного солнца, ливни и бури ломают его ветви. На него взбираются и курица, и маленькая птичка, и даже муравей. А дерево, пишет с горечью поэт, все терпит и стоит безмолвно, как немое.

Озабоченный судьбой народа и родины, Сека мечтает о светлом будущем, ищет пути, ведущие к нему. Не случайно в стихотворении «Жизнь в нашу эпоху» он обращается к своей лире с просьбой рассказать о том, «как нам жить без земли, без воды? Чем нам питаться?» С. Гадиев не мог равнодушно созерцать окружающую его мрачную действительность. Горе народа было его горем, страдания народа — его страданиями. Он видел миссию поэта в том, чтобы показывать жизнь правдиво, ничего не приукрашивая, учить людей жить и бороться за свои права. Этим принципам реализма он никогда не изменил. Совершенно очевидно, что эти мотивы и убеждения в творчестве и мировоззрении С. Гадиева возникали не без влияния Коста Хетагурова. С. Гадиев благоговел перед великим поэтом — выразителем дум и чаяний народа. В стихотворении, посвященном Коста Хетагурову, С. Гадиев писал:

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 121.

Для нашей темной страны он был полнолунием,
Его советы озарили ярким светом наши мрачные горы.
(Подстрочный перевод)

Верность Сека традициям К. Хетагурова проявилась и в том, что он непоколебимо верил в счастливое будущее народа. Поэт писал:

Я верю впервые,
Что день тот наступит,
Что горести злые
С лихвою искупит.
Я верю, что счастья
Не тщетно мы просим,
Ведь после ненастья —
Погожая осень.

(«Ненастье», перевод А. Ахматовой)¹

Верность Сека традициям К. Хетагурова проявилась и в том, что он убежден — «погожая осень» не наступит сама по себе, что угнетенный народ не добьется лучшей доли без борьбы. Об этом говорила многовековая история народа, изобилующая фактами героической борьбы за освобождение. Перед взором поэта вставал легендарный образ народного героя Чермена, который одним из первых поднял карающий меч против землевладельцев-алдаров, бесстрашно выступив на борьбу в защиту бедноты. По мотивам широко распространенной народной песни о Чермене он пишет стихотворение «Чермен». Воспевая Чермена, поэт звал народные массы следовать его примеру и бороться за свои поправленные права.

Мотивами свободолюбия, жгучей ненависти к злу полны и басни С. Гадиева. Сюжеты для них он большей частью брал из осетинского фольклора. Высмеивая различные пороки людей жадных, корыстолюбивых, разоблачая деспотизм и произвол царских чиновников и алдаров, поэт не расставался со своим идеалом, возвышенным и прекрасным. В басне «Козел и серна» поэт возвращается к излюбленной теме, выражая безмерную любовь к свободе, бичуя раболепие и рабство. Козел упрекает серну в том, что она

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 123.

все время носится по горам, и советует ей спокойно жить в хлеву, как живет он сам.

Но молодая серна
Советами козла
Была возмущена безмерно:
— Как ты посмел такое мне сказать?

Как мог темницу сладкой ты назвать?
Нет! Я пойду своей дорогою крутой,
Не соблазнясь рабской долей.
Уж лучше бедным быть, да жить себе на воле,
А не в тюрьме, хотя б и золотой.
(Перевод Арга)

Таковы основные мотивы поэзии Сека Гадиева.

Поэзия Сека, особенно начального периода, развивалась в русле народно-поэтических традиций. Он заимствовал строй народного стиха. Для него важно было лишь сохранение количества слогов в рифмующихся стихах. Ударные слоги располагаются свободно, ударение может падать на любую долю стиха. Рифме поэт придает большое организующее значение. Рифмуемые слова находятся под определенным ударением и в соответствии с этим образуются мужские, женские или дактилические рифмы. Имеются у Сека и силлабо-тонические стихи, в которых ударные слоги распределяются в стопах равномерно, но таких произведений у него значительно меньше. Если Коста Хетагуров ритм и музыкальность силлабо-тонического стиха часто усиливает полнозвучными гласными, на которые падает ударение, то у Сека Гадиева мы этого не наблюдаем. Цомак Гадиев писал, что С. Гадиев не владел русским языком настолько, чтобы творчески освоить богатейший опыт русского стихосложения, как это удалось сделать Коста Хетагурову. Стихи Коста написаны на основе силлабо-тонической системы, или, как он сам говорил, «общеизвестными формами метрического стихосложения». а поэтические произведения Сека писались большей частью на основе силлабического стихосложения.

По утверждению Цомака Гадиева, для Сека «существовало лишь три правила: дай приподнятую

художественную речь, дай одинаковое количество слогов в соответствующих стихах и рифмой соответствующей рифмой — смежной, перекрестной и пр.»¹ Биограф приводит свой разговор с отцом о правилах стихосложения. Цомак Гадиев решил ознакомить Сека с тоникой, и когда речь зашла о размерах, Сека ответил ему: «Разве эта мудрость лучше свободной и плавно текущей речи?.. Оставь меня с моими собственными правилами. Где уж мне угнаться за учеными писателями?» И Сека добивался образности яркой художественностью речи, афоризмами, в которых заключена мудрость народная, сравнениями, эпитетами, метафорами и пр., которые рождались в результате его наблюдений и великолепного знания жизни, быта, природы Осетии, а также черпались из неистощимого родника народной поэзии.

* * *

Проза Сека Гадиева, как и его поэзия, одухотворена гуманистическими идеями. Судьба бедного крестьянства и здесь остается в центре внимания писателя. Кровная заинтересованность в преобразовании жизни и человеческих отношений естественно заставляла Сека задумываться над прошлым народа, обостряла его взгляд. Его восприятию были доступны и острые классовые отношения, и интимные переживания простых людей, на которых накладывал свой отпечаток мир насилия, неравенства, деспотизма. Стремясь показать прошлое, он обращался к историческим преданиям и былям и, обрабатывая их, придавал им яркую художественную форму. И к какому бы периоду не относились события, описываемые в рассказах С. Гадиева, о чем бы он ни писал, его симпатия всегда были на стороне угнетенных.

Рассказ «Арагвийский князь Нугзар» отразил стихийное выступление трудящихся крестьян против

¹ Гадиев Ц., Сека Гадиев — осетинский поэт-самоучка, Известия Горского педагогического института, Владикавказ, 1929.

нечеловеческого феодально-крепостнического гнета и насилия. Основной герой произведения — народная масса. Она еще не организована, ее выступление против социальной несправедливости вызвано притеснениями князя. Этой массе присущи глубокие противоречия, она не всегда решительна в борьбе, над ней тяготают предрассудки и суеверия. Все это соответствует исторической правде, классовой природе крестьянства в тот период. Но писатель правдиво показал и другой закономерный процесс — процесс роста его классового самосознания и воинствующего духа; взрыв гнева и ненависти к насильнику — лучшее тому свидетельство.

Писатель создал образ алдара-крепостника, жестокости которого не было предела. Нугзар натравливал жителей одного ущелья на жителей другого, истреблял целые селения, когда они не подчинялись ему и отказывались платить дань. Князь приказал собрать всех детей одного горного селения на площадь и растоптал их копытами коней.

«От плача и стенаний этих малышей, — пишет Сека Гадиев, — скала могла растаять, превратиться в слезу, но алдар лишь улыбался из-под своих усов, не испытывая никакого чувства жалости».

Князь заставил бедную женщину-крестьянку кормить грудью породистого щенка, а ее ребенку разможил голову о камень, чтобы щенку оставалось больше молока.

Злодеяниям князя пришел конец. Народная кара не миновала его. Писатель зовет своим произведением к борьбе, вооружает читателя верой в свои силы.

Сека Гадиев и в ряде других рассказов обнажает растленную сущность угнетателей народа, показывает их бесчеловечность и звериную злобу к бедноте. В рассказе «Вдова» алдар отбирает у бедных родителей — Глаха и Марты — сына и дочь и продает их. Стоило бедным родителям попытаться лишь возразить, — и он приказал избить их. От побоев мать этих детей скончалась, а через несколько дней умер и отец.

Страшные сцены дикости князей описаны и в рассказе «Мать и сын».

Насилия и поборы вызывали консолидацию сил крестьянства. В то же время шел процесс классовой дифференциации внутри крестьянской общины. «Одни по воле князя, — пишет Сека в рассказе «Арагвийский князь Нугзар», — сидели на шее бедняков, наживались трудом народа. Другие же, изнемогая под тяжестью своей ноши, умирали с голоду».

Этот процесс обострял классовую борьбу, нередко приводившую, как это показано в названном рассказе, к бурным выступлениям против притеснителей.

С неменьшим интересом писатель изучал и изображал человеческие отношения, выступая во имя свободы чувств, раскрепощения женщины, против патриархально-родовых адатов и угнетения личности. Его рассказ «Азау» — это повествование о беззаветной любви юноши и девушки, растоптанной людьми, ослепленными родовыми пережитками.

Азау всем сердцем любит Таймураза, который в ней души не чает. Однако им не суждено обрести счастье. Юноша не в состоянии уплатить калым, потребованный родителями Азау, и это встало непреодолимым препятствием на их пути. Девушка в душе протестует против реакционных обычаев, жаждет свободы, пытается разорвать цепи неравноправия. Но Азау не в силах изменить что-либо в закостеневших реакционных обычаях старины. Понимая свое бессилие, она колеблется. Душевная борьба девушки, отрешившейся от патриархального мира, завершается знаменательно: Азау порывает со старым миром, и это возвышает ее над ним. Ее любовь беззаветна, она, несмотря на испытания, остается непоколебимо верной своему чувству. Ряд лет безмолвно терпит Азау нелюбимого мужа, надеясь встретиться с сердечным другом. И когда, будучи уже немолодой женщиной, узнает, что ее любимого нет в живых, отправляется на кладбище и умирает на его могиле.

Мотив чистой любви, глубокого и сильного чувства звучит во многих рассказах С. Гадиева. Его положительные герои любят искренне, беспредельно и неизменно, высокими побуждениями бросая вызов затхлому патриархальному миру.

Молодая красивая девушка Залда из одноименного рассказа разлучена с любимым человеком, продана родителями за большой калым другому. В доме нелюбимого мужа она чувствует себя, как в аду; ни угрозами, ни ласками не может Зарбег покорить ее сердце. Залда бережет свою горячую любовь для другого, для своего друга детства Кази. Зарбег погибает от пули Кази, не нашедшего других средств борьбы за свое право на счастье. Никто, кроме Залды, не знает причины смерти ее мужа. Власти арестовали ее, обвинив в убийстве Зарбега, и сослали в Сибирь. Она гибнет, но не выдает любимого человека.

Писатель с возмущением клеймит отвратительные обычаи, превращающие человека в предмет купли и продажи, бичует родителей, которые исповедывали реакционные убеждения и не стыдились продавать детей. Манидза — героиня рассказа «Садулла и Манидза» — передовая для своего времени девушка. Она знает, что у других народов — русских и грузин — нет обычая брать за девушку калым. «По адату, — говорит она, — выйти замуж без калыма у нас считается позором... Что же должен делать бедняк, где ему найти сорок-шестьдесят коров для калыма?» Манидза не может примириться с тем, что ее судьбой, ее счастьем распоряжаются родные, а не она сама.

Идеал С. Гадиева — свободная любовь. Если девушка и юноша любят друг друга, то никто не имеет морального права препятствовать им строить свое счастье.

Этой мыслью пронизан и рассказ «Садулла и Манидза». Любя друг друга, Садулла и Манидза благодаря трудолюбию и честности создали счастливую семью. Преодолевая трудности крестьянской жизни, они стали зажиточными. Писатель, конечно, чрезмерно идеализирует жизнь Садуллы и Манидзы, она выглядит идиллической.

Стремление к свободе — один из главных мотивов творчества С. Гадиева, одна из основных черт его героев. Очень характерным для его творчества является образ вольнолюбивого молодого человека Ту-

гана (рассказ «Мать и сын»). Князь приблизил Тугана к себе, осыпал его милостями, ни в чем ему не отказывал. Но Туган — сильная натура — понимает, что зависим от князя, что тот ласков только с ним, а с другими поступает как самый безжалостный деспот. Ему не мила роскошная праздная жизнь. «Что бы там ни было, — заявил он, — я предпочитаю быть на свободе, если даже мне придется голыми руками месить глину и известь, чем жить рабом и одевать золотые одежды».

Туган убегает с матерью от князя-деспота. Скрываясь от его лазутчиков, мать и сын испытывают невероятные трудности: долгую холодную зиму они проводят вдали от людей, в пещере. Когда их местопребывание было обнаружено, Туган предпочел смерть кабале.

С. Гадиеву часто приходилось наблюдать лицемерие и лживость церковнослужителей, продажность и корыстолюбие царских чиновников, и он не мог не отразить свои впечатления, наблюдения, знание быта и нравов духовенства и администрации в рассказах и стихах. Всюду царила круговая порука, процветало мздоимство. В угоду сословным интересам и личной выгоде священнослужители за определенное вознаграждение продавали свою совесть, оказывая всякие услуги чиновничеству и знати (рассказ «Дыса»). Не уступают им и сами чиновники. Вот перед нами уездный чиновник-взяточник Пиран. Пиран вертится между администрацией и населением в качестве переводчика. От тех, кто вынужден бывает обратиться к нему за посредничеством по какому-либо вопросу, он требует крупных взяток, будто бы для передачи начальнику. У него выработалась особая терминология, своеобразный стиль речи: «Рана вылечивается мазью», — говорит Пиран; или: «На пустую ладонь и птица не сядет».

Эти пираны дожимали бедных крестьян не только взятками. Ростовщик выдает по векселю деньги неграмотному крестьянину. Должник к сроку возвращает их с процентами, но не догадывается взять свой вексель. Пользуясь этим, через некоторое время с

помощью царских чиновников с него вторично взыскивают ту же сумму (рассказ «Айса»).

С. Гадиев видел, как богачи, попы, чиновники, знахари и пр. обируют трудящихся крестьян, затемняют их сознание, подвергают их унижениям и оскорблениям, и поднимал свой голос в защиту справедливости. Творчество писателя питалось прогрессивными идеями, служило прогрессивным целям. Однако его мировоззрение было исторически ограниченным. Не понимая законов развития общества, он порой приходил к мысли о возможном примирении богатых и бедных, князей и рабов и мечтал о том времени, когда они начнут жить единодушно (стихотворение «О, если бы»)¹. Он считает, что народ сам должен выбирать предводителей, начальников, управляющих, которые хороши были бы для всех слоев населения. Характерна в этом отношении басня Сека, в которой говорится о том, как лев назначил волка надсмотрщиком стада овец, опросив других зверей, но не поинтересовавшись мнением стада.

Говоря о мировоззрении С. Гадиева, надо иметь в виду два периода его жизни и творческой деятельности. Первый период — до первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., и второй период — с 1908 по 1915 год. После поражения революции, в период реакции писатель стал отходить от прогрессивно-демократических позиций, он пишет стихотворения христианско-проповеднического содержания, буржуазно-либерального толка («Пророк», «Памяти священника Моргоева», «Голос кавказского воина», «Свет» и др.). Растерянность, сомнения одолевают порой Сека. В стихотворении «Птичка оплакивает своего птенца» он в аллегорической форме высказывает свои мысли и чувства, вызванные арестом и ссылкой в Сибирь за революционную деятельность его сына Цомака Гадиева.

Говорила тебе — не лети, ты пока еще молод,
Ты пока еще не знаешь повадок ненастья...

¹ Сборник стихов «Осетинский пастух», Владикавказ, 1905, стр. 30.

Взгляни на поля, — там лишь солома, побитая градом,
Там маленькие птенцы мучаются.
(Подстрочный перевод)

Отрицательные последствия имело и участие писателя в реакционном журнале «Христианская жизнь» (1911 — 1915 гг.). Произведения, написанные в годы его сотрудничества в этом журнале, не оставили какого-либо следа в истории осетинской литературы. Свои лучшие произведения Сека Гадиев написал до революции 1905 — 1907 гг. и в период ее. Подавляющее большинство их прививало осетинскому читателю любовь к родине, к трудовому народу, к свободе, ненависть к эксплуататорам и угнетателям. Именно они определяют прогрессивно-демократический характер его творчества, именно в них наиболее полно выражено его мировоззрение.

Сека Гадиев — один из зачинателей художественной прозы на осетинском языке. Он обогатил осетинскую литературу целым рядом законченных художественных образов. Бесправный бедняк, угнетаемый алдарами и богачами, чиновниками и попами, является центральной фигурой в его произведениях. Писатель показал не только бедственное положение трудящегося, но и то, как он начинает прозревать и бороться за свои права. Положительные герои Сека — честные труженики. Они гуманны, добры и свободолюбивы. Им чужда рабская покорность, они отстаивают свои интересы, защищая свою честь и права, они смело идут на смерть. Таковы Туган (рассказ «Мать и сын»), тихий и добрый, но не терпящий унижения старик Дауита (рассказ «Айса»), молодой пастух Ахмат (из того же рассказа), народный герой Чермен из одноименного стихотворения и др.

С. Гадиев создал образ народа-борца. Подавленный и угнетенный трудовой народ сохраняет чувство свободы, стремится к счастью, с оружием выступает против князей (рассказ «Арагвийский князь Нугзар» и др.).

С. Гадиев создал галерею замечательных женских образов — Азау, Залда, Дыса, Манидза, Сафират. Это честные труженицы, наделенные душевной

красотой, силой, способные поспорить с ревнителями реакционных адатов, ненавидящие социальный гнет, заговорившие о своем праве на счастье и человеческие права. Они отрешены от социальных отношений и борьбы, но их мужество в отстаивании элементарных свобод личности поражает читателя.

Человечным, добрым, мужественным простым людям противостоят в произведениях Сека Гадиева алдары, князья и их сатрапы: Нугзар, Дзимсер, Теджиа и другие, проявляющие человеконенавистничество, злобу и трусость. Насколько честны, благородны, великодушны представители трудового народа, настолько же бесчестна, жестока, развратна знать.

Произведения Сека Гадиева во многом способствовали обогащению и развитию осетинской литературы. Его творчество немыслимо без осетинского народного творчества. Фольклор и жизнь народная — это та стихия, которая породила Сека. В его прозе мы ясно различаем такие художественные особенности нартских сказаний, как простая, но емкая композиция, несложный синтаксис, лаконичный, выразительный диалог, динамичность действия, яркое содержательное описание.

Как правило, повествование в рассказах С. Гадиева преобладает над описанием, автор больше рассказывает о событиях, о своих героях, чем показывает их в художественно-описательных картинах. Характер героя чаще всего раскрывается в авторском повествовании. Излюбленный прием писателя — рассказать историю жизни своих героев (рассказы «Вдова в трауре», «Мать и сын», «Садулла и Манидза» и др.). При этом автор нередко вводит в фабулу основного повествования еще побочный рассказ или эпизод, который способствует раскрытию авторской идеи. Так, в фабулу рассказа «Садулла и Манидза» включен эпизод, рассказанный одной из героинь. Этот эпизод мог бы стать самостоятельным рассказом, но автор использует его здесь, чтобы показать, к каким трагическим последствиям приводит выдача девушки замуж за нелюбимого человека.

Мы не говорим, что С. Гадиев вовсе игнорирует

описания и их роль. Он мастерски рисует бытовые сцены и картины, пейзажи и портреты героев.

С. Гадиев для показа душевного состояния своих героев часто прибегает к описанию картин природы. Писатель поэтически олицетворяет природу, стремясь передать настроение, перспективы развития событий и судеб героев. Вот в рассказе «Залда» встречаются любящие друг друга молодые люди — Кази и Залда. «Кази спускался с горы и на полпути встретил Залду, шедшую ему навстречу. Присели они у тропинки на бархатной траве. Очень много было у них такого, о чем могли поговорить, но они молча смотрели друг на друга. Наконец, Кази промолвил: «Что за райский час!» — и обнял Залду. Они прильнули друг к другу... Восточный ветерок слегка дышал и покачивал черные локоны Залды. Прямо над ними застыл клочок облака и заслонил двух влюбленных от палящего солнца. Весенние птички щебетали над ними, благославляя их. Поблизости бежал чистый горный родник и тихо подпевал их влюбленным голосам. В ясный летний день солнечное тепло согревает сердце, ласкает его».¹

Труд писателя-самоучки Сека Гадиева — крупное явление в истории осетинской дореволюционной литературы.

Ряд замечательных образов создан другим современником Коста — Блашка Гуржибековым.

Блашка (Власий Иванович) Гуржибеков родился 1 марта 1868 года в станице Ново-Осетинской, Северной Осетии, в семье офицера русской армии. Окончив Павлодольское начальное училище, Б. Гуржибеков был определен в Ставропольскую гимназию, но не окончил ее. Поступив в военное училище, он стал офицером и позже участвовал в русско-японской войне. Погиб на фронте 18 июня 1905 года.

До Октябрьской революции творчество Б. Гуржибекова было очень мало известно. В 1905 году в «Терских ведомостях» (№ 144) была опубликована телеграмма полковника Баратова о том, что «при

¹ Гадиев Сека, Сборник произведений, Дзауджикау, 1947, стр. 66, подстрочный перевод.

штурме укрепленной позиции японцев... пал смертью истинного героя подьесаул Гуржибеков...» Примерно через год в двух номерах той же газеты появилась большая статья того же Баратова «Памяти подьесаула Власия Ивановича Гуржибекова»¹. В этой статье Б. Гуржибеков характеризуется как честный и храбрый офицер, подробно описываются обстоятельства, при которых он погиб, но о его творчестве в ней ничего не говорится. В 191-м номере «Терских ведомостей» имеется небольшое сообщение «О чествовании памяти Гуржибекова», перепечатанное из газеты «Голос Кавказа». Тело поэта было перевезено из Маньчжурии на родину, в станицу Ново-Осетинскую. Газета сообщает, что у могилы поэта читались его стихи, произносились речи, много говорилось о нем, как о храбром офицере, достойном человеке, хорошем поэте. Среди тех, кто помянул Гуржибекова добрым словом, был известный русский ученый-осетиновед, академик В. Ф. Миллер.

В 1905 году в № 295 «Варшавского дневника» был опубликован небольшой некролог о Б. Гуржибекове, перепечатанный потом «Историческим вестником»². Автор некролога отмечает даровитость Б. Гуржибекова, пишет, в частности, что он «сочинил много стихов лирического и эпического содержания и, помимо того, перевел на осетинский язык почти все произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и других знаменитых русских поэтов». Это утверждение вызывает сомнение: едва ли Б. Гуржибеков мог перевести так много произведений русских поэтов. Известен только его перевод стихотворения Лермонтова «Тамара».

Внимания заслуживает также статья, опубликованная еще при жизни Б. Гуржибекова в газете «Терек»³. Автор статьи критикует некоторые стихи поэта, совершенно правильно указывает, что у него рифма

¹ «Терские ведомости», 1906, № 150, 151.

² «Исторический вестник», 1905, декабрь, стр. 1121.

³ Новости осетинской литературы, газета «Терек», 1904, 20 января.

главенствует над мыслью, и делает вывод: «Ошибка поэта... в том, что силу поэзии он полагает в звучных окончаниях». Критик положительно отзывается о поэме «Очаровательная красавица» и комедии «Глупец», особенно о последней, говоря, что она будет пользоваться успехом «как вещь, трактующая об интересах дня и не лишённая поэзии».

Ни в одной из названных статей не вскрыты социальные корни творчества Б. Гуржибекова, не раскрыты идейное содержание и художественные особенности его творчества. Только в советское время в журналах, газетах и школьных хрестоматиях появились статьи, авторы которых пытаются оценить его творчество и определить место поэта в осетинской литературе.

Б. Гуржибеков начал писать в 90-х годах XIX века. Его произведения: поэма «Очаровательная красавица», «Дигорские произведения» (сборник стихов) и комедия в стихах «Глупец» изданы отдельными брошюрами в 1902 — 1904 годах в гор. Владикавказе.

Б. Гуржибеков стоял на позициях критического реализма, но ранние произведения его не лишены духа романтизма. В этом отношении характерны поэма «Очаровательная красавица», стихотворение «Абрек» и др.

Поэма «Очаровательная красавица» посвящена теме эмансипации женщины, теме борьбы добра со злом, против крепостничества. Главный герой поэмы, сын бедного слепого певца Батрадз встречается с красавицей Саниат. Она влюбляется в него, признается ему в своем чувстве, но при этом сообщает, что находится во власти злого духа Авдиу. Он уничтожает ее женихов и не позволяет ей выйти замуж. Батрадз, полюбив красавицу Саниат и желая освободить ее, отправляется на поиски этого злого духа. В жестокой схватке, при помощи чудесной шапки, подаренной ему одним земледельцем, Батрадз одолел злого духа, спас свою возлюбленную, освободил из неволи много девушек, превращенных Авдиу в рабынь.

Поэт создал романтический образ бесстрашного юноши. Батрадз наделен лучшими чертами, прису-

щими героям произведений народного творчества. Он — вдохновенный певец, скромн и честен, смел и горяч. Именно за все это он любим народом, за эти качества полюбила его и красавица Саниат, свободолюбивая девушка, чье сердце полно горячей любви и верности.

Злого духа Авдиу Б. Гуржибеков нарисовал такими красками, что тот вызывает отвращение не только как олицетворение зла, но и своим внешним видом:

Его живот — как бурдюк,
Его лицо — одни морщины,
Его туловище — как бы камнями сложено,
Его борода — бурьян...

(Подстрочный перевод)

Идеи свободы, борьбы за освобождение женщины от рабства положены в основу поэмы, занимающей в творчестве Б. Гуржибекова большое место.

В поэме «Очаровательная красавица», при всех достоинствах, не показаны социальные противоречия в жизни общества. Б. Гуржибеков изобразил борьбу добра со злом в абстрактной форме. Автор уходит от реальной жизни в сказочный мир, ничего не говорит о социальном гнете, о реальных причинах, которые ставят женщину в кабальное положение.

Самым значительным произведением Б. Гуржибекова является комедия «Глупец», в которой, по утверждению самого автора, изображается, как богатые родители из «простого» народа, Царуговы, хотели женить своего глуповатого сына на единственной дочери «благородных», но бедных родителей — красавице Хангуассе». В двух частях комедии показаны две семьи: с одной стороны, Царуговы — Царай, его жена Тезада и их глупый сын; с другой стороны — Борхаевы — Базай, его жена Губадта со своей красивой и умной дочерью Хангуассой.

Царай Царугов, выходец из низшего сословия, из зависимых крестьян, разбогател. Он понимает значение богатства в этом мире и гордится им. Как представитель зародившейся сельской буржуазии, Царай не признает деления общества на знатных и незнатных, родовитость для него ничего не значит, он осуж-

дает образ мыслей и чванливость осетинских и кабардинских князей. Возражая жене, которая происходила из знатной фамилии, он говорит, что незачем уподобляться гусям из басни Коста Хетагурова и без конца твердить о своей знатности. Ему неприятна спесь представителей родовитых фамилий.

Вся наша исконная знать
Лишь честью своей торговала,
Умела врагам угождать,
А родину разоряла!
Нередко в ушелье глухом,
Со сбродом разбойничьим схожи,
Они, со взведенным курком,
В ночи поджидали прохожих!

(Перевод И. Грушецкой)¹

Но если Царай еще проявляет здравый смысл и человеческие чувства (критическое отношение к знати, понимание несправедливости женитьбы сына-глупца на умной красивой девушке Хангуассе), то его жена Тезада лишена и этих черт. Она твердо решила женить своего никчемного сына на красавице. Никто и ничто не в силах убедить ее в несправедливости такого брака: ни доводы мужа, ни явно глупые выходки сына. Пусть Борхаевы — знатные люди, все заранее учтено ею, она твердо надеется на свой сундук денег.

К. Маркс, говоря о силе денег в буржуазном обществе, приводит отрывок из «Фауста» Гёте и комментирует его так: «Все, что существует для меня благодаря деньгам, все что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег. Насколько велика сила денег, настолько же велика и моя сила... Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину: и, значит, я уже не уродлив, ибо, действие уродства, его отпугивающая сила, сведена на нет деньгами»².

Такова психология людей, владеющих деньгами,

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 158.

² Маркс К. и Энгельс Ф., Об искусстве, М., 1938, стр. 68.

так рассуждают и богатые Царуговы. Когда Царай говорит жене, что их сын дурачок, бог не наделил его умом, и никто не согласится выйти замуж за такого, Тезада отвечает: «Да, но учитывай эпоху», — и продолжает:

Дом наш полон богатств,
И никто не может пренебречь нами.
Сейчас тот держит голову высоко,
У кого мешок полон золота.

(Подстрочный перевод)

Бессердечная, но умеющая ориентироваться в условиях жизни, Тезада убедила мужа послать сватов к красавице Хангуассе. При этом она использует власть денег, щедро наградив болтуню и сплетницу Олмес, которая оказала ей ряд услуг, помогла добиться своего. Даже главный «герой» комедии, глупый сын Царуговых — Ахсниф, с которым мы знакомимся в момент, когда он, предвкушая радость женитьбы на Хангуассе, распевает глупые песенки и пританцовывает, почувствовал силу денежного мешка и часто говорит о богатстве своего отца.

Во второй части комедии показана семья Борхавых. Бадзай Борхав, человек знатного происхождения, обеднел и, взвесив свое положение, согласился выдать, а вернее, продать свою дочь за полоумного сына Царуговых. Он заставил склонить «гордую» голову своей жены — матери Хангуассы, которая в конце концов соглашается отдать любимую дочь богатому глупцу за хороший выкуп. Хангуасса попробовала было протестовать против насилия над ее волей, но что она могла противопоставить всеильному денежному мешку? «О этот глупец, богатый глупец!» — вырывается из ее груди вопль, выражающий и ее возмущение, и ее бессилие.

В произведениях Гуржибекова нашли отражение общественные отношения периода развития капитализма в Осетии после крестьянской реформы 1861 года. Это была эпоха, когда крестьянин «становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождав-

шегося капитализма».¹ Этот процесс показан в комедии в ярких и типичных образах Царая, его жены Тезады, а также в характерном для отживающего свой век феодального общества образе Губадты, матери Хангуассы.

Свой идеал женщины поэт воплотил в образе Хангуассы. Эта передовая девушка придерживается прогрессивных взглядов, высоко ценит знания, учебу, выступает против суеверий, считает труд не зазорным для себя делом. Когда до Хангуассы дошли слухи о намерении Царуговых засватать ее за своего сына-дурачка, она смеялась, полагая, что это сплетни. Только увидав сватов, она поняла весь ужас своего положения и говорит:

Живем мы в безрадостном веке,
В почете теперь мошна!
Не ценят ума в человеке,
Теперь нам душа не важна!

.....
Богат ты — день добрый, здравствуй,
Хоть ты и не блещешь умом,
А беден — так не участвуй
За пиршественным столом.

(Перевод И. Грушецкой)²

Умная, трудолюбивая, красивая девушка приносит в жертву меркантильным интересам. Если в романтико-фантастической поэме «Очаровательная красавица» героиня Саниат освобождена из неволи и выходит замуж за любимого, то в реалистической комедии «Глупец», в которой показана современная поэту действительность, героине Хангуассе личная свобода недоступна, она не располагает правом решать свою судьбу и вынуждена идти замуж за постылого богатого глупца. Судьбу девушки решили деньги, богатство, мораль капиталистического мира.

Гуржибеков в этом произведении протестует как против привилегированного положения дворянской

¹ Ленин В. И., Соч., т. 17, стр. 95.

² Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 159.

знати, так и против надвигающегося капитализма и его гнета.

Содержание сборника лирических стихотворений поэта «Дигорские произведения»¹ разнообразно, трудно назвать какую-то одну тему преобладающей. Поэт пишет о матери, напевающей своему младенцу грустную колыбельную песню; о нищем, который и в стужу и в зной ходит в лохмотьях и просит подаяния; о пастухе, который, распевая веселые песни, ходит за своим стадом; о несчастной любви. В стихотворении «Бедный жених» лирический герой оплакивает свою горькую судьбу: социальное неравенство лишило его счастья, любимую им девушку родители выдают или, вернее, продают другому, богатому жениху. Обращаясь к «проданной» невесте, он говорит:

Тяжело мне без любимой,
Тяжелей — тебя встречать.
Тысячу рублей калыма
Где мне, бедному, достать!

.....
Дочь свою, как на базаре,
Мать родная продает, —
Хоть дурак тебе не пара,
Будет матери доход.

(Перевод Н. Павлович)²

Тема несчастной любви, любви, которая разбивается из-за социального неравенства, в осетинской литературе занимала значительное место. Вспомним, что Коста Хетагуров в поэме «Кто ты?» создал образ неутомимого и веселого юноши-труженика. Он любит девушку, но ее отец не соглашается на их брак, потому что юноша беден, а тот хочет получить за свою дочь большой калым. Эту тему неоднократно разрабатывал и Сека Гадиев, в частности, ей посвящен рассказ «Азау». Традицию Коста продолжил и Гуржибеков.

В сборнике Гуржибекова есть стихотворение «Доля вдовы». В нем поэт описывает тяжелое положение

¹ Гуржибеков Б., Дигорские произведения, Владикавказ, 1903.

² Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 157.

бедной горячки, ее горе и страдания. Из названных стихотворений и из ряда других произведений мы видим, что симпатия поэта всегда на стороне бедных, на стороне трудового народа, что он ратует за правду и справедливость. Поэт высказывает свое отрицательное отношение к помещичье-феодалным верхам — к бадилятам, тагаурцам. В комедии «Глупец» он говорит, что князья привыкли вести праздную жизнь, занимались набегами, грабили путников.

Поэт высоко ценил и любил Коста Хетагурова, певца бедноты, борца против алдаров. Свое отношение к великому осетинскому поэту Гуржибеков выразил в стихотворении «Коста». Он обращается к нему со словами:

Прими благодарность народа родного,
Ты был с ним в веселье, в нужде и труде!
Нашел для народа ты песню и слово
И с ним говорил на его языке.
Наш край, что во мгле прозябал беспросветной,
С любовью на спину себе ты взвалил
И шел, не шатаясь под ношей заветной,
И самую тяжесть ее оценил.
Ты, отрок пророка, народу оставил
Прекрасно звучащий и звонкий фандыр,
За это народ твое имя прославил,
Пред славой твоею склоняется Ир.

(Перевод Н. Павлович)¹

Стихотворение получило широкое распространение еще при жизни К. Хетагурова.²

Но наряду с этими стихотворениями в сборнике «Дигорские произведения» имеются и такие, как «Манифест свободы», «К казакам» и другие, в которых отразились либерально-буржуазные колебания Гуржибекова. Обращаясь к казакам-осетинам, поэт призывает их служить царю, тяжелым свинцом и шашкой добывать славу. В «Манифесте свободы» он с

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 156.

² После смерти К. Хетагурова земляки Б. Гуржибекова переписали это стихотворение на лист жести и возложили его на могилу Коста с надписью: «Поэту-борцу Коста Хетагурову от почитателей его таланта станицы Ново-Осетинской».

восторгом отзываясь о крестьянской реформе 1861 года, расценивает ее как действительное освобождение крестьян и говорит, что теперь у нас больше нет феодалов-бадият и тагаурцев, что мы уже равноправны, что народ избавился от рабского гнета. Оценка, данная Гуржибековым крестьянской реформе, сходна с точкой зрения буржуазного либерализма. Поэт далек от понимания того, что «вся вообще эпоха реформ 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам»¹. Эти стихотворения характерны для Гуржибекова в том отношении, что они раскрывают его слабости, показывают ограниченность мировоззрения, противоречивый характер его творчества.

Отражение реальной действительности обусловило прогрессивный характер поэзии Гуржибекова. Но критически относясь к помещикам-крепостникам, к бадиятам и тагаурцам, он не затрагивал самих устоев самодержавия, не выступал против царизма.

В творчестве Гуржибекова нашли отражение настроения и взгляды той части крестьянства, которая еще верила царю и «которая, — как говорит В. И. Ленин, — уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»². Непоследовательность, противоречивость творчества Б. Гуржибекова отражают мировоззрение крестьянства пореформенного периода.

Это имеет свои объективные и субъективные причины. Во-первых, Гуржибеков не был связан и был плохо знаком с рабочим движением. Когда началась первая русская буржуазно-демократическая революция, поэт находился в Маньчжурии, на русско-японской войне. Он не видел и не мог воспринять размаха революционного движения пролетариата и крестьянства России.

Во-вторых, Гуржибеков родился и вырос среди казачества (моздокские осетины были приписаны к

¹ Ленин В. И., Соч., т. 17, стр. 95.

² Ленин В. И., Соч., т. 16, стр. 323.

казачьему сословию еще в 30-х годах XIX века), которое находилось на особом, привилегированном положении. И сам он служил в казачьих формированиях, что не могло не влиять отрицательно на его мировоззрение.

Политический кругозор Гуржибекова был ограничен, и это служило причиной появления у него либеральных взглядов.

Однако в творчестве Гуржибекова преобладают прогрессивные идеи, демократические мотивы. Произведения его не потеряли своего познавательного и художественного значения.

* * *

Если в творчестве некоторых осетинских писателей имеются элементы романтизма или романтическими являются их отдельные произведения, то творчество Александра Кубалова целиком проникнуто духом романтизма. И это, разумеется, делает его поэзию своеобразной и по содержанию и по форме.

Александр Кубалов (1871 — 1944 гг.) родился в сел. Старый Батакоюрт, Северной Осетии, в семье учителя. Среднее образование он получил во Владикавказе, потом окончил юридический факультет Киевского университета и работал адвокатом, в то же время занимаясь литературной деятельностью.

Темы для своих произведений Кубалов, как правило, берет из народных сказаний и преданий, из прошлой жизни осетинского народа. Подвиги героев, их бесстрашие — вот что привлекает внимание поэта. Его герои крайне индивидуалистичны. Они отличаются яркими чертами характера, но часто их действия лишены конкретного социального смысла. Романтически приукрашивая своих героев, поэт иногда идеализирует не только их, но и прошлое осетинского народа.

Записывая и обрабатывая нартские сказания в стихотворной форме на осетинском и русском языках, Кубалов подчеркивал главным образом героизм нар-

тов. Свою книгу о нартах на русском языке он так и назвал — «Герои-нарты»¹.

До революции Кубалов выступил с несколькими поэмами, из которых наиболее значительной и популярной была поэма «Афхардты Хасана» (1898)².

Поэма написана в традициях народного творчества. Во вступлении к поэме создается образ слепого певца-сказителя Бибо, который уже не видит синь небес и темень земли, но наделен чудесным даром рассказывать и петь предания старины. Повествование идет от имени этого старца.

Содержание поэмы таково. Кудайнат, представитель знатного княжеского рода Мулдаровых, убил храброго охотника Соламана из фамилии Афхардты. Жена Соламана Госама скорбит, оделась в траур. Но не прошло и месяца, как к ней явился Кудайнат Мулдаров и потребовал разделить с ним ложе. Госама сделала вид, будто согласна принять его, приготовила постель и прилегла, намереваясь убить Кудайната спрятанным под подушкой кинжалом. Но удар не оказался смертельным...

Темной ночью бежала Госама в дремучий лес, построила шалаш и стала жить там со своим грудным ребенком Хасана, чтобы спасти его от мести князя. Укачивая младенца, она напевает ему песни, полные гнева и ненависти к насильнику. Хасана вырос, возмужал, стал ходить на охоту и содержать мать.

Но однажды Кудайнат неожиданно является с группой людей в шалаш, где пряталась Госама со своим сыном. Разрушив ее жилище и надругавшись над ней, он отправился навстречу Хасана, чтобы убить его.

Между Хасана, с одной стороны, и Кудайнатом и его свитой, с другой — завязался кровавый бой. Хасана убил Кудайната, потом застрелил еще шестерых из Мулдаровах. Но и сам получил смертельные

¹ Кубалов А., Герои-нарты, Владикавказ, 1906.

² В самую фамилию героя поэмы вложен социальный смысл: Афхардты (Афхардов) означает «обиженные», «оскорбленные»; «Афхардты Хасанæ» — Хасана из фамилии, рода оскорбленных.

ранения. Истекая кровью, он приходит к матери. Не зная еще о случившемся, Госама горькими словами упрекает сына за то, что тот упустил возможность отомстить Кудайнату, который издевался над нею и над их очагом. Когда Хасана сказал ей, что он убил из рода Мулдаровых семь человек, она побежала на место битвы, чтобы воочию убедиться в этом. Увидев трупы своих недругов, Госама осталась довольной — по ее понятиям, теперь ее муж Соламан в загробной жизни должен успокоиться. Весело возвращается она к своему жилью, но застает единственного сына мертвым.

Центральной героиней поэмы является мать Хасана, Госама. Это — сильная и волевая горянка, у нее кремнистый характер. Внимание поэта обращено на раскрытие внутреннего мира героини, ее душевного состояния. И это ему удается.

После того, как богатый и спесивый князь Кудайнат убил ее мужа, Госама поставила перед собой цель — во что бы то ни стало отомстить за мужа, убить Кудайната. После неудачной попытки осуществить свое намерение она уходит в лес и там, одинокая, среди диких зверей, бережно и любовно растит сына только для того, чтобы тот убил Кудайната. Мать все время напоминает Хасана о мести, о его долге перед памятью отца.

Госама по своему характеру во многом схожа с героиней поэмы Лермонтова «Беглец», матерью Гаруна. Если бы Хасана струсил при встрече с Мулдаровыми и убежал домой, как бежал с поля боя Гарун, Госама бы тоже прогнала его из дому или убила бы его сама. Такова логика характера Госама: она сурова и мужественна, ее любовь и ненависть одинаково сильны.

Поэт красочно описывает, как завывает буря в дремучем лесу, как до корней шатаются могучие деревья-великаны, как черные тучи исходят слезами, как небожитель-громовержец мечет свои золотые стрелы. Но мужественная вдова Соламана не боится ни бури, ни дождя. Стойко перенося одиночество и все трудности жизни вдали от людей, она в шала-

ше, освещенном лучиной, напевает заветную песню
единственному сыну:

Спи, мальчик, спи, милый, доколе не знаешь
Беды и страданий, младенец ты мой!
Сиротскую долю изведаль ты рано,
У матери бедной один на руках.
Пусть кровью зальются, в крови захлебнутся
Мулдарта, убийцы отца твоего!

(Перевод С. Шервинского)

Эти строфы, как бы являясь припевом, часто повторяются с различными концовками и, эмоционально воздействуя на читателя, рождают в нем ненависть к Кудайнату и ко всем насильникам.

Кудайнат — наглый насильник и угнетатель, не знающий жалости, лишенный чести. Без зазрения совести он является к женщине, мужа которой он убил, цинично требует от нее сбросить траурные одеяния и разделить с ним ложе. По обычаям осетин женщина в трауре была неприкосновенна. Она своим появлением примиряла ожесточенно бившихся кровников, ее просьба для них была законом. Кудайнат попирает эти заветы предков, издевается над беззащитной женщиной. Он вызывает у читателя гнев, тогда как Госама и ее сын вызывают сочувствие своим выступлением против насилия.

Некоторые литературоведы высказывали такую мысль, что основной мотив поэмы «Афхардты Хасана» — кровная месть. Нам это кажется не совсем правильным. Конечно, мотив этот в поэме присутствует. Кудайнат убил отца Хасана, а Хасана убил Кудайната и еще нескольких из рода Мулдаровых. Но это не главное в поэме. Более важными являются другие мотивы и, прежде всего, мотив социальный. Борющиеся стороны относятся к различным социальным сословиям. Кудайнат — из феодальной фамилии, Хасана — бедняк, из рода униженных, оскорбленных.

Кудайнат выступает как безудержный и наглый феодал-угнетатель. Он убил Соламана, честного труженика, ни в чем не повинного человека. Дикий произвол характеризует облик и поступки его. И автор поэмы справедливо осуждает Кудайната, вызывая у

читателя чувство ненависти к нему. Из-за него и гибнут двое юношей Мулдаровых. Без глубокого волнения нельзя читать описание гибели Хана и Хундаджера, а также других горцев, сопровождавших Кудайната. Они пали от руки Хасана, но виновником их смерти по существу является Кудайнат.

Кудайнат убивает людей, утоляя свою звериную жажду крови, он издевается над вдовой, чтобы удовлетворить свою необузданную страсть, Хасана же выступает не только как мститель за кровь отца (этого желает его мать Госама, а не он сам), но и за честь своей поруганной матери, в защиту своей жизни. Он борется за справедливость, а Кудайнат — носитель зла, несправедливости.

Главный недостаток поэмы Кубалова заключается не в наличии мотива кровной мести, а в том, что в поэме слабо подчеркнуты социальные мотивы, что автор изображает жизнь, пусть даже в далеком прошлом, объективистски, беспристрастно. Кроме того, автор не смог избавить свою поэму, в основу которой положено народное предание, от мистических и религиозных элементов. Например, наряду с реальными лицами в поэме действующим лицом выступает Уастырджи (в осетинской мифологии покровитель мужчин). Все это снижает ценность поэмы.

Кубалов остается романтиком и в других своих произведениях. Поэма «Амбазыг» написана в духе романтизма. При этом, если в поэме «Афхардты Хасана» мотивы социальной борьбы все же заметны, то в последней они вовсе отсутствуют. Главный герой поэмы Амбазыг, узнав, что его жена изменила ему, убивает ее любовника и со своим другом уходит в лес, но и его самого убивают стражники.

Амбазыг рисуется в поэме храбрым и честным человеком, для которого товарищеское слово и честь дороже всего. Сароны-фырт оказался вероломным, недостойным быть другом. Он соблазнил его жену, и Амбазыг убил нечистивца. Но кто такой Амбазыг? Просто абрек! Для своих сил и энергии он не нашел другого применения, кроме как стать разбойником и угонять чужой скот. Образ Амбазыга — романтиче-

ский образ, причем не в прогрессивном, а в реакционном смысле слова.

Однако в некоторых своих произведениях А. Кубалов создал яркие образы положительных героев. Хорошо удалось ему, например, показать героический характер нартов, образ народного героя Чермена.

Романтизм поэзии Кубалова основан не на социальном пессимизме, его нельзя назвать певцом феодального строя, наоборот, в ряде произведений он бичует феодальные порядки («Чермен», «Старый Есса» и др.). Но и здесь Кубалов воспекает отдельных героев, против феодального гнета выступает не народ, а исключительные личности. При этом социальные позиции героев бывают нечеткими, неясными. Романтические образы Кубалова в корне отличаются от образов романтических героев Коста Хетагурова. Герой поэмы Коста «Перед судом» — Эски ясно представляет свое социальное положение, не хочет мириться с долей «холопа», «раба» и открыто вступает в борьбу «с адатом родины суровой». Романтизм К. Хетагурова прогрессивен, его герои движимы освободительными идеями. Романтизм же Кубалова часто не имеет под собой реальной основы, борьба героев приобретает не социальный, а индивидуалистический характер. А сами они часто бывают необыкновенными, исключительными личностями.

Критикуя произведения Кубалова, мы не можем отрицать значения его творчества в истории осетинской литературы. Кубалов обогатил осетинскую поэзию эпическими произведениями, много и плодотворно трудился, собирая, издавая нартские сказания.

* * *

В плеяде современников Коста несколько особняком стоит Асламурза Кайтмазов (1866 — 1925 гг.), поэт и переводчик, собиратель народного творчества.

Кайтмазов окончил Горийскую учительскую семинарию и вел педагогическую работу в разных районах Закавказья и Северного Кавказа. Будучи учителем в сел. Лаба на Кубани (ныне сел. имени Коста Хетагу-

рова), он близко познакомился с Коста Хетагуровым и его родными.

Кайтмазов опубликовал несколько сказаний из осетинского нартского эпоса и осетинские сказки на русском языке в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (выпуски VII и VIII).

Его перу принадлежит ряд оригинальных стихотворений, а также переводы с русского языка на осетинский. В своих поэтических произведениях Кайтмазов воспевае труд как источник всех благ человека.

Особенно хороши стихотворения Кайтмазова, написанные для детей. Они оптимистичны, проникнуты духом жизнелюбия. Замечательное стихотворение поэта «Сирота» («Сидзæр»), глубоко поэтично и очень музыкально. Каждый стих отточен поэтом до предельной ясности и звучности. В стихотворении «Синица и дети», переведенном им с русского языка, воспеваеся любовь к свободе. Стихи А. Кайтмазова и ныне читаются осетинскими детьми с интересом.

Наследие А. Кайтмазова не велико. По свидетельству некоторых биографов, рукописи поэта погибли во время пожара в его доме.

* * *

В рассматриваемый период (1890 — 1905 гг.) осетинская литература развивалась под непосредственным влиянием творчества Коста Хетагурова. Коста боролся против безыдейности в литературе, отстаивал традиции демократической литературы, укреплял и развивал принципы реализма. Это благотворно сказалось на дальнейших судьбах осетинской литературы.

В своих произведениях С. Гадиев показал тяжелое положение осетинского трудового крестьянства, его борьбу против феодального гнета. Он создал ряд образов положительных героев — простых тружеников и тружениц, честных и свободолюбивых людей. С чувством глубокой ненависти изображал он эксплуататоров. Б. Гуржибеков в своем творчестве отразил некоторые проявления капитализма, начавшего развиваться в Осетии.

Среди осетинской интеллигенции значительно возрос интерес к литературе и народному творчеству. К этому периоду относятся первые переводы на осетинский язык отдельных произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова и других поэтов.

Критический реализм стал основным творческим методом осетинских писателей. Наряду с критическим реализмом в литературе зарождаются и другие направления, например, романтизм, ярким представителем которого был Кубалов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД МЕЖДУ 1905 и 1917-м ГОДАМИ. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Накануне первой русской буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 гг. в Осетии продолжали интенсивно развиваться капиталистические отношения. Северная Осетия все больше и больше становилась рынком сбыта продукции русской капиталистической промышленности. Громадную роль в усилении экономических связей Северной Осетии с центральной Россией играла Владикавказская железная дорога, которая связывала хозяйство края с центральными районами и портовыми городами страны, а также с крупными промышленными центрами Кавказа — Грозным, Баку, Ростовом, Тбилиси.

С развитием капитализма в Осетии усилилась классовая дифференциация осетинского крестьянства. Еще в конце 1899 года писатель и публицист Г. М. Цаголов писал: «В настоящее время... среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию, сельских богатеев, имеющих иногда довольно солидные средства, с другой — аульную голытьбу»¹.

¹ Цаголов Г. М., Заметки об осетинской жизни, газета «Терские ведомости», 1899, № 138.

Малоземельные крестьяне, как и при крепостном праве, за долю урожая обрабатывали своим инвентарем алдаро-бадилятские земли. Сотни безземельных и малоземельных горцев шли в равнинные селения на заработки к кулакам.

Из-за нехватки земли в период 1885—1903 годов значительная часть осетинской бедноты оказалась далеко за пределами Осетии и даже России. «Немалая часть их, — свидетельствовал тот же Цаголов, — перебирается за моря и океаны и скитается то по сельскохозяйственным предприятиям Австралии, то по разным, дышащим пламенем углам Африки, то по заводам и приискам Канады, Дальнего Запада, Соединенных Штатов и даже холодной негостеприимной Аляски»¹.

Об этом же писал позже видный деятель Коммунистической партии Сергей Миронович Киров в одной своей статье: «Осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами жилали в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию. Глубокая дефференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции»².

Тяжелым было также положение рабочего класса и городской бедноты. В особенно трудных условиях жили рабочие горнозаводской промышленности, находившейся в руках бельгийских и французских капиталистов. Все это обостряло классовые отношения между предпринимателями и рабочими.

В начале 1906 года В. И. Ленин писал, что наступает период непосредственной политической деятельности «просто народа, которое ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа... Просыпается мысль и разум миллионов забитых

¹ Цаголов Г., Край беспросветной нужды, 1912, стр 286 — 287.

² Киров С., На берегах Терека, газета «Правда», 1918. 2 июля.

людей, просыпается не для чтения книг, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества»¹.

Этот процесс происходил и в Северной Осетии. Атаман Сунженского отдела доносил, что «среди осетин Владикавказского округа, ...во главе которых стоит осетинская интеллигенция, начинается «брожение умов», направленное к низвержению правительства, верховной власти и частной собственности».

Действительно, революционное движение российского пролетариата разбудило мысль и разум осетинского трудового народа, испытывавшего жестокий экономический, политический и национальный гнет.

В революционных событиях 1905—1907 годов в Осетии наряду с рабочими и крестьянами активное участие принимала передовая часть осетинской интеллигенции — учителя, писатели, студенты. Они проводили агитационно-пропагандистскую работу в кружках, организованных Терско-Дагестанским комитетом РСДРП, в воинских частях, в частности, среди всадников Осетинского конного дивизиона.

Передовое учительство, находясь под влиянием большевиков, требовало коренной перестройки системы народного образования. За революционную пропаганду многие представители передовой интеллигенции подверглись репрессиям. Временный генерал-губернатор Терской области, сообщая церковным властям о закрытии по его распоряжению общества вспомоществования учащимся и учителям церковных школ Северной Осетии, пишет, что он приказал «арестовать за произнесение на собраниях общества резких противоправительственных речей и, вообще, за политическую пропаганду следующих учителей... Михаила Гарданова и Харитона Уруймагова»².

Революционное движение пробуждало также сознание учащихся. Об этом говорит тот факт, что даже воспитанницы Владикавказского ольгинского

¹ Ленин В. И., Соч., т. 10, стр. 228.

² Материалы по истории осетинского народа, т. V, Орджоникидзе, 1942, стр. 178.

осетинского женского приюта в 1905 году стали обсуждать свои нужды и предъявили педагогическому совету ряд требований: преобразовать приют, изменив и расширив в нем программу; ввести преподавание родного языка; водить учащихся в театр; перенести приют в более подходящее здание; устраивать прогулки с образовательной целью; давать учащимся со слабым здоровьем скоромную пищу и пр.¹.

Краткий обзор осетинской периодической печати 1905 — 1917 годов

Революционный подъем вызвал оживление в периодической печати. В 1905 году стали появляться нелегальные прокламации и воззвания на осетинском языке, призывавшие трудовые массы к борьбе против царского самодержавия. Впервые в истории Осетии появилась газета на осетинском языке. Первый номер первой осетинской газеты, названной «Ирон газет», вышел 23 июля 1906 года в городе Владикавказе; редактировал ее А. Бутаев. Газета была небольшая, всего в четверть печатного листа, и выходила два раза в неделю. Тираж газеты был также небольшой — всего 500 экземпляров. Однако она быстро стала известна по всей Осетии. Но ей не суждено было долго жить, газета закрыта на девятом номере по распоряжению генерал-губернатора, усмотревшего в нескольких статьях призыв в вооруженному восстанию.

Газета, будучи прогрессивно-демократического направления, печатала на своих страницах сообщения из разных концов страны о тяжелом положении народа, о восстаниях рабочих, крестьян и солдат против самодержавия, о захвате крестьянами помещичьих земель.

«Ирон газет» как легальный орган не говорила открыто о революционном свержении царизма, но в ряде статей эта идея проводилась. Материалы, печатавшиеся в газете, дают конкретное представление о том, как угнетенный осетинский народ пробуждался

¹ Материалы по истории осетинского народа, т. V, Орджоникидзе, 1942, стр. 177.

«к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».¹

«Жизнь идет вперед, — писал в передовой статье второго номера этой газеты писатель Цомак Гадиев, — народ стремится к лучшей жизни, требует новых порядков, нового счастья... Мы уже не можем жить по-прежнему, — говорит народ. — Мы больше не в состоянии терпеть наши мучения и страдания. Наш гнев дошел до предела... Массы поняли, что власть одних над другими не является велением небес, и поднялись на борьбу: кто словом, кто пером, а кто и делом»².

Передовая статья девятого номера газеты более открыто говорит о необходимости насильственного свержения самодержавия. «Народ исстрадался, он замучен тяжелой жизнью, — пишет газета, — он повсеместно всколыхнулся, требует новых порядков, новой жизни». «Правители, — говорится дальше в этой статье, — которые до сих пор сидели на шее народа, пили его кровь,... обирали до сих пор бедные пожитки трудящихся, не согласятся добровольно установить новые порядки, изменить существующий строй».

Статья утверждает, что сила народа безгранична, что несмотря на трудности, он победит.

Такие статьи и сообщения о революционных выступлениях рабочих и крестьян, безусловно, будили сознание народа, звали его на борьбу против угнетателей, на свержение самодержавного строя и установление демократического правительства.

Газета опубликовала стихотворения Коста Хетагурова «Тревога» («Ирон газет», № 1) и «Прислужник» («Ирон газет», № 3), которые до этого никогда не включались в сборники поэта, так как были проникнуты революционным духом.

Вторая осетинская газета «Ног цард» («Новая жизнь») стала выходить в г. Тифлисе (первый номер газеты вышел 8 марта 1907 года). Редактором газеты

¹ Ленин В. И., Соч., т. 19, стр. 66.

² «Ирон газет», 1906, № 2. Цитаты из газет приводятся в подстрочных переводах.

сперва был П. Тедеев, а потом Тадиоз Цховребов. Газету «Ног цард» выпускало Юго-Осетинское издательское общество. Тираж газеты в продолжение 10 месяцев поднялся с 400 экземпляров до 800. Газета освещала вопросы общественно-политической и экономической жизни всей страны и Осетии. Она уделяла большое внимание вопросам художественной литературы. Впервые в ней были опубликованы такие стихотворения Коста Хетагурова, как «Додой» («Ног цард», № 9), «Салдат» («Ног цард», № 49) и другие, которые были запрещены царской цензурой и не вошли в сборник «Ирон фандыр». Газета публиковала революционные стихотворения Ц. Гадиева, рассказы С. Гадиева, Е. Бритаева, а также произведения других осетинских писателей. Заметное внимание уделяла газета народному творчеству. «Ног цард» печатала переводы рассказов с русского и грузинского языков. В годы реакции царская цензура стала всячески ограничивать демократические и прогрессивные выступления газеты; тайная полиция занялась слежкой за теми, кто принимал активное участие в работе «Ног цард». Внутри самой редакции участились раздоры и разногласия. Вообще, у газеты с самого начала не было единой программы, единого направления, ее демократизм иногда граничил с буржуазным либерализмом. Наряду со статьями о земельном голоде, о равноправии наций, о просвещении, о вреде калыма и пр., на страницах газеты появлялись и статьи, носившие буржуазно-националистический характер.

Последний номер газеты (№ 75) вышел 31 декабря 1907 года.

В 1907 году во Владикавказе вышло два номера художественно-иллюстрированного журнала «Зонд» («Знание»). Журнал смог привлечь к участию в своей работе группу писателей. В нем было опубликовано несколько стихотворений Коста Хетагурова, рассказ Сека Гадиева «Азау», комедия первой осетинской писательницы Розы Кочисовой «Наш пристав сошел с ума» и др. Журнал печатал также переводы с русского языка (басня Крылова «Ворона и Лисица» и другие), ставил перед собой культурно-просветитель-

ные цели. Однако журнал не всегда стоял на уровне своих задач. На его страницах нашли место и статьи реакционного характера, статьи с туркофильскими тенденциями («Осетины в Турции» и другие). Редактировал «Зонд» известный педагог, автор осетинского букваря, выдержавшего до Октябрьской революции несколько изданий, Алмахсидт Кануков.

В 1909 году во Владикавказе некая Н. А. Валаева начала издавать третью по счету осетинскую газету под названием «Хабар» («Известие»). Редактором ее был А. Кануков. Газета печатала материалы на русском и осетинском языках. «Хабар» была более умеренного, чем «Ирон газет» и «Ног цард», направления, она ставила перед собой просветительские цели. В передовой статье первого номера газеты «Хабар» редакция писала, что «цель периодического издания — борьба со злом и борьба за добро».

Газета «Хабар», в отличие от других осетинских газет, давала обзоры осетинской литературы. В первом же номере «Хабар» писала о Коста Хетагурове: «Коста действительно был главой народа, его путеводной звездой, он вывел народ из мрака в свет, разбудил осетинский народ от спячки». Указывая, что со смертью Коста не умерла осетинская литература, автор обзора называет фамилии А. Кубалова, Г. Цаголова, Е. Бритаева и др. Обзоры литературы напечатаны были еще в нескольких номерах газеты, но анализа произведений они не содержали. Обзоратель ограничивался перечислением фамилий писателей и их произведений.

Газета напечатала несколько небольших рассказов Л. Н. Толстого в переводе на осетинский язык. Лучшим проявлением демократизма газеты является то, что она опубликовала «Песню о Соколе» М. Горького с примечанием, что редакция просит перевести ее на туземные языки. И вскоре в двух номерах (8 и 9) «Песня о Соколе» была опубликована и на осетинском языке. Перевел ее автор учебников для осетинских школ С. Мамитов. Это — первое произведение великого пролетарского писателя, переведенное на осетинский язык.

«Хабар» прекратила свое существование 11 июля 1909 года.

В 1910 году в г. Тифлисе осетинская литературная группа выпустила еженедельный литературный иллюстрированный журнал «Афсир» («Колос»). Редактором его был известный осетинский писатель Арсен Коцоев. Журнал «Афсир» печатал оригинальные и переводные художественные произведения, научно-популярные статьи, фельетоны, карикатуры, критиковал феодально-родовые пережитки в быту и сознании людей, разоблачал взяточничество, высмеивал подхалимство, чиновничество.

Журнал «Афсир», как и вся дореволюционная периодическая печать, большое внимание уделял положению горянки, ее эмансипации. А. Коцоев в своих рассказах, фельетонах и карикатурах высмеивал старые обычаи. Одна из карикатур (журнал № 1) изображает дряхлого старика с бородой почти до колен, опирающегося на палку: под рисунком написано: «Засватал девушку, когда у меня начал пробиваться пушок на щеках. Теперь немного остается, если бог поможет, то через два-три года смогу уплатить свой калым, и тогда сыграю свадьбу». В третьем номере помещены рядом два рисунка: на одном из них изображено молодое красивое лицо девушки, полной жизни и энергии; на другом — дряхлая, поседевшая старушка. Под первым читаем: «Вот такая она была в день помолвки», а под другим: — «А вот такая она в день свадьбы».

Журнал поднимал главным образом бытовые вопросы. Редакция избегала постановки острых политических и общественных вопросов, ставила перед собой задачи просветительного характера. В предовой статье первого номера писалось, что журнал будет всячески способствовать унификации осетинской орфографии, развитию осетинской литературы. Статья заканчивается словами: «Мы заявляем, что наш журнал не будет проводить линию ни одной партии, ни одной политической группы, но наше слово будет направлено в защиту бедного, несправедливого и угнетенного народа». На позициях журнала, безусловно,

сказался разгул реакции. Однако «Афсир» в целом сыграл прогрессивную роль в развитии осетинской журналистики и литературы.

В 1912 году в Петербурге под редакцией драматурга Е. Бритаева вышло три номера литературно-художественного журнала «Хуры тын» («Луч солнца»). Идейную направленность его во многом определил размах рабочего движения в России в эти годы. В отличие от «Афсира» он, кроме художественных произведений, печатал статьи политического характера, материалы, касающиеся развития осетинского языка и культуры в целом. Редактор журнала, автор передовой статьи, говоря о влиянии русского языка на осетинский и на другие языки, утверждает, что осетины частично ассимилируются с русскими. Е. Бритаев в этом ничего предосудительного не видит, считая это закономерным явлением. Когда между народами установятся братские отношения, пишет Е. Бритаев, отпадет необходимость в отдельных языках; народы будут стремиться к единению, и им нужен будет один общий язык, а пока надо развивать свой язык. «Мировая сокровищница ждет и нашего вклада, давайте же внесем его. Чтобы потом никто не сказал нам: а вам что нужно здесь, ведь вашего здесь ничего нет!» — так заканчивается передовая статья журнала.

«Луч солнца» откликнулся на расстрел рабочих на берегу Лены в общем обзоре, комментируя обсуждение этого вопроса в Государственной думе, а затем поместил специальную статью, в которой Ленские события сравнивались с гибелью крупнейшего в те времена корабля «Титаник» в Атлантическом океане. «Капитан и хозяева «Титаника» стремились получить первый приз, но ледяная гора разбила нос корабля. Но кто же разобьет морду тем, кто расстрелял бедных рабочих на берегу Лены?» (подстрочный перевод).

В журнале печатались переводы произведений с русского языка, оригинальные стихи и рассказы. В нем был напечатан водевиль Е. Бритаева «Пусть погибнет обезьяна, да здравствует осетинский театр».

Однако «Луч солнца» в смысле публикации ори-

гинальных художественных произведений намного отстал от своего предшественника «Афсир».

В дореволюционной Осетии выходил еще один журнал — «Христианская жизнь», издававшийся осетинским духовенством. Несмотря на большую материальную поддержку, оказываемую ему церковью, журнал не получил широкого распространения. Народные массы не благоволили к нему, потому что ему чужды были их интересы. Это был монархический, реакционный, проповеднический журнал.

Этим перечнем исчерпывается вся дореволюционная периодическая печать на осетинском языке.

Кратковременность существования газет и журналов на осетинском языке объясняется тем, что для их издания не было материальной базы — они издавались частными лицами, на деньги, собираемые населением. Государственные учреждения, разумеется, не оказывали им никакой помощи, более того, они всячески препятствовали изданию прогрессивных газет и журналов, тормозили деятельность национальной школы и просветительных учреждений.

Названные выше газеты и журналы, особенно «Ирон газет», несмотря на их недостатки и ошибки, сыграли положительную роль. Они способствовали развитию осетинской художественной литературы, публицистики, прививали любовь к родному языку и литературе.

Издательская деятельность

Некоторая свобода печати, оживление деятельности культурных учреждений после первой русской буржуазно-демократической революции сказались и на состоянии книгопечатания на осетинском языке. Издательское общество «Ир» и Юго-Осетинское издательское общество начали выпускать книги на родном языке. Вышли в свет сборники произведений К. Хетагурова, Б. Гуржибекова, С. Гадиева, Е. Бритаева, Г. Цаголова, Б. Туганова, Д. Короева, Р. Кочисовой.

Развитию издательского дела способствовали такие явления и факты, как общий революционный

подъем трудового народа, усиление национально-освободительного движения, требование учителей и учащихся преобразовать церковноприходские школы в народные, ввести в программу школ изучение родного языка в качестве обязательного предмета и пр. Во многих начальных школах Северной Осетии преподавание было переведено на осетинский язык. Однако выпуск книг и периодических изданий был затруднен целым рядом обстоятельств. Не было материальной базы, не было шрифтов. Книги печатались в частных типографиях Владикавказа и Тифлиса.

* * *

В годы первой русской революции в Осетии зарождается театральное искусство. Первые театральные постановки были осуществлены в 1904 — 1905 гг. В самодеятельных драматических кружках ставились как оригинальные пьесы (Е. Бритаева, Д. Короева, Р. Кочисовой и др.), так и переводные.

Молодая осетинская литература обогащалась произведениями, переведенными с русского, грузинского и других языков. Были осуществлены переводы, изданы или поставлены на сцене «Ашик-Кериб» Лермонтова, «Гроза» Островского, «Четыре дня» Гаршина, «Восточная сказка» («Звезда») Вересаева, рассказы «Нина» и «Бердиа» Казбеги, сказки «Гадкий утенок» и «Песня птички» Андерсена, рассказ грузинского писателя Гогобашвили «На что способна колыбельная песня», комедии Цагарели «Другие нынче времена», «Ханума» и другие. Они знакомили осетинского читателя и зрителя с бытом и нравами, с жизнью других народов.

Об идейном развитии осетинской литературы под влиянием революционных событий 1905 — 1907 годов говорит, например, и тот факт, что писатель Батырбек Туганов с целью пропаганды марксистской литературы среди осетин переводит на осетинский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Перевод этого гениального труда марксизма

не был завершен и издан, но сам факт говорит о том, что в Осетии подготавливалась почва для распространения марксистских идей, что осетинские писатели все глубже проникались революционно-демократическими идеями. Об этом говорит и то, что одно из лучших художественных произведений М. Горького — «Песня о Соколе» было переведено на осетинский язык.

В годы первой русской революции Е. Бритаев перевел на осетинский язык широко известную французскую революционную песню «Марсельезу», а Цомак Гадиев — революционную рабочую песню-стихотворение Демьяна Бедного «Лена».

* * *

Публицистика и литературная критика 1905—1917 годов

Зарождение периодической печати, выход литературно-художественных журналов на осетинском языке содействовали не только увеличению рядов писателей, но и рождению новых жанров литературы. На осетинском языке появились драматургия, проза, публицистика.

Основным творческим методом осетинской художественной литературы оставался критический реализм. Наряду с этим в Осетии существовали и другие литературные направления и течения. Развивается романтизм, в котором ясно наметились два течения — прогрессивное (отдельные рассказы А. Коцова, С. Гадиева) и реакционное (некоторые произведения А. Кубалова, Х. Тлатова). В этот период в литературе появились также элементы социалистического реализма (произведения Ц. Гадиева).

Осетинская демократическая и революционная литература, испытывавшая воздействие русской передовой литературы, продолжала традиции Коста Хетагурова, развивалась в борьбе с реакционными течениями, против безыдейности и формализма.

Историческим событием в литературной жизни

всей России было опубликование в газете «Новая жизнь» (№ 12 от 13 ноября 1905 года) статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». В этой статье впервые была широко поставлена задача организации литературного дела и выдвинут принцип партийности литературы. В. И. Ленин, разоблачив буржуазную теорию о «чистом» искусстве, нанес сокрушительный удар всем анархистско-индивидуалистическим взглядам на литературу и сформулировал программу борьбы за новую, действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу. Статья В. И. Ленина была документом исторической важности для марксистской критики, для большевистской печати. Вопрос партийности литературы, выдвинутый В. И. Лениным, стал центральным вопросом всей марксистской критики и литературоведения. Положения этой статьи стали мощным оружием в борьбе против тех, кто, пропагандируя теорию «чистого» искусства, отрицая классовый, партийный характер литературы, по существу лил воду на мельницу буржуазии.

В развитии журналистики и критики в России, а также на окраинах России в дооктябрьский период немаловажную роль сыграли выступления видных деятелей Коммунистической партии не только в партийной, но и в непартийной легальной печати. В этом отношении характерными являются статьи С. М. Кирова о литературе во владикавказской газете «Терек» и С. Спандаряна в тифлисских газетах «Новая речь», «Курьер-копейка», «Листок-копейка»¹.

С. М. Киров, в 1910 — 1916 годах в газете «Терек» опубликовал серию статей и заметок по вопросам литературы. Он выступал против тлетворного влияния на литературу буржуазной морали (фельетоны о пьесе М. Арцыбашева «Ревность» и другие), боролся за реализм в литературе. В статье «Великий искатель», посвященной столетию со дня рождения

¹ История русской литературы, т. X, Литература 1890 — 1917 годов, АН СССР, М.-Л., 1954, стр. 71.

В. Г. Белинского, С. М. Киров выступил защитником революционно-демократических традиций русской литературы.

.. Очень ценной является заметка С. М. Кирова о Коста Хетагурове.

Осетинская публицистика, и особенно литературная критика, до Октябрьской революции были слабы. Публицистика на родном языке зародилась с появлением периодической печати. Но статьи большей частью касались общественно-политических вопросов. Литературной критики, как таковой, почти не было, если не считать отдельные выступления газет и журналов. Критические заметки публиковала газета «Ног цард» (№ 44, 60 и др.). Газета «Хабар» выступила также с несколькими небольшими обзорами осетинской литературы. Но эти заметки и обзоры еще далеки от литературной критики, в них нет сколько-нибудь серьезного анализа произведений, авторы статей предпочитают вести разговор о языке и т. д. Так, например, в № 60 газеты «Ног цард» помещена рецензия на журнал «Зонд». Автор рецензии пишет, что народ от этого журнала ожидал большего, что язык публикуемых материалов корявый, некоторые произведения непонятны читателю и т. д. Другой рецензент критикует язык газеты «Ног цард» (№ 44).

В газете «Ног цард» дана более или менее обстоятельная рецензия на учебник-букварь Ал. Канукова, а в журнале «Афсир» (№ 11) напечатана рецензия на книгу для чтения, составленную С. Мамитовым. О Коста в осетинских газетах и журналах писали часто, но это были статьи неглубокие, не раскрывавшие идейного содержания его творчества, его основополагающей роли.

Литературно-критические статьи, написанные осетинскими писателями на русском языке, более содержательны. В четвертом номере журнала «На Кавказе» за 1909 год помещена небольшая, но содержательная рецензия на сборник «Коста Хетагуров», подготовленный Гуго Дзасоховым и изданный в 1909 году. Автор рецензии — Макар Незаметный (Георгий Цаголов). В журнале «Утро гор» (1910 г., № 1) в

разделе библиографии дана аннотация на журнал «Афсир», где также упоминаются другие периодические осетинские печатные органы. Статья заканчивается словами: «Мы... верим, что заколосившийся на берегах Куры «Афсир» даст в конце концов осетинскому народу хорошее и здоровое зерно родного печатного слова».

Лучшим публицистом и литературным критиком в дореволюционной осетинской литературе был Гадиев Цомак, выступавший на страницах «Ирон газет», а затем, после ссылки в Сибирь, во многих русских газетах и журналах. Одна из наиболее значительных литературно-критических статей Ц. Гадиева под заглавием «Искандер-Герцен» написана в 1912 году к столетию со дня рождения Герцена и опубликована в том же году в марте месяце в газете «Голос Сибири». Цомак Гадиев дал правильную оценку деятельности Герцена. Он пишет, что Герцен «в истории русской общественной мысли представляет одну из наиболее ярких звезд, блестящих радугой разнообразных лучей и красок. Он встает перед нами то как социалист с определенными политико-экономическими и социалистическими концепциями, то как публицист, глубокий, вдумчивый и разносторонний, то как литературный критик, то популяризатор философии, то как беллетрист»¹.

Цомак Гадиев характеризует также деятельность Чаадаева, Белинского, Гоголя.

Будучи оторванным от родины, Цомак Гадиев не имел возможности следить за развитием осетинской литературы и писать об осетинских писателях. Гадиевские статьи того времени написаны о русских классиках, творчество которых он хорошо знал и высоко ценил. В гибели Пушкина и Лермонтова он обвиняет царизм. Ранней смертью погиб Пушкин, — писал он, — еще более ранней смертью погиб Лермонтов, и истинными виновниками их гибели являют-

¹ Архив СОНИИ, Литературный архив Цомака Гадиева, т. 3, Цомак Гадиев, Искандер-Герцен, стр. 1.

ся не Дантес, убивший Пушкина, не Мартынов, убивший Лермонтова, истинным виновником был весь гнетущий, давящий и гибельный для таких людей строй тогдашней крепостной России.¹

После возвращения на родину Цомак Гадиев стал самым крупным осетинским литературоведом и критиком. Ему принадлежат первые исследования о Коста Хетагурове, Сека Гадиеве, Елбыздыко Бритаеве и о ряде советских писателей.

В 1909 году с литературно-критическими статьями и заметками выступал писатель А. Коцоев. Он высмеивал и критиковал либеральные газеты и либеральных писателей. В газете «Закавказье» (№ 148 от 5 августа 1909 года) было опубликовано письмо А. Коцоева, в котором он критикует идейное направление газеты «Тифлисский листок» и его редактора. «Когда 4 месяца тому назад я начал работать в «Тифлисском листке», то думал, что это газета и газета прогрессивная. Но скоро пришлось разочароваться. Вижу — статьи мои безобидного характера печатаются охотно, выходят нередко передовицами, но статьи, сколько-нибудь затрагивающие больные вопросы наших дней, вызывают «охи» да «ахи» и забраковываются. Просматриваю статьи других сотрудников — никому не нужное переливание из пустого в порожнее... Дальше — больше убеждаюсь, что «Тифлисский листок» — самая обыкновенная лавочка, к тому же торгующая с обмером и с обвесом всяким фальсифицированным и гнилым товаром».

«Меднопятячковое направление «Тифлисского листка», — пишет далее А. Коцоев, — старательно поддерживается и главным столпом газеты г. Нордом, человеком, который только по недоразумению может называться журналистом. За четыре месяца моего пребывания в Тифлисе я не встретил еще ни одной дельной статьи за подписью г. Норда, — одна статья бессодержательнее другой. Это не только мое мнение. Не один из интеллигентных тифлисцев подтвердит,

¹ Архив СОНИИ, Литературный архив Цомака Гадиева, рукописи.

что статьи г. Норда вообще не читаются... И этот горе-журналист руководит газетой. Что именно г. Норд пролез в руководители «газеты», это нисколько не удивительно: во-первых, насколько я присмотрелся, он человек пронырливый, умеющий ходить на задних лапках, а, во-вторых, ведь редактор — купец, которому не надо судить о достоинствах газетной, литературной работы, но зато дано угадывать близких по духу людей».

В другой статье, опубликованной в той же газете (№ 220 от 12 ноября 1909 года) и озаглавленной «Задачи осетинской интеллигенции», А. Коцоев критикует осетинских писателей и печатные органы за то, что они непомерно восхваляли осетинскую литературу. Он отмечает, что «листок» «Хабар» вынес на свет божий осетинскую литературу, да так, что не знаешь, чему поражаться, многочисленности писателей, богатству ли произведений или массе всевозможных лестных отзывов, которые как из рога изобилия сыплются и на писателей и на их произведения».

Критикуя своих современников, А. Коцоев пишет, что «никто из них достаточно серьезно не смотрит на свое произведение». «Если осетинская интеллигенция, — пишет в заключение А. Коцоев, — желает действительного, а не воображаемого расцвета родной литературы..., она должна смотреть на нее критически, а не так, что все родное хорошо».

Такая справедливая критика безусловно должна была способствовать развитию осетинской литературы и критической мысли. Однако следует еще раз подчеркнуть, что в 1905 — 1917 годах литературная критика была слабо развита, она только делала свои первые шаги.

* * *

Чтобы охарактеризовать хотя бы коротко творчество писателей, о которых в данной работе нет возможности остановиться более детально, мы считаем целесообразным проанализировать осетинскую литературу рассматриваемого периода (1905 — 1917 гг.) по отдельным видам.

Поэзия

Георгий Михайлович Цаголов, видный публицист и поэт, родился в 1871 году 22 апреля в селении Христиановское Северной Осетии. Его отец, получив духовное образование, служил священником, но вскоре отрекся от священнического сана и работал учителем. Цаголов в 1885 году окончил Моздокское духовное училище и в этом же году поступил в Ставропольскую духовную семинарию. Через два года за чтение недозволённых книг он исключается из семинарии и с этого времени началась трудовая жизнь будущего поэта. Ему пришлось испытать труд чернорабочего, он работал телеграфистом, сельским писарем, учителем.

Журналистская деятельность Г. М. Цаголова началась в 80-х годах. Он печатался почти во всех кавказских газетах, выходивших на русском языке. В газетах и журналах печатались также его поэтические и беллетристические произведения. В 1907 году вышел из печати сборник поэтических произведений Георгия Цаголова «Осетинские мотивы», а в 1912 году издан его историко-экономический очерк «Край беспросветной нужды», в котором показано тяжелое положение осетинского крестьянства.

Будучи человеком преклонных лет, Г. Цаголов и при Советской власти продолжал свою литературную деятельность. Умер Г. Цаголов в 1939 году.

В своих поэтических произведениях Г. Цаголов рисует положение осетинской бедноты. В поэме «Рассказ дигорца» он создал жуткую картину: исстрадавшаяся, испытывающая голод и холод вдова бросается в бурный поток Уруха. В стихотворении «Иналук» поэт поведал историю, простую, но потрясающую своей правдивостью, суровым реализмом. Незначительные, казалось бы, факты приобретают под его пером смысл социальной трагедии.

Душевное состояние крестьянина-бедняка, у которого не уродился ячмень, тягостно.

Мрачнее ночи воротился
С родного поля Иналук...

Опять ячмень не уродился!
Опять все валится из рук!

Бедняку Иналуку страшен не только голод, страшен и старшина, который придет и будет взыскивать налоги, заберет последнюю корову. «Хоть в лес беги и волком вой», — говорит бедняк.

Поэту снятся «невзрачные сакли», где «холод и голод гнездились», где «страшная тьма жила». Но Г. Цаголов верил в лучшее будущее народа, в то, что придет конец мученьям бедноты. Он писал:

Придет конец теснинам гор,
И хлынут воды на простор...
(«Горный поток»)

Надежда на лучшее будущее еще ярче выражена в стихотворении «Сон»:

Придет она... Придет заря святая...
И стает снег... И расцветут цветы...

Поэт призывает не останавливаться на полпути, а быть твердым и идти вперед, ибо цель близка и необходимо проявить больше революционной энергии для того, чтобы вступить в сияющий храм свободы.

Широко известно стихотворение Г. Цагорова «На могиле Коста Хетагурова». Оно характерно для поэзии Г. Цагорова в двух отношениях. В этом стихотворении поэт высказывает не только чувство глубокого уважения к Коста Хетагурову, как к поэту-борцу, но и дает клятву работать на благо родного народа, как работал Коста. Он писал:

Прощай, наш старший брат... у дорогой могилы
Клянемся мы тебе любить родной наш край,
Работать для него, покуда будут силы,
Вести вперед его...

С другой стороны, стихотворение «На могиле Коста Хетагурова» пронизано идеями народной революции:

Вокруг редеет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит...

И близится рассвет... И трепет затаенный
Уж в крике птиц иочных заметнее звучит.
На повороте мы... Могучею волною
Нас скоро вынесет к заветным берегам,
Туда, где нет цепей, где подлою пятою
Палач не осквернит свободы дивный храм...

Задушевное стихотворение посвятил поэт великому украинскому певцу Т. Г. Шевченко. Взяв эпиграфом начальные строки его поэмы «Кавказ», Г. Цаголов, как бы отвечая украинскому кобзарю, писал:

И проходят годы... А орел, как прежде,
Все сидит над жертвой... грудь когтями рвет...
И невольно гаснут светлые надежды...
И страдалец в правду верить устает...

И все же поэт не впадает в пессимизм. Хотя в дни революции 1905—1907 годов народу не удалось сбросить кровожадного орла — царское самодержавие, Г. Цаголов убежден, что это желанное время придет. Свое стихотворение он заканчивает знаменательными словами:

Пусть проходит время... Пусть мелькают годы...
Верю я: настанет лучезарный час...
Разомкнутся цепи... Грянет гимн свободы...
И не будет стоны... И вздохнет Кавказ...¹

(«Памяти Шевченко»)

Как и Б. Гуржибеков, Г. Цаголов видел, понимал реакционную сущность зарождавшейся сельской буржуазии. В стихотворении «Темболат» поэт создал образ сельского богача, самодовольного и наглого кулака. Темболат хвастается тем, что свою некрасивую, больную дочь он выдал замуж за лучшего парня села, а своего глупого сына женил на лучшей девушке села. Темболат — типичный сельский богачей начала XX века, и поэт зло высмеивает его и подобных ему кулаков-мироедов.

В своих публицистических статьях Г. Цаголов, разоблачая произвол и бесчинства местной администрации, показывал классовую дифференциацию

¹ Журнал «На Кавказе», 1910, № 7 — 8, стр. 354.

осетинской деревни, выступал против феодалов-алдаров, кулаков-мироедов. В газете «Жизнь Северного Кавказа» (1906 год) Г. Цаголов писал, что страданиям народа конец только тогда придет, когда будет устранен бюрократический строй, когда народ станет хозяином своей судьбы.

Однако Г. Цаголов не был последовательным борцом, он иногда колебался, и революционность его порой выливалась в мелкобуржуазный реформизм и анархизм.

* * *

Одним из наиболее ярких представителей осетинской революционной поэзии является Цомак Секаевич (Михаил Юрьевич) Гадиев. Родился Ц. Гадиев в 1882 году 14 января в маленьком горском селении Ганис, в Гудском ущелье по Военно-Грузинской дороге. В 1897 году он окончил Владикавказское духовное училище, а в 1903 году — Ставропольскую гимназию. Высшее образование получил в Дерптском университете, окончив историко-филологический факультет.

Ц. Гадиев принимал активное участие в революции 1905.—1907 годов и в Прибалтике, и в Осетии. Свою поэтическую деятельность он начал в огне революционной борьбы. За свою революционную деятельность Цомак Гадиев в 1908 году был арестован, а в 1910 году осужден и сослан в Сибирь на вечное поселение, откуда смог вернуться на родину только после Февральской революции.

Мировоззрение Цомака Гадиева сформировалось под воздействием идей великих русских революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и революционного движения русского рабочего класса. С марксистской литературой и с революционным рабочим движением Ц. Гадиев знакомится будучи студентом Дерптского университета, в тайных студенческих кружках.

В Осетии Цомак Гадиев вел активную общественную и журналистскую деятельность. В 1919 году вступил в Коммунистическую партию и с укреплением Советской власти в Северной Осетии (1920 год)

он занимал ряд ответственных должностей (работал редактором газеты «Растдзинад», ректором Северо-кавказского горского педагогического института, директором Северо-Осетинского научно-исследовательского института). Одновременно вел большую литературную работу.

Умер Цомак Гадиев 24 октября 1931 года.

Литературная деятельность Ц. Гадиева разнообразна. Он выступал как поэт, прозаик, публицист, переводчик, а в годы Советской власти стал известен как драматург и литературовед.

Поэзия Цомака Гадиева насыщена пафосом революционной борьбы. Он был вдохновенным певцом революции. Призыв трудящихся к борьбе за свое социальное освобождение — основной мотив его поэзии в 1905 — 1917 годах. Его стихотворения, дышащие духом революции, печатались в газетах, которые выходили в те годы («Ирон газет», «Ног цард»).

Стихи Цомака Гадиева периода первой русской буржуазно-демократической революции носят публицистический характер, и это придает им боевитость, подлинную революционность. Поэт свои чувства и мысли выражает открыто и ясно. Вера в великую силу народа, в его победу характеризует поэзию Ц. Гадиева. В стихотворении «Народ» он писал:

Сила народная сокрушит скалы,
Воля народная качнет горы.

(Подстрочный перевод)

В стихотворении «Призыв к борьбе» Ц. Гадиев рассказал о том, как волны революции стали доходить до высоких гор и глубоких ущелий Кавказа, как народ стал пробуждаться от глубокого сна. В конце стихотворения он призывает народные массы проснуться, сплотить свои ряды и вступить в жестокий бой с вековыми своими врагами — помещиками и капиталистами. Ц. Гадиев как революционер понимал, что свобода не придет сама по себе, что угнетенный народ добьется своей свободы только в вооруженной борьбе с царским самодержавием, со всеми угнетателями, и он воспеваает эту борьбу.

В стихотворении «Набат», написанном в 1905 году, поэт осуждает тех, кто не надеялся на силы народа, не верил в революцию, кто утверждал, что «нас мало», что пока «надо подождать». Ц. Гадиев клеймит малодушных «революционеров» и пишет об огромном революционном подъеме трудящихся:

Двигутся люди стальными рядами,
Голос их слышен до края небес,
Так посмотри ты своими глазами —
В жизни много увидишь чудес.
В страхе не смей говорить: «Нас мало!»
«Коротки руки» не говори.
В страхе и горе все ясно стало,
Где наше счастье, светоч зари.
В страхе не смей говорить: «Мы устали»,
Не прячься; храбрец, себя покажи!¹

(Перевод Р. Ивнева.)

Эти бичующие строки были направлены против всякого рода оппортунистов, против меньшевиков, говоривших, что «не нужно было братья за оружие».

Таково содержание поэзии Ц. Гадиева в годы первой русской революции.

И хотя позже, в период реакции, в его творчестве появились нотки пессимизма (стихотворение «Плач о забытой стране»), его никогда не покидала уверенность в победе революции, а стихи его всегда были исполнены пафоса борьбы за свободу. Находясь в тюрьме, Ц. Гадиев написал цикл стихотворений под общим названием «Тюремные стихи». В них он рисует картины тюремной жизни, передает мысли и настроения борцов за революцию, — их мучения, их думы и мечты о свободе.

И в сибирской ссылке Цомак Гадиев не прекращал литературной деятельности. Он писал рассказы и статьи на русском языке, переводил стихи с русского языка на осетинский.

Революционная поэзия Цомака Гадиева мобилизовала осетинскую молодежь на борьбу с царским самодержавием.

Одновременно с Цомаком Гадиевым с первыми

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 204.

стихотворениями выступил Шамиль Абаев (1878 — 1941 гг.). В 1893 году он окончил сельскую школу, занимался сельским хозяйством. В революционном движении принимал участие с 1904 года, с 1917 года состоял членом Коммунистической партии.

В 1907 году в газете «Ног цард» Ш. Абаев опубликовал несколько стихотворений, но писать начал несколькими годами раньше.

Поэзия Ш. Абаева полна ненависти к власти имущим. Чувство классовой неприязни к эксплуататорам и охранителям основ царского самодержавия выражено поэтом открыто. Его лирический герой говорит, что желает подпалить всех врагов рабочих в одной большой яме. В стихотворении «Две жизни», сопоставляя жизнь богачей с жизнью бедных, поэт пишет:

Бог богачей —
Для бедных ой, ой! (одно несчастье!)
Ангел бедных —
Кормилец богачей;
Ангел богатых —
Губитель бедных.

(Подстрочный перевод)

Призыв трудящихся к борьбе за свободу — один из основных мотивов поэзии Ш. Абаева. Еще в 1904 году в стихотворении «Выходите» он писал:

Смелее выходите!
Настало время говорить!
Воспрянете, выходите,
Ударим по врагу!
(«Выходите»)

Теми же идеями пронизано стихотворение «Оратору». Поэт вновь и вновь призывает народ к борьбе. Он обращается к оратору с требованием высказывать свои мысли смелее. В поэтическом восприятии Ш. Абаева царизм — это больной зуб, который надо удалить.

В 1907 — 1917 годы Ш. Абаев в ряде стихотворений изобразил бедствия трудящихся Осетии. Но, показывая их мытарства, поэт уверен, что народ избавится от своих оков. Эти убеждения поэта, несом-

ненно выработалась под воздействием идей Коста Хетагурова. И не случайно он посвятил его памяти два стихотворения. Коста Хетагуров представляется ему «могучей башней», «путеводителем наших гор», певцом правды. Не случайно также то, что некоторые его стихотворения являются прямым подражанием стихам Коста.

Примерно к 1907 — 1908 годам относится начало литературной деятельности видного советского поэта Созура Баграева. Он родился в 1888 году в селении Христиановском (ныне Дигора, Северо-Осетинской АССР) в бедной крестьянской семье; окончил начальную школу, постоянно жил в Христиановском и занимался земледелием.

В период гражданской войны на Северном Кавказе С. Баграев ушел в партизанский отряд, боролся против белых контрреволюционных банд. Октябрьскую революцию встретил восторженно и воспел ее в своих стихотворениях.

Умер С. Баграев в 1928 году.

Судьба С. Баграева сложилась так, что он до революции не смог опубликовать ни одного своего стихотворения. Первый сборник избранных его стихов «Дверь сердца» вышел в 1926 году. Дореволюционные стихотворения Созура Баграева были знакомы только небольшому кругу друзей и односельчан поэта, которым он их читал на нихасе, на пирушках, на свадьбах и т. д.

Дореволюционные стихотворения С. Баграева отличались социальной остротой.

В стихотворении «Подвластные» поэт пишет о тяжелой доле безземельных бедняков, закабаленных алдарами-землевладельцами. Когда снимешь урожай, — пишет поэт, — алдар отбирает себе самую лучшую часть его, а бедноте оставляет остатки.

В стихотворении «Пирующие» поэт клеймит богатых, алчных, ненасытных. Поэт с гордостью заявляет, что он не желает идти даже на их пир, ему там не весело, ему гораздо приятнее поест свой черствый чурек.

С. Баграев осуждает реакционные адаты, которые

тяжким бременем ложились на плечи бедняков. Вот почему поэт острие своего пера направил против разорительных поминок. В стихотворении «Поминки» он описал смерть бедняка Мали. Никто не горюет о смерти Мали, никто не плачет о нем.

Но помянуть
Надо Мали,
И пировать
Люди пришли
— Эх, — говорят, —
Жаль бедняка!..
Съели овцу,
Съели быка
И, распрощавшись
С нищей семьей,
Гости ушли
Праздной гурьбой¹.

(Перевод Т. Стрешневой).

Поэт протестует против социального гнета, но свои мысли не высказывает в полный голос, у него пока мало уверенности в победе трудящихся над алдарами и капиталистами («Подвластные»).

Путь поэта осветили лучи Октябрьской революции. В дни гражданской войны его стихи зазвучали победной песней. Они звали к борьбе против алдаров и помещиков. Он выступает с сатирическими стихотворениями, направленными против меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов.

Поэтическое творчество С. Баграева расцвело в годы Советской власти. Но и дореволюционной поэзии С. Баграева присущи своеобразие, художественная прелесть. Его поэзия лирична. Поэт умело пользуется средствами юмора, а позже, в годы гражданской войны, юмор его оборачивается бичующей сатирой («Село, пораженное молнией», «Вот тебе на», «Круг хохлатых» и другие).

В 1907 году на литературной арене выступил Георгий Гадоевич Малиев, поэт с самобытным лирическим талантом. Родился он в 1887 году в сел. Христиановском в семье безземельного крестьянина. Ро-

¹ Осетинская литература, ГИХЛ, М., 1952, стр. 214.

дители Георгия Малиева принадлежали к сословию «временнопроживающих» и кочевали из села в село. После окончания сельской школы Г. Малиев в 1910 году поступил в Ардонскую семинарию, но окончить ее ему не удалось. В 1913 году он был исключен из нее. Учебные заведения обслуживали, прежде всего, детей зажиточных граждан, носили сугубо классовый характер. Это хорошо понял Георгий Малиев и в 1909 году в стихотворении «Между прочим» писал:

В чудный храм науки славной
Бедный отрок постучал.
Вышел жрец походкой плавной
И торжественно сказал:
«Если деньги есть в кармане,
Если знатен и богат,
То зайди, — тебе в сем храме
Будет место, юный брат.
Если ж денег нет, мой милый,
Убирайся поскорей,
Голь для нас, что враг постылый,
Да и места нет, ей-ей!»¹

Исключенный из Ардонской семинарии, Г. Малиев пытался поступить в какое-нибудь учебное заведение и продолжить свое образование. Он побывал в Баку, в Москве, но на учебу его нигде не приняли. Вернувшись в родную Осетию, Г. Малиев начал работать учителем начальных классов и в то же время писал стихи, рассказы, корреспонденции в газеты. В 1917 году Г. Малиев находится в рядах революционно-демократической партии «Кермен», принимает участие в борьбе за упрочение Советской власти в Северной Осетии. Малиевым была подписана приветственная телеграмма, направленная партией «Кермен» В. И. Ленину. В телеграмме говорилось, что «сыны Осетии — жаждут осуществления лозунгов третьей революции»².

Г. Малиев писал стихи на русском и на осетинском языках. Первый сборник его стихотворений, написан-

¹ Газета «Хабар», 1909. № 8, 12 мая.

² Газета «Правда», 1917, № 193, 1 декабря.

ных на русском языке, вышел только в 1924 году под названием «Горские мотивы». Сборник его осетинских произведений «Ираф» издан в 1934 году в г. Орджоникидзе.

Лирические стихи поэта отражают переживания, думы и чаяния простых людей, их стремление к свободе. Лирический герой поэта органически слит с родной природой, любит ее, для него она полна жизни. Все в ней одухотворено, исполнено красоты и величия, созвучно его настроениям. Вот поэт зовет в высь луна, плывущая над «титанами Кавказа». Не зови, — просит поэт, — мою душу в ширь небес, «скорбь царит и там, я знаю, так же, как и здесь» («Горские мотивы», стр. 6). Волны каспийские, как живые, нашептали поэту сказку о страданиях, спели ему песню борьбы и печали (там же, стр. 7).

Злой Урух во мгле теснины
Воет, плачет подо мной.
Не мелодья звуков нежных,
Не чарующий напев —
Слышны в плаче волн мятежных.
Возмущение и гнев.

(Там же, стр. 9)

Г. Малиевым предреволюционная жизнь рисуется мрачной, безрадостной. «Нет во мне уж больше прежнего огня», — пишет он в стихотворении «Возвращение», — «как цветы, увяли жизни упования, загубил их рано холод бытия». Эти «оппозиционные» настроения, несомненно, возникали на почве разлада с окружающей действительностью.

Г. Малиев — лирический поэт большой эмоциональной силы. Его стих полон живых чувств, он мастерски передает настроение и переживания своего лирического героя. Поэт создает в небольших лирических стихах яркие, зримые картины. Читатель видит, как бедная горянка, которой сказали, что «для каждого на небе богом создана звезда», устремила свой взор в небо, ищет свою звезду. Но, конечно же, бедняжка обманулась и не находит ее («Песня горянки»).

В поэзии Г. Малиева много подобных лирических стихов, ярких картин, впечатляющих образов. В этом его сила.

Но в дореволюционных стихах его нет того социального накала, который чувствуется в творчестве таких поэтов, как Ц. Гадиев, Г. Цаголов, С. Баграев. К конкретной социальной тематике он перейдет после Октябрьской социалистической революции.

Вместе с Г. Малиевым начал свою литературную деятельность один из видных осетинских советских писателей — Андрей Семенович Гулуев. Его первое стихотворение, посвященное памяти Коста Хетагурова, напечатано в газете «Ног цард» (№ 66) в 1907 году.

Андрей Семенович Гулуев родился в 1892 году в станице Черноярской, Моздокского района, Северной Осетии. А. Гулуев в 1907 году поступил в Ардонскую духовную семинарию и в 1914 году окончил ее курс. Работал учителем, служил в армии. Революцию 1917 года встретил вдохновенными стихами. В 1918 году в стихотворении «Песня гор» А. Гулуев писал:

Нам, бойцам мятежным, вставшим грозной тучей,
Не страшны угрозы яростных врагов,
Песней боевою, как Кавказ, могучей,
Мы ответим смело на свободы зов.

Но некоторые революционные стихотворения поэта носят абстрактный характер. Душевное одиночество, камерность чувств и переживаний характерны для лирики раннего А. Гулуева.

Страдай в тоске один, страдай один в тиши,
И в сердце страждущем таи мечты и звуки.
(«Ночи бессонные», стр. 12)

Мысль об одиночестве преследует поэта и его лирического героя повсюду: у него и могила, «позабывшая всеми, одна», и «ароматные, нежные розы расцвели одиноко» над могилой. Поэта ничего не радует, все окутано мраком. Это можно было бы воспринять как поэтическое выражение недовольства человека окру-

жающей действительностью, но поэт и в будущем не видит просвета. «Усталое сердце объято безумной тоской, нет веры в отраду грядущих годин», — пишет он в стихотворении «Это было еще так недавно!»

Социальные мотивы, мотивы борьбы едва ошутимы в ранней поэзии А. Гулуева. Они крепнут, звучат уверенно лишь в 1917 — 1918 годах, когда он воочию увидел и постиг сущность революционной борьбы народа, российского пролетариата.

Поэзия А. Гулуева рассматриваемого периода испытала влияние русского символизма. Поэт освободился от него, только поняв смысл борьбы народа за торжество идей социализма.

В предоктябрьские годы в осетинскую литературу вошли поэты Илас Арнигон, Алихан Токаев и другие. Каждый из них принес свои жизненные впечатления, свой опыт, каждый из них имел свой творческий почерк, идейные устремления.

Илас Арнигон — литературный псевдоним Газака Тогузова (он же писал иногда под псевдонимом Илас Мизурон) — родился 10 декабря 1888 года, в селении Ардон, Северной Осетии. Окончил в 1909 году Ардонскую семинарию, некоторое время работал учителем в Куртатинском ущелье. В 1911 году уехал в Маньчжурию и преподавал русский язык. В 1914 году вернулся во Владивосток, поступил в Институт народов Востока и окончил его в 1918 году. В 1920 году уехал обратно в Маньчжурию, работал в Харбине, в департаменте просвещения инспектором советских школ. На родину вернулся в 1934 году.

В своих стихах Арнигон изображал картины жизни дореволюционной Осетии. Свою любовь к родной Осетии, к простым людям, к ее живописной природе он выразил во многих стихотворениях.

Поэт испытывает острое чувство боли, когда перед его взором предстают бедные сироты, когда он видит свою родину бедствующей (стихотворение «Несчастливая Осетия»). Он клянется отдать все свои силы, свое сердце Осетии («Клятва»), призывает друзей, народ помогать родной стране, не бояться трудностей («Где вы застрялись?»).

На содержании поэзии Арнигона сказалось то обстоятельство, что он долгое время находился на чужбине. Поэт горько оплакивал свою разлуку с Осетией («Прощай»); пессимистическая окрашенность лирики поэта обусловлена именно оторванностью от любимой родины. Поэта обуревают противоречивые чувства — он страстно любит родину, желает помочь ей, но сознает свое бессилие, понимает, что он лишен возможности трудиться ради нее. Это омрачает его. Веселое настроение покинуло поэта, он ходит с поникшей головой, счастье умчалось куда-то на своих быстрых ногах.

Оборвалась моя песня,
Не слышна больше моя игра.
Убежал мой кормилец, тот, кто меня содержит —
Верните его скорее.
(«Веселье», подстрочный перевод)

Поэзия Арнигона сторонится острых социальных проблем, она лишена той боевитости, которая присуща осетинской революционной поэзии.

На его поэзии лежит налет абстрактности. Но Арнигон мастерски раскрывает духовный мир своих лирических героев. По музыкальности и выразительности стиха, по художественности поэзии Илас Арнигон, пожалуй, не имеет равных среди своих современников.

И. Арнигон написал для детей несколько стихотворений («Цветок», «Сирота», «Тузар», «Усни же ты»), которые вошли в школьные хрестоматии и учебники.

Перу Арнигона принадлежит одна из лучших новелл осетинской литературы предоктябрьского периода — «Челе». Автор создал яркий образ крестьянина, охваченного жаждой наживы и ставшего впоследствии кулаком. Образ Челе самобытен и оригинален. Арнигон высмеивает частнособственнические инстинкты алчных людей. У Челе этот инстинкт настолько силен, что он не мог умереть, пока не нашли и не принесли его рашпиль. Умирая, он движением губ спрашивал: «Где же мой рашпиль, поищите его у соседей». А когда убедился, что рашпиль положен на свое ме-

сто, в сундук, с другими его инструментами, он навсегда закрыл глаза.

Арнигон написал также несколько одноактных пьес, в которых разоблачаются реакционные дедовские адаты.

Начало литературной деятельности Нигера, одного из крупнейших советских поэтов, относится к предоктябрьским годам, первое стихотворение его датируется 1914 годом. Нигер (Иван Васильевич Джанаев) родился 2 ноября 1896 года в селении Синдзисар, Нарского прихода, Алагирского ущелья, Северной Осетии. По окончании Владикавказского духовного училища Нигер в 1913 году поступил в Ардонскую духовную семинарию и окончил ее в 1917 году. После установления Советской власти в Северной Осетии Нигер работал в органах народного просвещения, затем, окончив аспирантуру, вел научно-педагогическую работу в вузах Осетии. Умер Нигер 3 мая 1947 года.

Нигер начал писать стихи в Ардонской семинарии. В 1916 году здесь создается нелегальный рукописный журнал «Фидиуæг» («Глашатай»). В нем опубликовано несколько его стихотворений и рассказов за подписью «Сау лæппу», «Нигер» и другими.

В ранних стихотворениях Нигера созданы образы бедных горцев, нарисованы картины нищенской жизни. В своем первом произведении «Мое имя» он с той искренностью, которая в дальнейшем стала характерной чертой его поэзии, передал переживания лирического героя. Кто же этот герой? Это угнетенный осетин-горец, косноязычный, безымянный. Все симпатии автора на его стороне, и он выступает в его защиту. Нигер с болью в сердце пишет о бедняках:

Сироты наши не обласканы,
Где бедняку приют найти?
Не усладить их души сказками —
Невзгоды встали на пути...
Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.

(«Думы Осетии», перевод Л. Озерова)

Описывая невыносимое положение горца, Нигер зовет его к борьбе с врагом («выйдем против врага с камнем, с палкой»). Поэт ищет вождя, который бы помог народу обрести новую жизнь, но пока не находит его и приходит в отчаяние. Его иногда пугали трудности борьбы, он порой готов был бежать от жизни, но велика его любовь к народу, и он не мог быть малодушным.

Показывая думы и чаяния трудящихся, их стремление к лучшему, Нигер не имел еще ясного представления о пути, по которому нужно идти к свободе, к избавлению от невзгод и угнетения. Найти этот путь Нигеру помогли революционные годы, подъем рабочего движения, пробуждение трудящихся к освободительной борьбе в 1917 году. В стихотворении «Вперед» он писал:

— Смелее, товарищ!
К алдару во двор!
Короткий с алдаром
Теперь разговор!
Он сыт нашей кровью
И нашим трудом.
Вперед же! С алдаром
Мы счеты сведем!
Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный
Алдара зовет.

(Перевод Э. Левонтина)

Накануне революции со своеобразными стихами выступил и Алихан Токаев. Алихан Инусович Токаев родился в 1895 году в бедной горской семье в селении Даргавс, Северной Осетии. Учился в сельской школе, а с 1910 по 1916 год — в Бакинском морском училище. В Баку А. Токаев примкнул к революционному движению. В 1916 году вернулся в родные горы и работал учителем. В гражданской войне принимал активное участие, боролся против контрреволюционных банд, за установление Советской власти.

Умер А. Токаев в 1920 году.

Первые литературные опыты А. Токаева относятся

к 1910 — 1911 годам. Его стихи печатались в периодической печати, а драма «Белые вороны» ставилась на сцене силами самодеятельных кружков.

Поэзия Алихана Токаева тесно связана с жизнью. Лирический герой его желает петь вдохновенно, чтобы его песня была ключом, которым можно открыть двери в светлое будущее. Поэт осуждает империалистическую войну: «война, как чума, уносит наших лучших», «подобно косе, рука войны косит народы».

Тяжело живется трудящимся не только Осетии, но всей России, но поэт уверен, что скоро настанет светлая пора. Он приводит народную поговорку о том, что «ненастное время недолговечно», что после зимы наступает весна.

Социальная направленность поэзии А. Токаева очевидна. Поэту ненавистен эксплуататорский строй, он весь устремлен вперед, к свободе. И это придает поэзии А. Токаева революционный характер.

Но поэтическое восприятие окружающего мира А. Токаевым противоречиво, внутренний мир его лирического героя часто раздваивается. Лирический герой его небольшого стихотворения говорит:

Желая попасть в рай,
Я люблю ад.
Пребывая в аду,
Сгораю совсем.
Муки из ада
Беру я себе,
Из ада по своей воле
Я взираю в рай.¹

(Подстрочный перевод.)

Противоречивость восприятия лирическим героем внешнего мира характеризует и другие стихотворения А. Токаева («Холод бросаю я в сердце», «Подснежник»).

Не трудно заметить, что А. Токаев испытал влияние русских символистов. Не всегда удачные поиски новых форм, строфики, художественно-образительных средств, поэтических интонаций, уводивших в

¹ Альманах «Малусæг», Дзауджикау, 1922, стр. 75.

сторону от жизненной правды, — все это говорит о воздействии символистов на поэзию А. Токаева, о его идейных колебаниях. Об этом же говорит и тот факт, что им переводятся на осетинский язык отдельные символистские стихи Брюсова, Бальмонта. Элементы символизма свойственны и драме «Белые вороны».

Однако мотивы борьбы, реалистическое изображение действительности более характерны для поэзии А. Токаева и делают ее социально-острой и актуальной для того времени.

Проза

Зарождение осетинской прозы относится к 70-м годам XIX века, когда в печати появились очерки и рассказы И. Канукова. Несколько позже написаны рассказы Коста Хетагурова. И. Кануков и К. Хетагуров писали свои прозаические произведения на русском языке. На осетинском языке в области художественной прозы впервые выступили Сека Гадиев и Арсен Коцоев.

В рассматриваемый период наиболее весомыми произведениями были рассказы Арсена Коцоева. Он — самый яркий представитель критического реализма в осетинской литературе накануне Октябрьской революции.

Арсен Борисович Коцоев родился 16 января 1872 года в селении Гизель (Северная Осетия) в семье крестьянина. После окончания сельской школы он поступил в Ардонскую духовную семинарию, которую ему не удалось окончить. Сдав экзамен на звание сельского учителя, А. Коцоев несколько лет учительствовал в сельских школах.

В 1895 — 1896 годах А. Коцоев начал печатать различные корреспонденции в газетах, выходивших во Владикавказе и Тифлисе. Первый рассказ А. Коцоева напечатан в газете «Кавказ» в 1901 году.

В 1909 — 1910 годах он редактировал журнал «Афсир», а в 1912 году работал корректором боль-

шевистской газеты «Правда», на страницах которой напечатал несколько рассказов. После Великой Октябрьской революции сотрудничал в органах печати и учреждениях народного просвещения.

В автобиографической справке А. Коцоев отмечал, что в середине девяностых годов XIX века написал роман на осетинском языке. Что побудило его писать роман? На этот вопрос отвечает сам автор в своей биографии. «Живя в селении, — писал он, — я понял, какой большой вред наносят народу многие из дедовских обычаев, понял, что с этими обычаями надо вести борьбу. Я начал писать роман «Жертвы дедовских обычаев...». Работая с утра и до позднего вечера, я закончил его через несколько месяцев. Сдал свой роман одному из сотрудников издательского общества «Рухсады æхсæнад»¹. Через некоторое время прочитали его и сказали мне: «Мы прочитали твою рукопись, она нам понравилась и мы издадим роман попозже, но пока у нас денег нет на это» (подстрочный перевод с осетинского)². Тогда А. Коцоев взял обратно свой роман и перевел его на русский язык.

К сожалению, содержание романа, о котором А. Коцоев говорит в своей автобиографии, нам неизвестно. Судя по тому, что автор намеревался выступить против дедовских обычаев и назвал свое произведение «Жертвы дедовских обычаев», надо полагать, что острое его было направлено против реакционных традиций, мешавших экономическому и культурному развитию осетинского народа. Это подтверждается и тем, что опубликованные в газете «Кавказ» за 1901 год рассказы «Фидис»³ и «Хин»⁴ написаны на эту же тему, и, по-видимому, являются отрывками или отдельными главами романа.

В рассказе «Фидис» («Злая насмешка») показывается как целые семьи стали жертвами реакционного обычая кровной мести. Сюжет этого небольшого

¹ «Рухсады æхсæнад» — «Общество просвещения».

² Лит. архив СОНИИ, архив А. Коцоева, 12 — 10.

³ Газета «Кавказ», 1901, № 211.

⁴ Там же, № 231.

произведения несложен. Пять лет назад убили сына старого Таймураза. Он скорбит о горькой утрате и по обычаю хочет отомстить за сына. Благонамеренные люди в ауле давно подумывали о том, как бы примирить кровников. Они вели переговоры с той и другой стороной. Сослан, убийца сына Таймураза, готов согласиться на все условия. Таймураз тоже склонен к примирению. Но наряду с добрыми, благонамеренными людьми нашлись и злые, недоброжелательные. Один из них, сосед Таймураза, во время ссоры со злой насмешкой сказал ему, что он должен стыдиться даже появляться на улице, так как до сих пор не отомстил за смерть сына. Таймураз счел себя опозоренным и требует от своего юного сына Касполата отомстить за убитого брата.

Касполат долго раздумывал, он не был привержен дедовским обычаям, но злые насмешки недобрых людей, требование отца отомстить за брата и тем самым спасти себя от вечного позора сломили его волю. Он убивает Чермена и Карафа, но и брат Сослан, их кровник, убил самого Касполата, а затем и старого Таймураза.

Кто повинен в этом жестоком кровопролитии? Темнота, дедовский реакционный обычай кровной мести, злые языки, которые подогревали страсти.

А. Коцоев выступал против этих обычаев с резкой критикой. «Содрогнулись от ужаса сельчане, — пишет он в конце рассказа, — дивились они тому, что готовые уже примириться кровники вдруг совершили столько убийств. Но когда вспомнили ссору, случившуюся на нихасе третьего дня, и укор, брошенный Таймуразу соседом, то поникли головой и предались глубокому горю».

Писатель понимал, какой вред наносили народу темнота, суеверия, всякие знахари и гадалки. Об этом он писал и в рассказах и в публицистических статьях. В одной из статей, опубликованных в газете «Кавказ»¹ в 1901 году, А. Коцоев писал: «Целителя-

¹ Газета «Кавказ», 1901, № 261, 5 октября.

ми недугов человеческих являются у нас большей частью муллы и знахари — эти «прорицатели» воли божьей. Авторитет их так велик в невежественной массе, что всякое слово их принимается за чистую монету. И вот эти эскулапы говорят народу, что «те, кто, не узнав от них воли божьей, обращается к медицинской помощи, навлекают на себя гнев святых и ангелов». «Знахарки и муллы буквально управляют умами темной массы, — пишет далее А. Коцоев, — и, не принося ей, конечно, никакой пользы, обируют ее. И за это им платят. Платят, например, за совет больному лихорадкой повесить на шею амулет...»

А. Коцоев считал, что господство невежественных мулл и знахарей связано с тем, что медицинская помощь населению почти не оказывалась. «Можно с уверенностью сказать, — писал он, — что это нежелательное явление будет наблюдаться до тех пор, пока народ не будет поставлен в более благоприятные условия в отношении медицинской помощи».

В рассказе «Хин» («Колдовство»)¹ писатель, разоблачая знахарей и знахарство, показал, какую роковую роль играли они в жизни забитой бедноты.

Вот сюжет рассказа. Касбулат жил счастливо со своей большой семьей. Три сына его и внуки никогда не ссорились между собой и с сельчанами. Но в одну дождливую весну скот Касбулата начал падать. Семья удивлена тем, что только у них гибнет скот. Причину несчастья по-своему раскрыла их бабушка. Она решила, что здесь замешаны чьи-то козни, чье-то колдовство. Но кто он, этот их недруг, ведь они ни с кем не ссорились? Один из сыновей Касбулата пришел в ярость и, то вскакивая с места, то садясь, говорил: «Узнаю, узнаю я его и отомщу!» И тут на сцену выступает знахарь. В селении Фазикау появилась известная знахарка Асиат. Жена Касбулата тотчас же пошла к ней узнать имя «зло-

¹ Газета «Кавказ», 1901, № 231, 2 сентября.

дея», под действием колдовских чар которого падал их скот. Асиат предварительно потребовала 10 рублей и другое вознаграждение, и лишь после этого сказала, что в их бедах повинен сосед. Знахарка обобрала семью Касбулата и поссорила ее с соседями. В результате был убит один из сыновей Касбулата.

К теме разоблачения мулл и знахарей А. Коцоев возвращался не раз и в последующее время. Он писал о них с ненавистью и презрением. Вот как нарисована знахарка Асиат в рассказе «Колдовство».

«...На подушке, положенной на тахте, сидела громадная женщина; щеки ее обвисли от чрезмерной полноты и лоснились от жира; шеи не видно было совсем, как будто голова была непосредственно соединена с туловищем; маленькие, карие глаза были еле видны. Вся она казалась громадной массой мяса, толщиной почти в два обхвата. Серебряный пояс опоясывал эту массу и давал ясное представление о ее толщине. Знахарка часто и коротко дышала, пот непрерывно выступал на ее лбу, и она вынуждена была постоянно вытирать его, для чего держала около себя платки, сменявшиеся ежеминутно».

Правдиво показывая жизнь, А. Коцоев не мог идеализировать осетинских крестьян. Они были в своей массе темными, безграмотными, суеверными, не получали никакой медицинской помощи, а муллы и знахарки, пользуясь этим, буквально завладевали умами темной массы.

Писатель защищает интересы трудящихся крестьян и в своих публицистических статьях выступает против сельской буржуазии и сельских старшин.

«Везде старшины и буржуи находятся как бы в союзе, — писал А. Коцоев. — Не успеет вновь назначенный старшина принять дела, как уже у него чувствуется тяготение к сильным нового общества. И есть основание. Старшине выгодно быть на стороне богачей и сильных, чтобы свободнее распоряжаться в остальных слоях общества. А не будет поддерживать сильных, так ему легко лишиться места. Буржуям так же выгодно поддерживать хорошие отно-

шения с сельской властью, чтобы им покойнее сиделось на горбу бедняка»¹.

В 1909 — 1910 годах А. Коцоев активно сотрудничал в «Тифлисском обществе культурно-просветительской деятельности среди осетин». В 1910 году под его редакцией выходил общественно-литературный иллюстрированный журнал «Афсир» («Колос»). В этом журнале А. Коцоев напечатал несколько рассказов, помещал фельетоны и статьи на темы просвещения. Возглавляя журнал, А. Коцоев проявил себя не только как талантливый писатель и редактор, но и как искусный художник-карикатурист.

В 1912 году Арсен Борисович Коцоев, работая корректором большевистской газеты «Правда», напечатал в ней несколько рассказов в переводе на русский язык под псевдонимом Арсен Дарьяльский («Помечтали», «Товарищи») ².

В этих рассказах писатель показывал произвол царских чиновников и эксплуатацию трудящихся масс помещиками и кулаками, жадность духовенства, бичевал вредные обычаи, которые тормозили экономический и культурный рост осетинского народа.

С начала своей творческой деятельности А. Коцоев становится на позиции критического реализма. Ярким и образным языком писатель поведал об эпохе, в которую он жил. Сочными красками нарисовал он бытовые картины, с присущим ему чувством юмора изобразил современников с их пороками и достоинствами. Он хорошо знал осетинскую дореволюционную действительность, и это дало ему возможность создать целую галерею запоминающихся художественных типов и образов.

В рассказе «Охотники» (1901 год) писатель нарисовал портреты двух бедных стариков — Тедо и Симона, которые вынуждены сносить всяческие уни-

¹ Газета «Кавказ», 1901, № 215, 17 августа.

² Газета «Правда», 1912, № 159, 160, 161.

жения и оскорбления со стороны князя Михо и его свиты.

Тип жадного кулака Хосдзау показал он в рассказе «И так бывает». Жадность делает его бездушным, мерзким. Родные дочери для него лишь товар — кто даст больший калым, за того он и выдаст их. Его будущий зять Саугуди не может уплатить калым вовремя. Он совсем разорился, выплачивая калым, и вот Дзерасса, засватанная им, в течение пяти лет живет в доме отца. Жених встал на гибельный путь воровства, грабежей. Он не щадит и своего богатого тестя, которому он платит калым его же добром. Путь, на который стал Саугуди ради уплаты калыма, показался ему очень заманчивым, и он продолжал идти им и после свадьбы. И это погубило его. Во время ночного набега он был убит... Последние слова Саугуди были: «Да не простит бог моему тестю, из-за него я стал на этот путь».

В «Пасхе Гиго» (1910 год) автор со злой иронией изобличил жадного и хитрого попа Иосеба. «Кто не знает,— пишет А. Коцоев,— священника Иосеба! Его щеки от жира лопаются, блестят; его живот больше живота беременной женщины... Он очень любит курятину... За столом он не скрывает своих наклонностей, он всегда говорит: давайте сюда куриц, крылышки, ножки. И как только все это появляется на столе, он засучивает рукава и двумя руками принимается за них...»

«Он очень любит народ,— иронически подчеркивает А. Коцоев,— проявляет большую заботу о народе, о людях...» Свою любовь к бедным поп, оказывается, проявляет, советуя им соблюдать гигиену, есть вкусную и питательную пищу, жить в светлых просторных домах, но в то же время он не останавливается перед тем, чтобы отобрать у бедняка последнюю курицу, последнего поросенка в счет отслуженного когда-то молебна.

С присущим ему сарказмом писатель в ряде других рассказов и фельетонов («Двадцать четыре дня», «У лгуна дорога коротка») разоблачает ханжество

попов, мулл и других служителей культа, раскрывает их двуличие, лживость и жадность.

Характер дореволюционного творчества А. Коцоева определяется критическим отношением к буржуазной действительности. Памятен созданный им образ пристава Ивана Топтыго (рассказ «Товарищи»), грабившего казну, разорявшего население. Он связался с абреком, укрывает его, дает ему ложные документы на краденых коней, получая за это долю от вырученной суммы.

Любовью к свободе продиктованы лучшие произведения писателя. Лучше всего, полнее всего эта черта его творчества воплощена в аллегорическом рассказе «Баран и козел».

А. Коцоев — мастер художественного слова. Его произведения отличаются гибкостью и богатством языка, лаконичным и выразительным синтаксисом. Композиционная стройность рассказов, колоритность характеров героев, глубокий психологизм по праву принесли А. Коцоеву славу мастера новеллы, умеющего, помимо всего, воссоздать красочные осетинские пейзажи, зло посмеяться над пороком.

С рассказами и очерками на русском языке выступал в те годы и Батырбек Асланбекович Туганов (1866—1921 годы), писатель прогрессивного направления, печатавший свои произведения во владикавказских газетах «Казбек», «Терские ведомости» и других. Выходец из богатой помещичьей семьи, Б. Туганов, испытал воздействие русской революционно-демократической литературы и передовой осетинской интеллигенции, в первую очередь Коста Хетагурова, порвал со своей семьей, перешел в лагерь демократии. Как уже говорилось, в 1905 году он перевел на осетинский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. В своих рассказах Б. Туганов отразил дореволюционный быт осетин, стремление народных низов к свету и знаниям («Пастух Баде»), показал вред патриархальных адатов («По адату»), высмеял людские пороки («Кокнокрад», «Ханифа»). Большинство образов, созданных им, романтичны. Сборник его произведений «Ба-

тапоко Тембот» вышел в свет в 1913 году. Лучшие произведения писателя и по сей день не потеряли своего художественно-познавательного значения.

Определенный историко-литературный интерес представляет и деятельность Хоха Тлатова (1880—1932 гг.). Он известен как оригинальный прозаик, как переводчик и как автор публицистических статей. Его небольшая фантастическая повесть «Сон» опубликована в 1911 году. Писатель в первой части произведения показывает тяжелое материальное положение студента-осетина, который учится в большом русском городе. К нему доходят вести о том, что на его родине люди живут так же бедно, что участились случаи воровства, а на больших дорогах грабят и убивают путников. Усилились распри и между различными национальностями. Эти вести доводят студента до отчаяния, и, проклиная свой народ, он засыпает...

Во сне он видит родину преображенной. Пришел конец всем распрям, народ зажил богато и мирно. Неграмотных уже нет, все читают газеты и книги. Село имеет свои общественные магазины и столовые, свой театр. Все члены общества вместе трудятся и развлекаются. Выборы в парламент проводятся по демократической системе...

Таков утопический социализм Хоха Тлатова. Повесть «Сон» написана под влиянием утопических романов и повестей, в частности, чувствуется влияние американского писателя Белла Илеша. Но ей присущи и оригинальные черты. В начале повести автор правдиво рисует тяжелое положение осетинских крестьян, его до глубины души возмущают грабежи и убийства, но он не верит в лучшее завтра. Его мечта о далеком будущем — это мечта о социализме, но и социализм его не научный, а утопический.

Его идеалом является человек, ничем не связанный с обществом, ни с одним классом, ни с одним социальным сословием. Внеклассовый человек выведен им в рассказе «Кого ждала чудесная красавица» (1910 год). Симпатии автора оказались на стороне человека, который не является ни начальником,

ни купцом, ни князем, ни рабом, ни военным и ни монахом — а просто человеком.

Мелкобуржуазные идеи об отсутствии в Осетии классов и классовой борьбы пронизывают творчество Х. Тлатова.

В 1907 году в газете «Ног цард» было напечатано несколько рассказов, отразивших революционный подъем народных масс, рисующих образы революционеров, картины расправы с борцами за народное счастье. Они публиковались или под псевдонимами, или же подписывались неизвестными или малоизвестными писателями.

В 39-м номере газеты напечатан рассказ «В тюрьме», подписанный инициалами К. М. Автор создает образ молодого революционера, осужденного на смертную казнь через повешение. Его выводят в тюремный двор, чтобы привести приговор в исполнение. Прокурор предлагает ему выдать товарищей, обещая ему за это сохранить жизнь. Осужденный на казнь категорически отверг это предложение, говоря, что он никогда не предаст борцов за народное счастье, что предпочитает умереть как честный революционер. И он смело пошел на эшафот.

В 14-м номере той же газеты напечатана новелла Ислама Датиева с таким же названием «В тюрьме». Автор бичует богачей и духовенство. В ночь под пасху народ ликует, везде слышны возгласы: «Христос воскрес, Христос воскрес!». А арестант, закованный в кандалы, смотрит из окна третьего этажа тюрьмы и кричит: «У богачей и имущество, и сила, они вольны делать все, что их душа желает, почему бы им не веселиться. А ты, бедный люд, какой ты несчастный, как ты из-за одного дня позабыл и свою бедность и угнетенное свое положение. Прислушайся-ка внимательно, как над тобой смеется голлод! Прислушайся-ка внимательно к звону цепей, в которые ты закован! Взгляни-ка на спящую свободу, над которой каркают черные вороны! Посмотрите-ка вы все, сколько посажено в тюрьмы людей, борющихся за свободу и за правду!

— Нет, люди, не верьте,— кричит он,— звон цер-

ковных колоколов обманывает вас... Нет на земле справедливости».

Тюремный страж стреляет в узника. Он падает, истекая кровью, но все же успевает еще раз крикнуть: «Колокола вас обманывают!».

В другом небольшом рассказе — «Свобода», автор которого не захотел открыть свою фамилию, воспроизводится поэтический образ Свободы. Она явилась к народу, — пишет автор, — народ проложил дорогу своими белыми костями. Она показала свое сияющее лицо, рассеяла мрак ночи... Она принесла любовь, она разбудила массы от вековечного сна¹.

Идеи борьбы за свободу и счастье трудового народа все больше и больше проникали в осетинскую художественную прозу. Но содержание ее не было однородно. В некоторых произведениях нашли отражение, так же, как и в отдельных произведениях поэзии и драматургии, мелкобуржуазные идеи об утопическом социализме, об отсутствии классов в Осетии («Сон» и «Кого ждала чудесная красавица» Хоха Тлатова). Однако в целом осетинская проза заметно росла и развивалась по пути идейно-художественного обогащения.

Драматургия

Осетинская драматургия предоктябрьского времени представлена именами Е. Бритаева, Р. Кочисовой, Д. Короева, А. Токаева. Первые оригинальные драматические произведения на осетинском языке появились в начале XX века (1902—1903 гг.). В Осетии в те годы не было профессиональных театров; тем не менее драматургия развивалась относительно быстро. Начиная с 1903—1904 годов пьесы, оригинальные и переводные, ставились в городах и селах самодельными кружками. В «сцены» превращались школьные здания, частные квартиры, а иногда просто сараи. Старейший осетинский актер, заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской АССР

¹ Газета «Ног цард», 1907, № 58.

Б. И. Тотров, вспоминая о первом осетинском самодеятельном спектакле, состоявшемся в сел. Ольгинском, пишет: «Все село знало о нашей затее... нас уже начинали торопить. Но мало было разучить пьесу. Нужно было найти подходящее помещение, оборудовать сцену, повесить занавес... Гази Карсанов горячо поддерживал нашу затею. «Вот мой дом и сарай,— сказал он. — Ставьте здесь свою пьесу, зовите сюда народ...»¹ И вскоре сарай с помощью населения был превращен в «театр».¹

Весьма возможно, что именно непосредственное общение с народом, неграмотным в своем большинстве, но способным понять замысел автора в сценическом воплощении, обращало внимание писателей к драме.

Самой крупной и вместе с тем самой сложной и противоречивой фигурой в осетинской дореволюционной драматургии является Елбыздыко Цопанович Бритаев. Он родился 10 марта 1881 года в горном селении Далагау, Куртатинского ущелья, Северной Осетии, в крестьянской семье. Е. Бритаев в 1893 году поступил во Владикавказское реальное училище и в 1903 году окончил его. Завершив курс обучения, он работал учителем в родном селении. За участие в революции 1905—1907 годов был арестован и заключен в Назрановскую крепость на один год. По своим политическим взглядам Е. Бритаев примыкал к эсерам и меньшевикам.

В 1912 году в Петербурге на осетинском языке вышел журнал «Хуры тын» («Луч солнца»). Его редактировал и издавал Е. Бритаев. В 1913 году писатель поступил вольнослушателем в Петербургский университет и окончил юридический факультет в начале 1917 года. Тогда же он приехал во Владикавказ и вошел в контрреволюционный «Союз объединенных горцев». С августа 1917 по март 1918 года состоял членом ЦК этого «Союза» и редактором его печатного органа, газеты «Горская жизнь». В 1918 году

¹ Тотров Б., Из воспоминаний актера, Дзауджикау, 1952, стр. 21.

Е. Бритаев, охладев к политической деятельности, уехал учительствовать в селение Дзуарикау. В то же время он стремится завершить работу над трагедией «Амран», начатой еще в 1913 году. После изгнания контрреволюционных банд из Северной Осетии и упорочения Советской власти (март 1920 года) Е. Бритаев вернулся во Владикавказ и сотрудничал в советских учреждениях: возглавлял отдел искусств при Северо-Осетинском отделе народного образования, преподавал политическую экономию на Владикавказских счетоводческих курсах.

Умер Е. Бритаев после продолжительной болезни 25 сентября 1923 года.

Творческий путь Е. Бритаева сложен и противоречив. Слабая изученность наследия писателя порождала противоречивые оценки его общественной и литературной деятельности. Статья Ц. Гадиева «Елбыздыко Бритаев», опубликованная во второй книге альманаха «Зиу» в 1927 году, представляет собой первое серьезное исследование творчества драматурга. В основном правильно анализируя пьесы Е. Бритаева, Ц. Гадиев допускает и грубые ошибки в характеристике его политической и творческой деятельности. Ц. Гадиев непомерно восхвалял буквально все произведения писателя, но ни словом не обмолвился о его порочных политических взглядах и о сотрудничестве в контрреволюционных органах. Упомянув о том, что Е. Бритаев входил в ЦК «Союза объединенных горцев», критик не счел нужным разоблачить контрреволюционную сущность этого «Союза». Стараясь не замечать ошибок и идейных блужданий Е. Бритаева и всячески обеляя его, Ц. Гадиев приходит к ошибочному выводу: «Наш писатель в своем творческом пути шаг за шагом поднялся до коммунизма». Не менее тенденциозна его оценка трагедии «Амран», в которой критик без каких-либо оснований усмотрел отражение борьбы пролетариата за свою диктатуру.

Эти и ряд других ошибочных положений статьи Ц. Гадиева долгое время без должной критики распространялись среди читающей публики. Многие литературоведы и критики, в том числе и автор данной

работы, следуя за Ц. Гадиевым, на все лады расхваливали наследие Е. Бритаева, амнистируя его ошибки.

Задача литературоведения состоит в том, чтобы, не идеализируя Е. Бритаева, не замазывая его ошибок и недостатков, с позиций марксистско-ленинской методологии оценить по достоинству его мировоззрение и творческое наследие. Мы же в данном очерке ставим перед собой более скромную задачу — вкратце охарактеризовать произведения Е. Бритаева.

Первые произведения писателя вышли в свет в 1902 — 1903 годах. Содержание их несложно.

Молодой горец Мусса уехал на заработки в Россию и нанялся в лакеи. Кое-как усвоив лакейскую терминологию, он научился произносить отдельные фразы на каком-то «русско-осетинском» ломаном языке. Возгордившись, Мусса отказывается от традиций и обычаев своего народа и попадает в нелепое положение. Земляки смеются над ним, не нашедшим для себя лучшего дела в России, чем с лакейской услужливостью подавать шубу барину, да еще и кичащимся этим. Мусса оторвался от родной стихии, от культуры осетинского народа, а к культуре русского народа не пристал. Таково содержание комедии «Побывавший в России» (1902 год).

Образ Мусса — это образ того самого горца, которого господин Купон безжалостно переряжал «из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»¹. Типы, подобные Мусса, могли появиться в Осетии лишь в результате возникновения и усиления капиталистических отношений. Публицист А. Ардасенов еще в 1896 году писал, что «в настоящее время туземцы Сев. Кавказа вступают в новый период жизни. Новые экономические отношения, в которых горцу приходилось действовать волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию. Горцев, особенно осетина, можно видеть теперь на всех перекрестках жизни.

¹ Ленин В. И., Соч., т. 3, стр. 521.

При этом они не брезгают никакой должностью: их можно видеть в гостиницах, в трактирах, в передней барина»¹.

В передней барина оказался и Мусса. Образ Мусса — не досужий вымысел драматурга, он выхвачен из самой жизни. Ведь не случайно и другой осетинский драматург — Хубаев также занялся разработкой этой темы, написав пьесу «Осетины в России». Нужда — безземелье и малоземелье — выбрасывала людей за пределы Осетии, причем часть их попадала в промышленные центры, вступала в великую семью рабочего класса, приобщалась к традициям революционной борьбы, другая же часть, состоящая из людей в моральном отношении менее устойчивых, падких на легкий заработок, шла в барские передние. Им уподоблялись и те, кто во время первой русской революции отправлялись из Осетии в Россию и служили стражниками. А такие случаи были нередки. В 1906 году газета «Ирон газет» организовала поход против этих отщепенцев. Они высмеивались почти в каждом ее номере. Газета отмечает, что в тех, кто шел на такой «промысел», люди швыряли камни, потому что они, защищая интересы помещиков выступали против бедных крестьян и позорили осетинский народ.

Е. Бритаев прав. Но писатель не смог вскрыть социальные корни этого пагубного явления, причины, побуждавшие горца покидать родину и опускаться ради мизерного заработка до положения лакея; он не сделал более или менее ясных выводов, что говорит о незрелости драматурга и ограниченности его мировоззрения.

В пьесе «Побывавший в России» нет положительных героев. Люди, которые противопоставляются Мусса, стоят не на высоком интеллектуальном уровне. Они ревниво оберегают лишь чистоту родного языка и человеческую честь вообще, соблюдают обычаи предков и не выходят за рамки норм патриархальной жизни. Сохранить богатство родного языка,

¹ В.—Н.—Л., Переходное состояние горцев Северного Кавказа, 1896, стр. 14.

честь и достоинство человека, вызвать ненависть к лакейской психологии и идеологии — вот основные идеи, которыми был движим драматург, когда писал это произведение.

В другой пьесе — «Лучше смерть, чем позор» — Е. Бритаев, хотя и не выводит персонажей за пределы патриархальной жизни и не показывает их классовой принадлежности и стремлений, наделяет действующих лиц положительными чертами. Например, и Ахмат и Кыргыз неподкупны, для них превыше всего — человеческое достоинство и честь, им чуждо рабское преклонение перед царскими властями, они не терпят унижений и обид. Но автор, ставя вопросы защиты человеческой чести и свободы, избегает социальной характеристики побуждений своих героев. Понимание свободы, во-первых, абстрактно, а во-вторых, ограничено лишь узкой сферой личных отношений.

Кыргыз — гордый, наделенный сильным духом человек. Он не снес унижения, не простил приставу жестокой обиды и убил его. Спасаясь от преследований властей, горец становится абреком.

Ахмат — простой табунщик, труженик. Он честен и так же, как Кыргыз, очень дорожит своим добрым именем и достоинством. К нему явился Кыргыз с настойчивой просьбой дать ему возможность угнать из табуна самого лучшего коня, коня старого Берда. Он паотрез отказался, как огня, боясь позора и людского осуждения. «Лучше смерть, чем позор» — вот его девиз. И Кыргыз, главный герой произведения, и Ахмат, друг Кыргыза, и Газак, брат Ахмата, — все они оберегают лишь свою честь, отстаивают лишь свою личную свободу. Они изолированы от мира острой классовой борьбы.

И хотя в пьесе явно звучит мотив борьбы с царской администрацией, герои Е. Бритаева выступают в одиночку. «Лучше смерть, чем позор», — этот девиз ни в какой мере не отражает процесса политического пробуждения масс, борьбы трудящихся за освобождение от социального гнета.

В самый разгар революционных событий 1905 — 1907 годов Е. Бритаев написал драму «Хазби», в ко-

торой он, сказав историческую правду, идеализирует восстание тагаурских¹ алдаров в 1830 году. Писатель не понял реакционного характера восстания, не понял того, что его инициаторами были крупные алдары, которые использовали недовольство осетинских крестьян порядками, установленными царской администрацией, для защиты своих феодальных привилегий.

Затушевывая классовую борьбу в Осетии, отрицая деление общества на сословия, Е. Бритаев не показал подлинной сущности этого антирусского феодального движения.

В данном случае речь должна идти не только об ограниченности мировоззрения Е. Бритаева, но и о буржуазно-националистических взглядах писателя, которые наиболее полно и обнаженно проявились в этой драме.

Е. Бритаев полагал, что Осетия в 1830 году, во времена похода генерала Абхазова, находилась в «фазисе родового периода своего исторического существования при натуральном хозяйстве»².

Современная историческая наука неопровержимо доказала, что тагаурское общество делилось на алдаров и подвластных им крестьян и что их выступление в 1830 году было реакционным. Е. Бритаев же утверждает, что Абхазов застал тагаурцев в «фазисе родового периода», и, стало быть, интересы алдаров и крестьян совпадали.

Свои буржуазно-националистические взгляды Е. Бритаев выразил и в ряде статей. И в начале XX века, по его мнению, в Осетии не было строгого деления общества на классы. В черновых набросках статей «Об осетинской литературе» и «Судьба осетинской литературы» Е. Бритаев писал, что писатель должен быть идеологом определенного класса. Но в Осетии нет классов и великому писателю не суждено появиться, потому что ему как идеологу некого будет представлять. И в этой весьма путаной и примитив-

¹ Тагаурцы — одна из ветвей привилегированного алдарского сословия в Восточной Осетии.

² Архив СОНИИ, ф. Е. Бритаева, 2/25, стр. 3.

ной «теории» Е. Бритаева очевидны отрывки его националистических взглядов.

Но вернемся к драме «Хазби». Главным действующим лицом произведения является Хазби. Автор, верный себе, не раскрывает классовой сущности поведения своего героя. Хазби в пьесе Е. Бритаева то выступает в защиту бедноты, то отстаивает интересы феодалов, прикрывая все это тогой заступника «общенародного». Вполне понятно, что его личная храбрость, его патриотические чувства, декларируемые драматургом, становятся беспочвенными. Больше того, образ матери Хазби, честной горянки, гордой, свободолюбивой женщины, благословляющей сына на верную гибель во имя свободы, снижается. В драме не показаны реальная историческая почва и жизненно достоверная обстановка, которые обусловили бы проявление матерью Хазби высоких благородных чувств и побуждений.

Если в упомянутых произведениях Е. Бритаев идеализировал отживающие свой век патриархальные отношения, то в драме «Две сестры» он не пожалел красок для показа губительного влияния умирающего адата на человеческие взаимоотношения и борьбы молодого поколения во имя нового. Писатель изобразил борьбу между носителями реакционного и прогрессивного начала. Положительной чертой драмы следует признать то, что она показывает, как новые прогрессивные идеи доходят до сознания задыхающихся в тисках патриархального семейного деспотизма девушек Хансят и Асят. В неравном суровом столкновении с адатами одна из сестер погибает, но моральная победа остается за ними.

Выступление девушки-горянки за свои человеческие права не впервые изображается в осетинской литературе, но драма «Две сестры» отразила существенные изменения в жизни. Асят и Хансят в отличие от литературных предшественниц не одиноки в своей борьбе. Их поддерживают близкие им по духу люди — Камболат, Килцыко и другие.

Е. Бритаев изобразил двух сестер-сирот, вынужденных жить у Татаркана, дяди по отцу. Татаркан

придерживается патриархальных взглядов. Он суров и жаден, хотя внешне показывает себя прямым и честным, хитер и коварен. Решив продать бедных девушек за большой калым, Татаркан организовал их похищение. Сын Татаркана — Буца — также смотрит на сестер как на источник дохода и открыто говорит о том, что готов обменять Асят на коня. Такими же корыстными вожделениями обуреваем и Агубечир. Их нисколько не интересует судьба бедных сирот. Для них девушка — безмолвное существо, у которого не должно быть никаких желаний, которое беспрекословно должно подчиняться воле старших.

«Если младший перестанет слушаться старшего, то людские порядки разрушатся», — говорит Асланбег, выражая убеждения татарканов, агубечиров и прочих ревнителей старины.

Диаметрально противоположны убеждения положительных героев драмы. Они ощущают всю злобность адатов, зовут к борьбе против них. Обращаясь к сестрам — жертвам беззастенчивого насилия, — Килцыко говорит:

— Те обычаи и адаты, нарушить которые вы боитесь, вашу жизнь на этом свете превратили в ад, а вас самих в рабов. Вы привыкли переносить это вековечное зло, как бык ярмо, и уже не чувствуете его... Что вам дали хорошего наши адаты? Они своей тяжестью давят вас... мои дорогие сестры, и вы это чувствуете, но у вас нет смелости пошевелиться...

Хансят. Что, по-твоему, мы должны делать?

Килцыко. Довольно молиться бездушному кумиру. Бей по кандалам, чтобы они разбились! Бей, и если у тебя нет достаточно сил, то вот тебе две сильные руки, они помогут тебе.

Килцыко не одинок. Двух сестер поддерживают и Камболат, и Пупа, жених Асят, олицетворяющий верность свободной и чистой любви. Им симпатизируют и охотник Хадзымат и пастух. Это они освободили Асят из грязных лап похитителей, и она обрела счастье с любимым человеком.

Е. Бритаев создал в драме «Две сестры» реалистические образы и типы. Драматург смог глубоко

раскрыть звериное нутро мракобесов, он беспощадно бичует реакционные адаты старины.

Выступая за эмансипацию женщины, разоблачая феодально-патриархальные адаты, приверженцев старины, Е. Бритаев не решает, однако, проблемы социального преобразования жизни, хотя социальные вопросы в драме занимают значительное место. Его положительные герои представляют бедноту. Татаркан, Саламджери и их единомышленники — состоятельные люди. Между беднотой и этой группой людей ни на минуту не затухает борьба. Однако их борьба по своему характеру и содержанию, по формам и перспективам очень далека от социальной, классовой борьбы.

Тем не менее, правдивое изображение характерных явлений жизни осетин в предреволюционную эпоху, глубокая идейность, яркость образов и композиционная стройность позволяют ставить драму «Две сестры» в ряд лучших произведений осетинской драматургии.

Трагедия «Амран» написана Е. Бритаевым по мотивам осетинских народных сказаний о Прометее-Амране. Амран, прикованный богом богов к кавказским горам, символизирует собой, по замыслу автора, счастье поработанного человечества. Только с освобождением Амрана избавится человечество — дети земли — от рабства и гнета. А освободит его только тот земной человек, который выпьет из родника, образуемого слезами и кровью Амрана.

В пещеру, к которой к скале прикован Амран, проникает пастух Бесо. Он испил из родника. «Надежда» Амрана, отделившаяся от Амрана в образе девы и в течение многих веков оберегающая его, заставила пастуха сделать еще один глоток, чтобы он не только прозрел, но и обрел силу и смелость. Бесо проникся решимостью освободить Амрана. Единственное средство спасти его — это удлинить цепь, висящую над ним. Пастух Бесо забросил свой дом, семью, хозяйство и отдался кузнечному делу, решив во что бы то ни стало выковать спасительное звено к цепи.

Черные силы, по воле громовержца охраняющие прикованного Амрана, подняли население против Бесо. Бес Дуртула ходит по селам, по домам и уверяет людей в том, что Бесо готовится совершить злодеяние, и что если ему удастся осуществить свое намерение, то все погибнут. Люди ожесточились против Бесо, мешают ему. Даже Чабахан — любимая жена Бесо — стала всячески препятствовать делу. При помощи сына Цопана и рабочих острова преодолев все трудности, Бесо выковал спасительное звено к цепи. Но громовержец и подвластные ему темные силы не дают Бесо пройти в пещеру, мечут в него молнии, стрелы. Ослепленные Дуртула люди идут вслед за ним, стараясь своей мольбой заставить Бесо оглянуться¹. Бесо вот-вот достигнет цели. Но Дуртула удалось одержать победу, он воспользовался любовью Бесо к народу, который смог заставить его оглянуться. Бесо погиб, вход в пещеру закрылся. Амран остался прикованным к скале.

Но борьба не окончилась. Бесо был одинок в своих усилиях освободить Амрана. Из родника, образуемого слезами и кровью жертвы громовержца, напился поначалу лишь он один. Теперь к спасительной влаге приникли двое — сын Бесо Цопан и бывший ярый враг Бесо — пастух Саго. Борьба за освобождение Амрана — благодетеля человечества — возобновляется. Нас никто и ничто не остановит, — говорит Цопан.

И читатель верит, что при новом штурме пещеры титан будет освобожден.

Главным мотивом трагедии является борьба человека за свое освобождение. Что мешает ему стать свободным? Темнота и невежество, то, что он не прозрел еще по-настоящему и находится во власти сковывающих его темных сил. Что нужно для того, чтобы он освободился? Прежде всего то, чтобы рядом прозревших, сознательных борцов за счастье увели-

¹ Е. Бритаев здесь использовал часто встречающийся в фольклоре мотив: герой не должен оглядываться назад, иначе он не достигнет цели, погибнет.

чились, чтобы люди знали, где их счастье, кто их друзья и враги.

Трагедия «Амран» — произведение высоких художественных качеств, ярких образов, острых конфликтов, написанное красочным, подлинно народным языком.

До начала XX века у осетин театрального искусства не было. Народные представления служили лишь развлекательным целям.

В небольшом драматическом произведении «Долой обезьяну, да здравствует осетинский театр!» (1912 год), Е. Бритаев в символических картинах и образах выразил заветную мечту о создании осетинского национального театра. В сценке обезьяна чудом превращается в красивого юношу — символ театра, наставника, который откроет путь к свету и счастью, поведет народ вперед.

Возникновению символического образа юноши-театра способствовали, по-видимому, драматические произведения, созданные незадолго до этого самим Е. Бритаевым, Р. Кочисовой, Д. Короевым и другими драматургами, и укрепившие убеждение Е. Бритаева в возможности и необходимости создания театра.

Кроме драматических произведений, Е. Бритаев написал несколько рассказов. Из них следует отметить «Озеро» (1907 год) и «Мечь молодого горца» (1911 год), поскольку они характеризуют его взгляды в те годы. В «Озере» нашли отражение идеи упадничества, дух неверия в грядущее, которые распространились среди части идейно неустойчивой интеллигенции в период столыпинской реакции. Рассказ аллегоричен, но не трудно обнаружить его идейную суть.

Писатель переживал поражение революции 1905—1907 годов и с горечью рисовал мрачные картины разгула реакции. Напуганные репрессиями обитатели озера замолкли, шум волн затих. «Озеро замолкло навск», — так заканчивает свой рассказ Е. Бритаев, показав свое неверие в новый революционный подъем трудящихся.

В рассказе «Мечь молодого горца» писатель возвращается к теме борьбы с патриархальными пере-

житками и разрабатывает ее с позиций поборника прогрессивного. Герой рассказа Ахмет жаждет кровной мести, но убийца его брата заключен в тюрьму, и он бессилен выполнить долг, завещанный дедами. Ахмет решил проникнуть в темницу. Но как это сделать? Он совершает проступок, и, к его счастью, посажен в одну камеру со своим кровником. Им разработан план убийства недруга, но после долгих переживаний и размышлений в нем одерживает победу разумное, и он приходит к выводу: месть недостойна человека.

Таково, в общих чертах, творчество Е. Бритаева со всеми присущими ему идейными срывами и ошибками. Некоторые исторические проблемы рассматривались им с позиций буржуазного национализма (драма «Хазби»). На ряде его произведений пагубно сказались его национальная и политическая ограниченность. Партийно-политическая деятельность Е. Бритаева была порочной, и он оказался перед Октябрем в лагере контрреволюции. Поэтому ошибочно утверждение иных исследователей о том, что в своем творчестве писатель дошел до прославления диктатуры пролетариата и идей коммунизма. Высшим политическим идеалом Е. Бритаева был буржуазный демократизм, «европейский парламентаризм». По его мнению, Февральская революция означала достижение конечной цели, осуществление стремлений народных масс, жаждавших свободы, и именно как таковую он ее приветствовал.

Не закрывая глаза на идейные вывихи Е. Бритаева, на ложность политического пути писателя, мы в то же время, как правильно отмечал писатель А. А. Фадеев, не должны отрицать «большого значения для осетинского народа его драматургической деятельности, его художественного творчества»¹. В самом деле, опустив творчество Е. Бритаева, невозможно было бы составить исторически верное представление об осетинской дореволюционной драматургии и развитии осетинского театра.

¹ Юбилей Коста Хетагурова, 1859 — 1939, Орджоникидзе, 1941, стр. 92.

Вслед за Е. Бритаевым в годы первой русской буржуазно-демократической революции с драматургическими произведениями выступила первая осетинская писательница Роза Кочисова. Она родилась в 1888 году в селении Ольгинском (Северная Осетия). Благодаря заботам родителей, Р. Кочисова смогла получить образование. Она училась во Владикавказской женской гимназии, много читала, увлекалась русской классикой и прониклась ее гуманистическими идеями. Окончив шесть классов гимназии, Р. Кочисова работала учительницей, стремясь принести посильную помощь делу просвещения родного народа.

Тяжелая болезнь не дала ей возможности проявить всю силу своего дарования. Она умерла в 1910 году.

Роза Кочисова написала несколько пьес: «Лгун» (или «Наш пристав сошел с ума»), «Завет отца или моя любовь», «Солнце — мой свидетель, земля — мстительница за меня» и другие. Наибольшей популярностью из них пользовалась комедия «Лгун». Она была издана в 1907 году и часто ставилась на сцене кружками любителей, а в советское время — и осетинским профессиональным театром.

Юная писательница проявила художническое чутье к окружающему миру. Проблематика ее творчества на первый взгляд может показаться чрезмерно узкой, ограниченной. Но она никогда не оставалась в плену бытовых фактов и явлений, умела видеть в малом значительное и раскрыть социальную сущность событий.

Р. Кочисова ратовала за все светлое, стремилась помочь людям избавиться от стародавних патриархальных адатов. Она смело заговорила о том, насколько пагубно их влияние на молодежь («Завет отца или моя любовь»). После революции, в годы реакции царская администрация, напуганная недавними событиями, прислушивалась ко всяким вздорным слухам и нередко попадала в глупое положение. Р. Кочисова зло высмеивает в одной из своих пьес сельского пристава с его «всевидающими глазами и всеслышающими

ушами», одураченного находчивым, остроумным бедняком Умарханом («Наш пристав сошел с ума»).

Писательница живо интересовалась участью горянки. Бесправие женщины глубоко возмущало ее. В 1907 году она выступила в печати со статьей «К осетинским девушкам», в которой призывала их бороться за свое освобождение от феодально-патриархального рабства, от тлетворной власти дедовских адатов, против взимания калыма и других пережитков старины.

Р. Кочисова — не только первая, но и единственная писательница в дореволюционной осетинской литературе, если не считать Лену Коцоеву, которая в 1908 году выступила с пьесой «Первый день молодого учителя в школе», слабой в художественном отношении.

Развитию осетинской драматургии способствовало и творчество Давида Короева. Литературные интересы его носили довольно разнообразный характер. Помимо пьес, им написано множество поэтических произведений и публицистических статей. Но несмотря на социальную остроту проблематики, на злободневность содержания его стихотворений, басен, статей, именно драматургия Д. Короева представляет наибольший интерес, именно в пьесах его мастерство и чутье художника проявились с наибольшей силой и полнотой.

Давид Гигоевич Короев родился в 1890 году в Южной Осетии, в горном селении Ерман. Здесь он провел свои детские годы. Отец Д. Короева жил бедно, не мог прокормить свою семью и вынужден был переселиться в Алагир (ныне один из городов Северо-Осетинской АССР) к богатым братьям. С помощью дяди Давиду Короеву удалось окончить сельскую школу, а затем и городское училище. В последующие годы он много занимался культурно-просветительской деятельностью. Долгое время работал в издательском обществе «Ир», имел свой книжный магазин. После установления Советской власти в Осетии принял активное участие в кооперативном строительстве.

Умер писатель 4 декабря 1924 года.

Комедия Д. Короева «Не я был, кошка была», изданная в 1913 году отдельной брошюрой во Владикавказе, пользовалась большой популярностью еще в те годы, она неоднократно ставилась и в Северной и в Южной Осетии. Успех комедии объясняется, в первую очередь, актуальностью ее содержания. Автор разоблачает взяточничество, произвол царской администрации на селе, показывает ее моральную опустошенность и нечистоплотность. Главная забота этой администрации — и старшины Химана, и писаря Николая Петровича — побольше урвать с населения, беззастенчиво обирать доведенных до нищенского состояния сельчан. Для них все средства хороши, ничто не может их смутить. Понятия чести, совести не существуют для них. Все они одного поля ягоды и сообща грабят трудовой народ. Однако им ничего не стоит продавать друг друга, была бы только выгода от этого. Старшина Химан составляет протокол на кого-нибудь с целью вымогательства. Протокол уничтожается писарем, чтобы получить «гонорар». Таков этот вконец разложившийся мир казнокрадов, вымогателей, вершивших в условиях самодержавного режима судьбами людей.

Образ жизни, волчья мораль оказывали, несомненно, разлагающее влияние на людей, подачки развращали их. Но бедный люд представлен не ими. Среди бедноты растут силы протеста.

Образ революционера Темирболата — серьезная удача драматурга. И хотя ему в комедии уделено меньше места, чем, скажем, Химану, он является выразителем основной идеи произведения, замысла писателя. Это — не покорный раб, а человек, сознательно идущий на борьбу, мобилирующий силы бедноты для борьбы против богачей.

Тюрьма, репрессии не сломят его, не изменят его убеждений. «Помните,— говорит Темирболат своим противникам,— мы никогда не забудем эти гнусные дела! Запомните, трудящийся никогда не простит вам эти злодеяния. Знайте, вечно так не будет продолжаться, и тогда померяемся силами, каждый из нас покажет, на что он способен».

Светом грядущей свободы озарен этот образ, в котором Д. Короев воплотил и свою заветную мечту, и непоколебимую веру в торжество правды и справедливости.

Писатель великолепно знал и понимал, как много помех на пути к свободе, как труден этот путь. Сколько бед, несчастья приносят бедняку, обремененному всевозможными пережитками, гадалки, знахари и прочие служители культа. Обкрадывая бедняка, они намеренно затемняют его сознание, отравляют ядом предрассудков.

В пьесе «Гадалка» (1912 год) Д. Короев острие своего пера направил против тех, кто культивировал невежество, распространял суеверия. Хитра и коварна гадалка Чабахан, ее намерения и действия не согласуются с элементарными нормами морали. Вконец разложившаяся женщина, она забыла о человеческой совести и стыде. Без зазрения совести отравляет мужа, обманывает любовников, натравливает их друг на друга. Обиравая незадачливых клиентов, она своими «советами» заставляет их наносить ущерб своему хозяйству или хозяйству соседа. Это — воплощение человеконенавистничества, мракобесия, это — человек, находящий удовлетворение в том, чтобы приносить людям страдания и боль, бедствия и несчастья.

Многое удается Чабахан. Козни и «советы» ее принесли немало вреда. Но не уйти ей от правосудия. Бесу зла и коварства не затмить света правды мрачной тенью. Писатель противопоставил Чабахан светлую личность, учителя Бимболата. Просвещенный ум Бимболата, борющегося против нее, завоевывает симпатии бедноты, и ему после долгой борьбы удается разоблачить проделки гадалки, вывести ее на чистую воду.

Писателя не перестает занимать проблема моральной чистоты человека и человеческих взаимоотношений. Со злой иронией рассказал он о нравственной скудости царской администрации, средствами сатиры показал изнанку, душевную грязь Чабахан. В пьесе «Те, кто любит друг друга» Д. Короев вновь ратует за чистое, возвышенное чувство любви, критикует тех,

кто нравственно неустойчив, не дорожит человеческим достоинством, по слабости воли и характера расстраивает попусту силы и энергию.

В ряду лучших драматических произведений предреволюционной осетинской литературы стоит и драма Алихана Токаева «Белые вороны», впервые поставленная на сцене в 1913 году. Драма многотемна. Автор смог увидеть и изобразить осетинское селение предоктябрьского периода со всеми его социальными противоречиями, особенностями быта и нравов. Прежде всего в глаза бросается четкое классовое расслоение жителей селения. Вот перед нами богач Гаппа; в сложные отношения вступает с ним бедняк Цора; в драме действуют и середняки,— словом все слои сельского общества проходят перед зрителем, обнаруживая свою классовую сущность.

Бедняк Цора — один из центральных образов драмы, воплощение положительного начала в произведении. Он молод, полон энергии, но хозяйство его убого, оно не может обеспечить семью, и это вынуждает Цору наняться пастухом у Гаппа. Пытаясь избавиться от нищеты, Цора выбивается из сил, но все его усилия тщетны.

Неудачи повсюду подстерегают юношу. Чистой, трепетной любовью полюбил Цора дочь Калау, человека жадного, преклоняющегося перед реакционными адатами. Для него дочь — не любимое дитя, а нечто вроде предмета купли и продажи, существо бессловесное, обязанное выполнять его отцовскую волю. Калау открыто заявляет, что отдаст свою дочь тому, кто заплатит ему калым в десять тысяч рублей. Ему дела нет до того, кто будет мужем его дочери — честный, красивый, энергичный молодой человек Цора или недалекий, невзрачный Казауат, наследник богатого Гаппа. Для него неважно, любит его дочь Милуан Цора или Казауат или не любит; по его разумению, она должна быть послушной воле родителя, определяемой калымом.

Милуан придерживается других взглядов. Она любит Цору и не скрывает своих чувств, готова уехать с ним хоть на край света, жить даже в лесу. Так и

поступила Милуан, когда отец продал ее Казауату. Иначе она и не могла поступить, потому что свое счастье видела в свободной от власти денег и адатов чистой любви. Но это счастье растоптано, она гибнет в тисках старых реакционных обычаев, используемых кулаками, погибает и Цора.

Пережитки патриархальной старины в быту, тяжелым бременем ложась на плечи человека, используются к тому же еще власть имущими в своих целях.

Гаппа кичится своим богатством, он может осуществить любое свое намерение. Но у него есть и другое оружие для достижения цели. Используя отсталость взглядов Калау, он покупает Милуан для своего глупого сына. Калау жаден, готов встать на колени перед денежной сумой, но это не просто его человеческий порок или слабость. Это жадность стяжателя, Калау — определенный социальный тип, человек, который дорожит силой, данной ему богатством и родовскими обычаями.

Бичуя реакционные адаты, писатель выступает против социальной несправедливости и неравноправия. Ему враждебно общество Калау и Гаппа, мир эксплуатации и наживы. Своим произведением он вызывал к ним ненависть читателя, звал молодежь освободиться от реакционных адатов.

В этом сила и значение драмы А. Токаева «Белые вороны».

* * *

Осетинская литература 1905—1917 годов развивалась в сложных условиях ожесточенной классовой и идеологической борьбы. Продолжая реалистические традиции Коста Хетагурова, Цомак Гадиев, Арсен Коцоев, Георгий Цаголов, Давид Короев и другие смело защищали интересы трудящихся, все свои силы отдавали делу просвещения родного народа, помогали пробуждению в нем свободолюбивых стремлений. Революционные идеи утверждались в осетинской литературе в борьбе с реакционными силами. Монархист Г. Баев, меньшевик А. Цаликов, буржуазные националисты в своих статьях и художественных про-

изведениях отрицали наличие классов и классовой борьбы в Осетии. Мы уже говорили о драме Е. Бритаева «Хазби», в которой автор реакционное движение тагаурских феодалов в начале XIX века изобразил с буржуазно-националистических позиций, затушевывая классовую борьбу. И в черновых набросках статей «Об осетинской литературе» и «Судьба осетинской литературы» Е. Бритаев утверждал, что в современной ему Осетии нет ясно определившегося деления на классы.

Открытой идеологической реакции не удалось увести осетинскую литературу в сторону от ее столбовой дороги, указанной Коста. Все здоровое, жизнеспособное, тесно связанное с народом, собиралось под знамя Коста и успешно продолжало его великое дело. Поэтому упадочнические мотивы, проникшие и в некоторые стихотворения А. Токаева, В. Доцоева и других поэтов, отход от реалистических принципов в ряде произведений А. Кубалова, отдельные творческие срывы Г. Цаголова, не могли определить основной идейно-художественной направленности осетинской литературы. Она была проникнута демократическими идеями, реалистически отражала действительность.

Зарождение периодической печати на осетинском языке, развитие драматургии, значительное увеличение числа произведений, переведенных с русского языка на осетинский, выпуск целого ряда книг и брошюр,— все это говорило об обогащении и дальнейшем развитии художественной литературы в Осетии.

1905—1917 годы были годами окончательного утверждения метода критического реализма в осетинской литературе. Однако осетинская литература подлинного расцвета достигла после Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей все условия для развития культур народов нашей страны.

При Советской власти осетинские писатели получили неограниченные возможности для плодотворного труда и издания своих сочинений на родном и на русском языках. Если такие видные писатели, как Арсен Коцоев, Цомак Гадиев, до революции не смогли выпустить ни одной книги, то только в первой половине

20-х годов вышли в свет отдельными сборниками произведения Арсена Коцоева (3 сборника), Георгия Малиева, Цомака Гадиева, Андрея Гулуева, Гино Бараккова, Созура Баграева, Александра Кубалова, Нигера, Мисоста Камбердиева и многих других.

Больших творческих успехов достигли в годы Советской власти писатели старшего поколения — А. Коцоев, Ц. Гадиев и Г. Малиев. Расцвело творчество С. Баграева, Нигера, А. Гулуева, начавших свою литературную деятельность в предреволюционные годы. В литературу пришли молодые талантливые поэты, писатели, драматурги М. Камбердиев, Б. Боцисв, Ч. Бегизов, С. Кулаев, Д. Мамсуров и другие, значительно обогатившие ее своими произведениями.

Осетинская литература вступила в новый этап развития, ознаменовавшийся крупными достижениями, созданием эпических полотен, пьес, поэм о героической борьбе народа за свободу, о самоотверженном труде строителей коммунизма. Благодаря ленинской национальной политике, братской помощи великого русского народа, благодаря неустанной заботе Коммунистической партии о росте культуры и литературы народов СССР осетинская литература прочно стала на позиции социалистического реализма, на позиции литературы победившего социализма и строительства коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий обзор истории дореволюционной осетинской литературы, а частично и культуры, позволяет сделать некоторые выводы об ее зарождении и процессе развития.

Осетинская литература неразрывными узами связана с многообразным, исключительно богатым по содержанию, покоряющим своей высокой художественностью устным народным творчеством. В литературе прочное место заняли произведения, написанные по мотивам, заимствованным из фольклора (отдельные стихи, поэмы, рассказы, пьесы Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Блашка Гуржибекова, Елбыздыко Бритаева, Георгия Малиева и других). Писатели творчески использовали в своей практике художественно-изобразительные средства и традиции устной поэзии и тем самым обогащали осетинскую литературу.

Благотворное влияние на развитие осетинской культуры оказала передовая культура великого русского народа. Осетинская письменность родилась в результате добровольного присоединения Осетии к России. В создании осетинской письменности, в изучении осетинского языка и фольклора самое деятельное участие принимали русские ученые (академики Шегрен, Миллер, Шифнер и другие). Передовая интеллигенция Осетии формировалась под воздействием русской культуры и науки. Деятели осетинской культуры и литературы получали образование в крупных городах России и испытывали благотворное влияние культуры и литературы России. На идеях русских революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, Некрасова формировалось мировоззрение Коста Хетагурова, Цомака Гадиева и других писателей.

Прочную основу осетинской художественной литературы заложил своими произведениями Коста Хетагуров. Вслед за ним в литературу вошли поэты и писатели С. Гадиев, Б. Гуржибеков, Ц. Гадиев, А. Коцоев и другие. Зарождение периодической печати на осетинском языке способствовало дальнейшему раз-

витию осетинской литературы, в которой уже до революции существовали лирический, эпический и драматический виды, публицистика и литературная критика (правда, последняя находилась еще в зачаточном состоянии). Не было лишь крупных эпических форм — повестей и романов, которые появились только при Советской власти, в 30-х годах.

Осетинская прогрессивная литература, развиваясь в русле традиций русской реалистической классики, боролась с антиреалистическими течениями (декадентство, натурализм) и достигла значительных успехов, создала целый ряд разнообразных художественных образов.

Выработав свои национальные традиции в художественном творчестве, лучшие осетинские писатели подготовили почву для создания литературы, социалистической по содержанию, национальной по форме.

Современные осетинские писатели, изучая опыт русских классиков и крупнейших писателей братских республик, развивая реалистические традиции своей родной литературы, достигли значительных творческих успехов. Наиболее выдающиеся произведения осетинской литературы систематически переводятся на русский язык и на языки других народов СССР и становятся достоянием читателей нашей великой Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	Постановка вопроса	Краткий обзор русско-осетинских отношений с древнейших времен до начала XIX века	Зарождение осетинской письменности	Первые печатные книги	3
Глава первая.	Осетинский фольклор и его связи с письменной литературой				20
Глава вторая.	Культура и литература осетинского народа с конца XVIII века до 80-х годов XIX века				54
Глава третья.	Осетинская литература 80—90-х годов Коста Хетагуров				92
Глава четвертая.	Литература 90-х годов XIX века до 1905 года. Современники Коста Хетагурова. Становление критического реализма в осетинской литературе				180
Глава пятая.	Осетинская литература в период между 1905 и 1917-м годами. Окончательное утверждение критического реализма				217
Заключение					282

Хадзыбатыр Навиевич Ардасенов

ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор С. Т. Марзоев Художник Р. П. Скакун
Худ. редактор В. М. Демуров Тех. редактор А. А. Дзигоев.
Корректоры В. И. Ларина, Г. Н. Кайтуков

Сдано в набор 21-I 1959 г. Подписано к печ. 14-V-1959 г. Формат бумаги 84x108¹/₃₂. Печат. листов 14,455. Куплетно-изд. листов 13,41. Заказ № 270.
Изд. № 148 Тираж 1900. ЕИ 00911. Цена 6 р 35 к.

Северо-Осетинское книжное издательство, г. Орджоникидзе, пр. Сталина, 11
Республиканская книжная типография, г. Орджоникидзе, ул. Джанаева, 20

Цена 6 р. 35 к.